

Джой Адамсон

СВОБОДНАЯ НАВСЕГДА

Annotation

Книга известной писательницы и биолога-натуралиста Джой Адамсон основана на дневниках, которые автор вела в Кении, наблюдая за своей воспитанницей львицей Эльсой и ее детенышами. Это вторая книга трилогии.

- [Джой Адамсон.](#)
 - [Глава первая. ПРИКАЗ О ВЫСЫЛКЕ](#)
 - [Глава вторая. ЭЛЬСА БОЛЬНА](#)
 - [Глава третья. ПОИСКИ НОВОГО ПРИСТАНИЩА ДЛЯ ЛЬВОВ](#)
 - [Глава четвертая. СМЕРТЬ ЭЛЬСЫ](#)
 - [Глава пятая. ОПЕКУНЫ](#)
 - [Глава шестая. МЫ РАЗРАБАТЫВАЕМ ПЛАНЫ](#)
 - [Глава седьмая. ИХ ПРИНЯЛИ В ПРАЙД](#)
 - [Глава восьмая. ОСЛОЖНЕНИЯ](#)
 - [Глава девятая. КРИЗИС](#)
 - [Глава десятая. ПОДГОТОВКА К ПОИМКЕ ЛЬВЯТ](#)
 - [Глава одиннадцатая. ПОИМКА](#)
 - [Глава двенадцатая. МЫ ЕДЕМ В СЕРЕНГЕТИ](#)
 - [Глава тринадцатая. КОНЕЦ ЗАТОЧЕНИЯ](#)
 - [Глава четырнадцатая. МИГРАЦИЯ](#)
 - [Глава пятнадцатая. УРОЧИЩЕ](#)
 - [Глава шестнадцатая. ТУРИСТ В СЕРЕНГЕТИ](#)
 - [Глава семнадцатая. СВИДАНИЕ СО ЛЬВЯТАМИ](#)
 - [Глава восемнадцатая. ДОЛГИЕ ПОИСКИ](#)
 - [Глава девятнадцатая. ЛАСТОЧКИ](#)
 - [Глава двадцатая. ЦЕНА СВОБОДЫ](#)
 - [Коротко об авторе](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- 3
 - 4
-

**Джой Адамсон.
Свободные навсегда**

Глава первая. ПРИКАЗ О ВЫСЫЛКЕ

В Сочельник 1960 года мы получили от властей приказ убрать Эльсу и львят из заповедника. Из-за того, что Эльса привыкла к нам, пояснялось в приказе, она может оказаться опасной для других людей.

Это нас удивило. Ведь власти сами же помогли нам выбрать для нее район и до сих пор считали, что Эльса приносит заповеднику пользу. Два с половиной года она прожила здесь и никого не обидела. Мы не меньше их заботились о том, чтобы не было несчастных случаев, и даже предложили платить аренду за участок Эльсы, тогда его можно будет закрыть для посетителей без ущерба для заповедника.

Теперь, когда мы получили это предписание, надо было поскорее найти для львов хорошее место и постараться перевезти их туда по возможности безболезненно.

Мы написали друзьям в Танганьики, Уганду, обе Родезии и Южную Африку, спрашивая, нельзя ли там подыскать подходящий уголок. Но прежде чем окончательно решиться увести Эльсу и львят из Кении, Джордж хотел обследовать восточные берега озера Рудольф на севере Кении.

Меня этот план не радовал. Уж очень там неприятно, и может оказаться слишком мало дичи, так что львы будут зависеть от нас. К тому же места эти очень глухие, в случае беды трудно рассчитывать на помощь. Но, с другой стороны, удаленность имеет свои преимущества. При такой изолированности и суровости края львиное семейство по крайней мере не станет пешкой в какой-нибудь игре.

В ожидании ответа на наши письма мы на всякий случай подготовились к переезду на озеро Рудольф. Путь должен был занять двое-трое суток. Мы знали, что дороги туда скверные, придется пересекать песчаные русла, участки пустыни и каменистые откосы.

Когда мы в первый раз перевозили Эльсу, ей дали успокаивающее, которое оказалось слишком сильным для нее. Теперь Эльсе предстояло долгое путешествие вместе со львятами, и опять могло понадобиться лекарство. Я списалась с ветеринарами в Кении, Англии и США и попросила назвать средство, наиболее безопасное для львов. Лекарство надо будет подложить в пищу, во всяком случае львятам, ведь они не дадут сделать укола. Мы решили, не откладывая, приучить их есть в определенном месте. Это позволит нам проследить, сколько мяса съедают львята, и проверить, каждый ли получил свою дозу.

Для этого мы устроили наклонную насыпь, подогнали к ней грузовик, так чтобы кузов пришелся вровень с ее верхом, и оставляли в кузове обед для семейства. Когда львята привыкнут к новому месту, мы накроем кузов проволочным каркасом с дверцей, которую можно опускать во время кормления. Грузовик станет передвижной клеткой.

Насыпь устроили по соседству с «кабинетом». Я с грустью смотрела на львят, которые очень заинтересовались необычной деятельностью на их любимой площадке, нюхали разрытую почву, катались по земле — словом, явно считали, что все это затеяно для их увеселения.

28 декабря Джордж уехал в Исиоло, чтобы через несколько дней отправиться на разведку к озеру Рудольф. Под вечер я встретила семейство у реки. Эльса и Джеспэ ласково поздоровались, затем мы все спустились к воде. Львята вбежали в реку и затеяли там возню, ныряя и гоняясь друг за другом, а мы с Эльсой

сидели на берегу. Мать важно следила за детенышами, но, едва они вышли из воды, она сама принялась играть с ними и помогала им искать место для новых проказ. Больше всего ей понравилось стоявшее неподалеку дерево. Львята полезли вверх по его стволу, но мать легко перегнала их. Я затаила дыхание, следя, как. Эльса поднималась все выше и выше, пока не добралась почти до макушки. Тонкие ветви угрожающе прогибались под нею. Интересно, что она затеяла? Учит детей, как лазить по деревьям, или просто хвастается? Убедившись, что дальше ветки могут ее не выдержать, Эльса с трудом повернулась и, осторожно пробуя каждую ветку, начала спускаться. Спуск прошел вполне благополучно, но приземление было далеко не изящным. И как будто желая показать, что она шлепнулась нарочно, Эльса принялась прыгать вокруг львят. Они тотчас бросились на нее, и всю дорогу домой шла игра в прятки, устраивались засады, жертвой которых чаще всего была я.

На следующий день Эльса еще раз показала мне, какая она отличная мать и хороший товарищ для своих львят. Семейство вышло на берег напротив «кабинета». Как только они приблизились, в реку скользнул здоровенный крокодил, и я не удивилась, когда увидела, что львята ходят взад и вперед по каменистому берегу, не решаясь прыгнуть в заводь.

Эльса лизнула каждого по очереди, вошла с ними в воду, и вместе они поплыли через реку. Переправившись, львята повеселели и, чтобы поскорее обсохнуть, затеяли беготню. Эльса стала бегать вместе с ними. Она поймала зубами Джеспэ за хвост и принялась вертеть его, явно забавляясь игрой не меньше, чем он. Потом Джеспэ уселся рядом со мной и подставил мне спину. Хочет, чтобы я его погладила, и понимает, что я опасаюсь, как бы он меня нечаянно не

поцарапал. В отличие от матери, Джеспэ до сих пор не научился втягивать когти, играя с людьми.

Когда я собралась на вечернюю прогулку, вся четверка отправилась со мной. Меня очень устраивал этот новый обычай, он позволял мне изучать поведение львят и давал возможность подольше побыть с Эльсой. С тех пор как появились львята, почти все ее время принадлежало им. У Больших скал Гупа и Эльса-маленькая остановились. Я поманила их за собой, но они не послушались. А Эльса спокойно пошла дальше, видимо уверенная, что с ними ничего не случится. В последнее время она уже не так строго следила за львятами и, кажется, ее не пугала их самостоятельность. Зато Джеспэ очень волновался. Он бегал от нас к брату и сестре, не зная, с кем остаться, и наконец зашагал рядом с нами.

Мы прошли около трех километров. Когда дневной зной начал спадать, Эльса затеяла возню с Джеспэ. Они играли, словно котята, всячески стараясь перехитрить друг друга.

На обратном пути я снова увидела Гупу и Эльсу-маленькую. Они лежали на скале, вырисовываясь на фоне великолепного заката. Оба равнодушно проводили меня взглядом. Эльса и Джеспэ поднялись на вершину Больших скал и тихонько позвали их. Гупа и Эльса-маленькая потянулись, зевнули и наконец подошли к матери.

Я прождала их весь вечер, приготовив для них козью тушу, но никто не явился. А ночью подал голос отец, и я поняла, почему они не пришли. Утром мы с Нуру отправились к Большим скалам проверить, все ли в порядке, и у подножия увидели следы крупного льва.

Два дня Эльса и львята не показывались в лагере, и все это время издали доносилось рычание отца. На третий день Эльса явилась под вечер с сыновьями.

Эльсы-маленькой не было, но мать это не беспокоило. Основательно закусив, все трое вернулись на скалы.

С раннего утра я отправилась по их следам и увидела на скале Гупу и Эльсу-маленькую. Опасаясь столкнуться с их отцом, я повернула обратно.

А вечером на дороге появилось все семейство. Гупа и Эльса-маленькая тяжело дышали. Они только что гонялись за шакалом, который таял где-то неподалеку. Когда Эльса подошла ко мне поздороваться, я попросила Нуру сходить в лагерь и зарезать козу. Но Джеспэ решил, что Нуру должен поиграть с ним в прятки, и не давал ему прохода, пока не вмешалась мать. Стараясь отвлечь внимание своих отпрысков, она стала играть с ними и держала их до тех пор, пока Нуру не ушел. Эльса очень часто поступала таким образом, и мы не могли не думать, что она помогает нам намеренно.

В лагере львята сразу набросились на еду. Но Эльса была чем-то обеспокоена, она несколько раз уходила на разведку в буш и наконец совсем исчезла.

1 января на душе у меня было неспокойно. Что принесет нам новый год? Джеспэ, словно желая подбодрить меня, подошел и занял «безопасную позицию» (лег ко мне спиной), приглашая поиграть с ним. Я стала гладить его, но он вдруг повернулся на спину, и я невольно отпрянула. Джеспэ удивленно посмотрел на меня и снова лег на живот. Он просто не мог понять, почему я боюсь его когтей, и настойчиво приглашал меня поиграть. Как объяснить ему, что, когда его мать была маленькой, я приучила ее убирать когти, потому и играю с нею без страха.

На другой день повторилось то же самое. Джеспэ хотел поиграть со мной, а я хотела поиграть с ним, но когти его меня отпугивали. Эльса следила за нами с крыши лендровера. Видя, как огорчился Джеспэ, она спустилась, обняла его и стала лизать, пока он опять не

повеселел. Эльса-маленькая все это время боязливо ходила среди высокой травы, стараясь спрятаться от меня. Мать подошла к ней и, чтобы успокоить, затеяла возню. Когда в игру подключились Джеспэ и Гупа, Эльса возвратилась на крышу лендровера. Я хотела погладить ее, чтобы она не обижалась на мое внешне холодное отношение к Джеспэ, но Эльса стукнула меня лапой. Весь этот вечер она не хотела меня знать.

2 января приехали на грузовике Кен Смит и Питер Соу, инспекторы соседних округов. Департамент по охране диких животных разрешил им помочь перевезти Эльсу и львят. Кен предложил устроить такую насыпь, чтобы можно было использовать его служебный грузовик «бедфорд». Он вызвался также заказать клетку для львов, пригнанную к кузову «бедфорда». А пока можно использовать наш старый грузовик «темзу», чтобы, не теряя времени, приучать львят есть в кузове.

Кен участвовал в той самой охоте, после которой в нашу жизнь вошла Эльса. Потом он дважды навещал ее, но львят еще ни разу не видел. Как только он кончил измерять насыпь, мы вместе отправились искать семейство и нашли его в лагере рядом с «кабинетом». Однако при виде двух незнакомых людей львята убежали. Эльса встретила Кена как старого друга, а к Питеру отнеслась равнодушно. Она даже позволила сфотографировать себя, но когда наши гости подошли к ней вплотную, из кустов выглянул встревоженный Джеспэ, явно готовый, если понадобится, броситься на защиту матери. Наконец он вышел из укрытия, однако от Кена и Питера старался держаться в сторонке.

Чтобы не будоражить львят, мы вернулись домой и отвели грузовик на несколько сот метров от лагеря. Немного погодя пришла Эльса. Некоторое время она наблюдала за нами, потом решительно стиснула лапой ногу Кена: пора, мол, и честь знать. Питера она не замечала по-прежнему. Кен покорился, и они с Питером

уехали. Тотчас же прибежали львята и затеяли игру. Мы лишний раз убедились, что они все более настороженно относятся к чужим. Хотя Джеспэ поборол недоверие ко мне и Джорджу, больше он никого не признавал.

Насколько он доверяет мне, Джеспэ показал на следующий день, когда позволил извлечь клеща у него из века и несколько личинок из-под кожи. В этом низменном краю полно таких паразитов. В сырых местах любит откладывать свой яички манговая мушка, и стоит животному покататься по земле или даже пройти, как они пристают к шерсти. Вылупившаяся личинка проникает под шкуру, тогда на этом месте получается вздутие величиной с орех. Когда личинка подрастет и достигнет сантиметра в длину, она выпадает через отверстие, которое пробуравила с самого начала, и превращается в куколку, потом в мушку. Под шкурой она живет дней десять, причиняя немалую боль, особенно под конец, и животное всячески старается избавиться от нее, чешется, облизывает болячку и обычно заносит через нее заразу. Своим шершавым языком Эльса часто срывала торчащую головку личинки, тело же оставалось под кожей и разлагалось, вызывая нагноение. Чтобы предотвратить это, я выдавливала личинку, как только показывалась ее голова. Это было не очень приятно для Эльсы, но все-таки лучше, чем болезненные нарывы. Такие паразиты поражают почти всех диких животных. Сами по себе они безвредны, но ослабляют сопротивляемость и открывают путь для разных заболеваний.

Джеспэ стоял неподвижно, а когда я удалила личинку, вылизал ранки и сел в «безопасную позицию», чтобы я его погладила. Впервые мне было позволено коснуться его шелковистого носа. Должно быть, он хотел показать, как благодарен за помощь.

Вечером Джеспэ зашел ко мне в палатку и сел, ожидая ласки. Его дружелюбие меня огорчало, ведь мы решили вырастить настоящих диких львов, а Джеспэ расстраивает все наши замыслы. И в то же время жаль было отказывать ему в ласке, хотя я и боялась его острых когтей. Хорошо еще, что Гупа и Эльса-маленькая оставались дикарями.

Джеспэ был вожаком тройки. Как-то я застала его в страшном смятении: вся семья переправилась через реку, а он остался на том берегу один и, боязливо глядя на воду, метался в разные стороны. Должно быть, учуял крокодила. Чтобы успокоить его, я принялась кидать в заводь, которую ему надо было пересечь, камни и палки, но Джеспэ продолжал скалить зубы на незримого врага. В конце концов, он собрался с духом, прыгнул в реку и поплыл, сильно колотя по воде лапами. Эльса стояла недалеко от меня и наблюдала, как я стараюсь отогнать крокодила. Когда Джеспэ благополучно добрался до нас, она нежно лизнула меня. Джеспэ тоже в этот день был особенно ласков.

Вечером, когда мы шли по тропе к палаткам, Гупа вдруг с сердитым рычанием бросился на меня из засады. Я не на шутку испугалась и не могла понять, откуда вдруг такая ярость, пока не увидела, что он устроился под кустом обедать.

На следующий день пришла «темза». Мы постарались почище вымыть ее и подогнали к насыпи. Однако запах бензина и масла отпугивал львят, и ничто не могло заставить их приблизиться к машине. Я подумала, что пример матери их ободрит, и попыталась заманить ее, но и Эльса не поддавалась ни на какие уговоры. Оставалось только ждать, пока семейство само не победит свои страхи. Я и так слишком много требуй от львят, а ведь они еще ни разу не бывали в машине.

Днем 8 января бабуины подняли страшный шум на берегу напротив «кабинета». Я уже привыкла к тому, что они дают знать о появлении львов, и немного погодя, захватив альбом для рисования, пошла к лагге. Эльса, Гупа и Джеспэ мирно дремали, так что мне выдался отличный случай нарисовать их. У Эльсы было несколько болячек от личинок, но, когда я попыталась выдавить их, она прижала уши и заворчала на меня. Пришлось оставить ее в покое.

Стемнело, а Эльсы-маленькой все не было. Уж не случилось ли чего? Но мать ничуть не беспокоилась, а я уже знала, что на ее инстинкт можно положиться, и решила не волноваться. Ведь если появлялась какая-то опасность, Эльса всегда чуяла это. И каким-то образом она умела сообщить львьятам свою волю. Уж как внимательно мы за ними ни следили, пытаюсь уловить хоть какой-нибудь сигнал, никогда ничего не замечали и не слышали. Эльса могла заставить львят замереть вдруг на месте, угадывала, где под водой скрывается крокодил, и чувствовала, когда поблизости таились опасные для львят животные. Она узнавала о нашем прибытии в лагерь, как бы далеко сама ни находилась и как бы долго мы ни отсутствовали. Эльса всегда безошибочно определяла, нравится она человеку или нет, даже если тот скрывал свои чувства.

Как объяснить все это? Какими же свойствами обладают дикие животные? Мне кажется, тут дело в своего рода телепатии. Возможно, она была свойственна и людям, пока они не научились говорить.

Когда я кончила рисовать, мы пошли в лагерь, и львы получили свой обед. Вдруг Эльса настороженно прислушалась и медленно пошла к реке. Я отправилась следом. Уже смеркалось. Вскоре я заметила на противоположном берегу Эльсу-маленькую. Она бегала взад и вперед, не решаясь войти в реку. В этом месте было глубоко, и я не раз видела здесь большого

крокодила. Эльса ласково мяукнула и, пристально глядя на Эльсу-маленькую, затрусилась вдоль берега. Та последовала, ее примеру. Когда они дошли до мелкого места, Эльса остановилась и позвала уже другим голосом. Наконец дочь решилась и переплыла на наш берег.

Стало совсем темно. Чтобы не тревожить Эльсу-маленькую, я направилась в лагерь. Выбравшись из кустов, я увидела Джеспэ и Гупу, которые явно ждали мать и сестру. Не желая им мешать, я пошла по другой тропе. Позднее Эльса заглянула в палатку и ласково потерлась об меня, делаясь своей радостью: все в сборе, наши тревоги кончились.

Уже неделя, как мы подогнали грузовик к насыпи, а львята, насколько я могла судить по следам, даже близко к нему не подходили. Я поднялась в кузов и позвала Эльсу. Помешкав, она послушалась, но стала поперек входа, так что я не могла выйти, а Джеспэ, который пошел за нею, не мог войти. Наконец она вернулась к палаткам и вскочила на лендровер. Львята принялись за еду. Я начала играть с Эльсой и увидела, что у нее загноились две болячки. Хотела выдавить личинки, но Эльса всякий раз отодвигалась. На следующий день повторилось то же самое.

Я всегда носила с собой сульфаниламид, дезинфицируя им ссадины и укусы насекомых. Однако Джордж считал, что, как ни хороши такие средства для людей, лучше не применять их к животным, пока не убедишься, что естественной сопротивляемости организма недостаточно. И я не стала давать ей сульфаниламид, пусть сама залижет свои болячки, как это бывало до сих пор.

Эльса по-прежнему умела отвлечь внимание львят от коз. Без ее помощи нам вряд ли удалось бы сохранить мир. Вот и сегодня она очень тактично и справедливо вмешалась, когда львята стали бросаться

на меня из засады. Ничего страшного, обыкновенная игра, но уж очень у них острые когти. Эльса задала детям трепку, стукнула слегка и меня — словом, позаботилась о том, чтобы недоумение львят — почему я не хочу играть с ними — не перешло во враждебность.

Несомненно, она всячески старается обеспечить добрые отношения. На следующий день я снова в этом убедилась. Вместе с Нуру мы выследили семейство на гряде Ворчун. Эльса тотчас пришла на мой зов и ласково меня приветствовала. Да, она стремилась предельно использовать редкие минуты, когда нас не видят львята. Стоило появиться Джеспэ, как она сразу стала сдержаннее. Я понимала, что Эльса не хочет вызывать ревности львят. Это проявлялось в присутствии Джеспэ, но еще больше — при Гупе и Эльсе-маленькой. Эти двое были еще ревнивее, так что тут уж не могло быть и речи о каких-либо нежностях между Эльсой и мной.

Сквозь буш мы спустились к реке. Джеспэ донимал Нуру, поминутно выскакивал на него из кустов, пытаясь отнять ружье. Если бы не Эльса, Джеспэ не дал бы нам шагу ступить.

Когда мы вышли на берег, я попросила Нуру кратчайшим путем отправиться в лагерь и приготовить львам обед. Он хотел улизнуть потихоньку, но Джеспэ еще не наскучила игра, и никакие мои «нельзя» не могли обуздать его, он отправился следом. Я решила, что Нуру как-нибудь выкрутится, ведь он всегда умел ладить с животными, не обижая их. Сколько раз я видела, как он придумывал новые и новые забавы, чтобы отвлечь львят от озорства без насилия и наказания. За много лет повседневного общения с нашими воспитанниками он не получил даже малейшей царапины, потому что искренне любил их. Нельзя было пожелать лучшей «няньки» для львят.

Я повела Эльсу и львят вдоль реки. Когда мы подошли к лагге возле «кабинета», прибежал Джеспэ. По его счастливым прыжкам было видно, что он всласть помучил бедного Нуру. В лагере львята набросились на мясо, а Эльса не спеша поднялась на лендровер. Было заметно, что нарывы причиняют ей сильную боль. Тем не менее она не позволила мне даже прикоснуться к ним.

Глава вторая. ЭЛЬСА БОЛЬНА

Вот уже две недели, как Джордж уехал на разведку к озеру Рудольф. Вместе с ним отправился Кен Смит и инспектор того округа, куда мы собирались перевезти Эльсу. Я ждала их со дня на день и прислушивалась, не гудит ли машина, а самой страшно было услышать ее шум, ведь он означал конец счастливой жизни Эльсы. Что ждет ее на новом месте? Сколько соперниц надо победить, прежде чем участок станет безопасным для львят? Здесь ей хорошо, она сумела отстоять свои права. А теперь надо все забыть и осваиваться на новом месте. Даже человек, разумное существо, и тот частенько не может прижиться в изгнании, как же можно ждать, чтобы дикие животные, куда более консервативные и зависимые от привычного окружения, приноровались к совершенно незнакомым условиям?

Семейство собралось в любимом логове — в лагге за «кабинетом», окруженной кустарником и высокими деревьями. Здесь хорошо спрятаться от жгучего солнца, подремать на мягком песке, когда с реки тянет свежим ветерком. Они пришли туда еще утром, а после чая и я спустилась к ним, захватив альбом. Рисовала, слушала пение птиц, усыпляющее журчание реки. Мир и покой, и у всех хорошо на душе...

В этот вечер, когда мы уже вернулись в лагерь, я впервые заметила проявление полового инстинкта у Гупы во время игры с Эльсой и Джеспэ. Конечно, это было лишь очень смутное влечение, смысла которого он сам не понимал. Удивительно, ведь львьятам только что исполнился год, у них еще молочные зубы!

Всю ночь было слышно, как семейство бродит по лагерю, и только после завтрака они затрусили к поваленным пальмам.

Здесь Эльса остановилась, разглядывая грузовик. Потом осторожно поднялась на кабину и села. Десять дней я ждала этого, а теперь мне было грустно видеть, как доверчиво Эльса сидит на машине, которая должна увезти ее в чужие края.

Я подошла к ней и попыталась извлечь личинки, но Эльса не далась. Она вылизывала болячки, которых всего было семь штук. В общем-то ничего особенного, у нее их бывало и по полтора десятка.

Немного погодя львята скрылись в буше, Эльса пустилась вслед за ними. Под вечер семейство возвратилось и затеяло игру на бревнах. Львята не давали Эльсе покоя, пока она не ушла от них на кабину грузовика. Они без труда могли бы добраться до нее, но машина им не нравилась, они всегда ее обходили.

Рано утром в палатку донеслось обращенное к львятам ласковое мяуканье Эльсы. «Мхн-мхн-мхн». Такой мирный, уютный звук, у меня от него всегда подымалось настроение.

Вскоре семейство отправилось к лагге. Днем и я пошла туда, захватив альбом. Эльса встретила меня ласково, и даже Гупа милостиво кивнул. Мы чудесно провели время. Львята играли, я рисовала, в общем, полное счастье, если бы не грустные мысли о предстоящем отъезде, который только чудо могло отвлечь. Я старалась, чтобы Эльса не заметила, как я расстроена, ей ведь и без того худо от болячек.

Когда, по ее мнению, настала пора идти домой, она лизнула каждого из нас по очереди. Интересно, сколько еще времени сможет она поддерживать дружбу между всеми нами? Долго ли львята будут признавать меня? Если мы сумеем вырастить их дикарями, нашим дружеским отношениям рано или поздно придет конец. Ведь наше тесное общение тянулось так долго лишь потому, что мы были вынуждены жить здесь, охраняя семейство от браконьеров. Однако, если отвезти львят к

озеру Рудольф, их приобщение к дикой жизни может затянуться, а то и вовсе сорваться! Но как бы то ни было, я не вправе преграждать им путь к вольной жизни.

Эльса непрестанно лизала свои болячки. Я надеялась, что от этого они быстрее заживут. Прошлую ночь Эльса снова провела возле моей палатки и от еды отказалась. Я сидела неподалеку от нее, когда ко мяса подошел Гула, приглашая поиграть. Это было так необычно, что мне не хотелось ему отказывать, но Гупа, как и Джеспэ, не научился убирать когти, и пришлось скрепя сердце разочаровать его. Я присела на корточки и ласково заговорила с ним, глядя ему в глаза. Хоть бы он понял, что я люблю его, если даже и отказалась поиграть с ним. Джеспэ вывел меня из затруднения, затеяв потасовку с братом. За последнее время у них заметно отросли гривы, у Гупы потемнее и почти вдвое длиннее, чем у Джеспэ. И голос у него был более грубый, порой даже грозный. Словом, молодой сильный лев.

На следующий день я снова нашла все семейство в лагге. Альбом был со мной, но я не стала рисовать, а села рядом с Эльсой и погладила ее по голове. Она лежала тихо, но стоило мне коснуться ее спины или приблизить руку к болячкам, как Эльса начинала ворчать. Нос у нее был холодный и влажный: верный признак болезни. Из двух болячек сочился гной. Я надеялась, что они сами очистятся, и по-прежнему не давала Эльсе сульфаниламида, чтобы не ослаблять ее естественной сопротивляемости. Я была уверена, что во всем виноваты личинки, и мне не приходило в голову взять у нее кровь для анализа.

Когда стемнело, Эльса выбралась из лагги и залегла со львятами в буше неподалеку. Ночью они в лагерь не пришли. Это случалось и прежде, но теперь я волновалась из-за болезни Эльсы и, как только

рассвело, поспешила к гряде. Увидев все семейство на скале, я вздохнула с облегчением. На мой голос Эльса подняла голову. Львята не пошевелились.

Потом мы вместе с Нуру еще раз ходили к гряде. Эльса вышла нам навстречу из зарослей у подножия, с нею был Джеспэ. Она ласково приветствовала нас, но я сразу заметила, что она тяжело дышит и передвигается с трудом. Джеспэ выступал в роли телохранителя, он не давал мне погладить Эльсу. Я посидела рядом с нею, потом, когда Гупа и Эльса-маленькая спустились со скалы, мы все вместе направились в лагерь. Львята раздражали Эльсу, особенно чувствительна она была к прикосновениям. Стоило кому-нибудь из них задеть ее, как она прижимала уши и рычала. Львица разрешила мне идти рядом и отгонять мух, но, когда кто-то из львят хотел затеять с нею возню, она рассердилась. Я никогда еще не видела, чтобы Эльса так вела себя. Пока мы шли через буш к дороге, она много раз садилась отдыхать. В лагере Эльса сразу отправилась к лендроверу и улеглась на крыше с большой осторожностью, чтобы не придавить болячки. Она пролежала там весь вечер. Я принесла ее любимый костный мозг, но Эльса только поглядела на лакомство и отвернулась. Когда я попробовала погладить ее лапы, она убрала их.

Утром меня разбудила беготня львов вокруг палаток, Эльсы слышно не было. Я ждала, когда прозвучит знакомое мяуканье, но уловила только звонкое «цяннь» Джеспэ. Он заглядывал через калитку ко мне в бому. Я вышла и увидела на берегу реки Гупу, который собирался переправиться. Заметив меня, он испуганно твякнул и прыгнул в воду. На том берегу его приветствовали остальные члены семейства.

Скоро будет месяц, как мы получили предписание вывезти львов. Три недели назад Джордж отправился на разведку к озеру Рудольф. Мы собирались тронуться

в путь 20 января. Сегодня уже 19-е, а львята еще ни разу не поднимались в кузов «темзы». «Бедфорд» не прибыл, Эльса больна, новое место для львов не найдено, и неизвестно, как их перевезти. Ясно, что в намеченные сроки мы не уложимся.

Глава третья. ПОИСКИ НОВОГО ПРИСТАНИЩА ДЛЯ ЛЬВОВ

Вечером приехал Джордж и привез дурные вести. На двух лендроверах и грузовике он и Кен Смит сперва добрались до залива Алиа, к северу от гряды Лонгендоти. (Мы побывали там вместе с Эльсой во время сафари, описанного мной в книге «Рожденная свободной».) Обращенный к озеру Рудольф склон гряды расчленен речными долинами. Здесь Джордж надеялся найти подходящее место для Эльсы и львят. Никто еще не добирался на автомобиле до этих уединенных долин, и первым делом нужно было найти сносную дорогу. Они разбили лагерь и вдруг с удивлением заметили огромные стада коров, которые паслись на берегу и даже поедали камыш в озере, где их подстерегали крокодилы. Причиной этого необычного скопления скота была сильная засуха, вынудившая пастухов из племен самбуру и рендилл забраться севернее обычного в поисках пастбищ.

На следующее утро Джордж и Кен обошли восточное предгорье, надеясь найти проход, но склоны там были крутые, изрезанные ущельями. Нужно обладать большим искусством, чтобы проложить по ним дорогу для «бедфорда». Волей-неволей пришлось отказаться от мысли пробиться к долинам этим путем.

Покрыв около тридцати километров по сильнопересеченной местности, они очутились на ровном песчаном речном берегу. Джордж знал, что эта река впадает в озеро у южной оконечности грады. Песок был плотный, и, включив первую скорость, они на полном газу уверенно продвигались вперед. Лишь

иногда машина застревала в дюне или они останавливались сами, чтобы дать остыть мотору. Было около сорока градусов жары, и дул сильный попутный ветер. Машины и пассажиры изнывали от зноя.

Только у самого берега реки можно было немного укрыться от солнца в тени деревьев, дальше простиралась раскаленная пустыня. Стада антилоп Бейза, зебр Гриви, жирафов, газелей Гранта и жирафовых антилоп искали под деревьями спасения от яростного солнца. Прежде чем обратиться в бегство, они некоторое время с удивлением глядели на людей и машины.

Джордж проехал то самое место, где Эльса когда-то на привале после тяжелого перехода атаковала ослов. Вечером они достигли дельты реки Мойте. Огромные стада газелей Гранта щипали редкую, жесткую траву. И тут же рядом пасся скот турканов, которые обычно в этот район не заходили.

Вернувшись к озеру, Джордж и Кен сбросили одежду и с разбегу бросились в воду. Они смыли с себя песок, а потом еще целый час плескались в воде.

На следующий день они как следует осмотрели окрестности дельты. К северу от дельты простирались густые заросли, обитель бегемотов. Львам здесь тоже будет хорошо. И для лагеря достаточно тени. А у подножия горы Мойте бьет небольшой родник; если его расчистить, питьевой воды будет вдоволь. Дичи для Эльсы и львят тут вполне достаточно, и к тому же здесь водятся львы, которые могли бы стать их товарищами. В таком глухом, безлюдном крае не должно быть недоразумений и осложнений.

Однако есть тут и недостатки.

Вся местность вокруг Мойте мрачна необычайно. Песок и застывшая лава, непрестанные ветры, яростное солнце. В общем, если бы не озеро, жить там было бы невозможно. Браконьеров-турканов, может быть, еще

удастся обуздать, но как убедить рендиллов, чтобы они не гоняли сюда скот? А ведь это большой соблазн для львов.

Все-таки мы рассчитывали снять здесь подходящий участок, поэтому Джордж решил проверить, возможно ли провезти тут Эльсу и львят. Дорога, по которой они проникли сюда с Кеном, для тяжелого грузовика не годилась, тогда они двинулись на восток вдоль широкого гребня, где мог бы даже приземлиться самолет. Если бы военные летчики взялись перевезти львов, все было бы очень просто. К сожалению, уже через несколько километров гребень сузился, его сменил хаос лавовых глыб, так что Джорджу и Кену пришлось снова искать пути в лаггах. Однако все они уводили в сторону. Перебираясь через гребни из лагги в лаггу, Джордж и Кен прошли целых пятьдесят километров, пока не вернулись на дорогу, ведущую к заливу Алиа.

Потом они решили разведать местность к северу от залива. Преодолев заболоченную низину, они достигли полосы относительно твердой почвы и в нескольких метрах от воды разбили лагерь. Койки Джорджа и Кена стояли рядом, объездчики устроились метрах в двадцати от них. Ночью Джорджу приснилось, что Кен пытается подражать рычанию льва. Получалось у него очень плохо, да и совсем некстати он все это затеял... Но тут рычание стало настолько громким, что Джордж проснулся. В нескольких шагах от него стоял с разинутой пастью здоровенный бегемот, издавая какие-то странные звуки. Что ему тут понадобилось? Бегемот вдруг зашевелился и направился к объездчику. Только Джордж хотел предупредить его, как прогремело два выстрела. Зверь пустился наутек и нырнул в озеро. Оказывается, африканцы заметили его еще до того, как Джордж проснулся. Они видели, как бегемот вышел

из воды и направился к койкам. Не стреляли же они потому, что не хотели без нужды беспокоить Джорджа.

На следующее утро, когда они отправились дальше на север, Джордж увидел на берегу озера людей. В эту часть Кении обычно забирались только разбойники, браконьеры и полицейские. Он взял бинокль и разглядел обнаженных людей. Видимо, они были из племени галубба. С испугу нарушители бросились в воду, но здесь было чересчур мелко, пришлось им выйти обратно на берег. Это не были разбойники, просто их привлекли сюда крокодильи яйца. Они уже набрали их довольно много. В котелках над костром кипела вода. Ладно, пусть лакомятся.

Наконец Джордж и Кен добрались до такого места, где паслись сотни топи, множество газелей Гранта, антилоп Бейза и зебр. Отличный участок для Эльсы и львят, если бы сюда не вторгались племена из Эфиопии. Опасно оставлять здесь львов, да и мне по действующим правилам нельзя сюда ездить.

Из всего виденного во время разведки Джордж заключил, что только Мойте нам более или менее подходит, да и то, если удастся отыскать путь для грузовика и арендовать участок.

Преодолев немало препятствий, отряд вернулся к озеру и остановился на берегу реки Серр-эль-Томмиа, что означает «Слоновья река». Правда, слоны давно ушли оттуда.

Джордж хорошо помнил это место. Двадцать шесть лет назад он и один его друг оказались там без продуктов, когда искали золото. Ближайший пост был на другой стороне озера, до него надо было идти по берегу двести пятьдесят километров. На голодный желудок такой переход их не соблазнял, и они смастерили лодку, обтянув брезентом остов из корней акации. В этой посудине они пересекли озеро, проплыв двадцать километров! Озеро это славится своими

внезапными шквалами, ветер там достигает ста пятидесяти километров в час. Но, на их счастье, все обошлось благополучно, они причалили к берегу до того как разразилась буря.

От реки Серр-эль-Томмиа Джордж и Кен сравнительно легко добрались до Мойте. Несомненно, этот путь был лучше двух предыдущих, хотя тоже не очень легкий. Рыхлый песок и лагги — серьезные препятствия для тяжелого грузовика. По пути им встретились турканы, которые для вида держали коз, а на самом деле били дичь и ловили рыбу в заповеднике.

Перед возвращением в Исиоло Джордж заехал в центр округа Марсабит и узнал, можно ли арендовать участок в районе Мойте и не помогут ли ему построить дорогу на сто километров, а также расчистить посадочную площадку для самолета. Власти не возражали, если мы возьмем на себя расходы. Деньги требовались не малые, и Джордж сказал, что должен посоветоваться со мной.

Вот как прошла эта разведка.

Мне совсем не хотелось поселять львов у озера Рудольф. Если мы даже арендуем участок и никто не будет пасти там скот, как все-таки удержат львиное семейство на участке? Вдруг тамошние львы ополчатся против наших и прогонят их в безводную пустыню? И ведь когда мы построим дорогу, ею будут пользоваться и другие. Опять возникнет та самая опасность, из-за которой нам теперь велят увозить Эльсу и львят. Мне очень не хотелось везти их в Мойте. И я обрадовалась, когда мы среди писем, которые Джордж привез в лагерь из Исиоло, нашли письма из Северной и Южной Родезии, Бечуаналенда и Южной Африки. Всюду были готовы принять наших львов.

Но мы не представляли себе природных условий этих областей, поэтому Джордж предложил мне поехать в Найроби, посоветоваться с Айеном

Гримвудом, начальником Департамента по охране животных. Он хорошо знал все эти места. Если он скажет, что предложенные области не годятся, я тотчас свяжусь с властями в Марсабите, попрошу начать строить дорогу к Мойте и расчищать посадочную площадку. Джордж надеялся, что нам удастся получить самолет, на котором можно перебросить к озеру и нас, и грузовик со львами, и наше лагерное снаряжение. Остальная часть экспедиции доберется на автомобилях.

Пока я буду в Найроби, Джордж начнет приучать львят к «бедфорду» с установленной на нем клеткой. Грузовик должен был прибыть в лагерь со дня на день.

Раздумывать было некогда, и я согласилась ехать. Но сначала мне хотелось убедиться, что Эльса чувствует себя достаточно хорошо и можно оставить ее.

Вечером мы львов не видели, только слышали их голоса за рекой. А рано утром встретили их у реки. Эльса выскочила из зарослей и ласково потерлась об меня. Я почесала ей голову, поскребла за ушами. Шкура у нее шелковистая, тело сильное, крепкое. Она поздоровалась с Джорджем и с Нуру, а потом вернулась в буш к львьятам.

Джордж сказал, что она выглядит не хуже, чем обычно, когда ее донимают личинки. Его слова успокоили меня. Но ведь она два дня ничего не ела. Мы отнесли к реке мяса. Эльса смотрела с другого берега, но не двинулась с места. Тогда Джордж переправил мясо и положил рядом с нею. Только тут Эльса встала и потащила козлятину вверх по крутому откосу, в заросли, где ее ждали львята.

Я с грустью покидала лагерь. Перед глазами у меня стояла Эльса со львятами, как я видела их в последний раз.

По пути в Найроби я заехала в окружной центр, чтобы выяснить, нельзя ли добиться отмены приказа о

высылке львов. Мне посоветовали быть готовой к переезду.

В Исиоло я встретила с Кеном Смитом, он замещал здесь Джорджа. Кен показал мне клетку, которую сделали для «бедфорда». Она показалась мне не очень надежной, и мы договорились, что ее переделают.

Я заехала также к Джону Бергеру, ветеринару, с которым мы переписывались об успокоительном средстве для львов. Мы проговорили с ним почти четыре часа, но не смогли придумать ничего удовлетворительного.

Наконец я приехала в Найроби и направилась к Айену Гримвуду. Он сразу же вручил мне телеграмму от Джорджа:

«ЭЛЬСЕ ХУЖЕ. ВЫСОКАЯ ТЕМПЕРАТУРА.
ПРИВЕЗИ АУРЕОМИЦИН».

Глава четвертая. СМЕРТЬ ЭЛЬСЫ

Эту телеграмму передал по телефону из Исиоло Кен, он также попросил Гримвуда сказать мне, что уже отправил нужное лекарство Джорджу.

Я безумно волновалась, но ведь помощь окажут и без меня, а к переезду надо было готовиться побыстрее, так что я решила остаться в Найроби еще на день.

Айен Гримвуд считал, что участки, которые нам предложили в обеих Родезиях и Бечуаналенде, не подойдут для Эльсы и львят. Он советовал перевезти семейство к озеру Рудольф. Кроме того, сказал он, нужно разделить клетку на отсеки. Если везти семейство в общей клетке, стоит разъяриться одному льву, чтобы погубить остальных.

Я телеграфировала в Марсабит и просила приступить к работам, о которых договорился Джордж.

На следующий день я встала пораньше, чтобы до отъезда из Найроби уладить срочные дела. А внизу меня уже ждал Кен, усталый, запыленный. Он только что приехал из Исиоло и привез сообщение от Джорджа, что Эльсе совсем плохо. В полночь Джордж срочно отправил в Исиоло записку, прося, чтобы я немедленно возвратилась и чтобы прислали ветеринара. Кен направил в лагерь ветеринара Джона Макдональда, а сам помчался в Найроби, почти за двести километров, спеша передать мне сообщение Джорджа.

Мне удалось найти самолет, и вскоре мы с Кеном уже были в пути. Из сомалийской деревушки, где была ближайшая к лагерю посадочная площадка, мы надеялись доехать на какой-нибудь машине.

Нам и впрямь посчастливилось найти старенький лендровер и на нем одолеть оставшиеся сто десять километров.

В лагерь мы прибыли под вечер. Остановив машину на некотором расстоянии, чтобы не тревожить Эльсу, я помчалась бегом в «кабинет». Джордж сидел там один. Он молча поглядел на меня, и по его лицу я обо всем догадалась.

Когда я пришла в себя, Джордж отвел меня к могиле Эльсы. Ее похоронили под деревом неподалеку от палаток. Отсюда открывался вид на реку и песчаный берег, где Эльса познакомила меня со львятами. На шершавой коре этого дерева они учились точить когти, в его тени семейство часто затевало игры, и тут в прошлом году супруг Эльсы безуспешно пытался устроить рождественский пир.

Джордж рассказал, что здесь произошло, пока меня не было.

— Когда ты уехала, я перенес свою палатку к насыпи и стал ждать львов, но они в ту ночь не пришли. Утром мне надо было провести соседний кордон, так что я освободился только во второй половине дня и сразу же отправился искать Эльсу. Сначала я увидел львят, которые играли на противоположном берегу реки, потом заметил под кустом Эльсу. Она встала, поздоровалась со мной и Македде. Прибежали львята и затеяли возню около матери.

Я вернулся в лагерь. Вечером они опять не пришли. Перед завтраком я решил найти Эльсу. Она лежала почти на том же месте, где я застал ее накануне. На мой зов Эльса откликнулась, но с места не встала. Дышала она тяжело и заметно страдала от боли. Словом, расхворалась совсем. Я поспешил в лагерь и тотчас отправил с машиной записку в Исиоло, прося, чтобы тебе послали телеграмму, и тогда же отправил подробное письмо.

Потом я отнес Эльсе воды и миску с мясом и мозгами, положив в них сульфатиозола. Она попила немного воды, но есть не стала. Тогда я насыпал сульфата эзола в воду. Она отказалась пить. Я вернулся в лагерь, позавтракал и снова пошел к Эльсе. Теперь она ушла с прежнего места и лежала в высокой траве неподалеку. Меня очень тревожила ее слабость. На еду она даже и не глядела, только попила воды из миски.

Ее ни в коем случае нельзя было оставлять на ночь одну, в таком состоянии: Эльса никому не смогла бы дать отпора: ни гиенам, ни буйволам, ни другой львице. И я решил побыть с нею. Бои принесли мою койку, немного козлятины и лампу. Лампу я не гасил всю ночь. С реки пришли львята и съели мясо, потом Джеспэ попытался стащить мои одеяла. Эльсе как будто стало лучше. Она дважды подходила к кровати и ласково терлась об меня головой.

Один раз, проснувшись, я увидел, что львята пристально смотрят на что-то за моей спиной. Вдруг там кто-то фыркнул. Я посветил фонариком и спугнул буйвола. Эльса лежала рядом с моей кроватью. Львята резвились, им хотелось и мать вовлечь в игру, но она рычала на них, как только они подходили близко.

На рассвете мне показалось, что Эльсе стало полегче. Я пошел в лагерь, чтобы позавтракать и поработать.

Часов около десяти я почувствовал какое-то беспокойство и решил провести Эльсу, но на месте ее не застал. На мой зов никто не откликнулся, и львят нигде не было видно. Два часа я ходил по берегам, пока наконец не нашел Эльсу. Она лежала наполовину в воде у маленького островка вблизи лагеря. Ей было очень плохо, она совсем ослабела и часто дышала. Я попытался напоить ее из ладоней, но она не могла глотать.

Целый час я просидел рядом с нею. Вдруг Эльса, сделав невероятное усилие, поднялась по крутому берегу на островок и там свалилась. Я позвал Нуру, попросил его прорубить тропу к берегу, чтобы оттуда легко было пройти к островку. Потом оставил его с Эльсой, а сам пошел в лагерь, взял там жерди, раскладушки и смастерил носилки. На островке я положил их на землю рядом с Эльсой, надеясь, что она сама перекатится на них, а потом мы отнесем ее в лагерь. Ведь она любила лежать на кровати. Но Эльса не двинулась с места. В три часа она неожиданно поднялась и побрела к воде. Я помог ей перейти реку вброд. Мы выбрались на берег недалеко от нашей кухни. Здесь она снова свалилась без сил и долго лежала. Но теперь она была хоть на нашей стороне, рядом с лагерем. На островке появились львята, они разыскивали мать по запаху. Однако переходить реку не отважились.

С двумя передышками Эльса дошла до песчаного участка берега ниже наших палаток.

Львята следовали за нами по противоположному берегу, я поманил их мясом. Джеспэ и Эльса-маленькая наконец переплыли реку, но Гупа медлил, пока не увидел, что брат и сестра уже принялись за еду. Когда он вышел из воды, Джеспэ прыгнул на него из-за куста, где устроил засаду.

Два часа Эльса пролежала на песке, рядом с нею улегся Джеспэ. Она два раза подходила к воде, но пить не могла. Больно было смотреть на нее. Я попробовал лить воду прямо ей в пасть, но она тут же выливалась обратно. Когда стемнело, Эльса поднялась по тропе в лагерь и легла на том месте, где раньше стояла моя палатка.

Я попытался спринцовкой брызгать ей в рот молоко и виски. Она немножко проглотила. Тогда я накрыл ее одеялом, надеясь, что она будет лежать на месте. Я

приходил в отчаяние, чувствуя, что Эльса не доживет до утра, и хотел послать тебе новую телеграмму, но машина почему-то не возвращалась. Я понимал, что для спасения Эльсы надо немедленно привезти ветеринара, однако боялся оставить ее одну. Если она уйдет ночью в буш, ее потом не разыщешь.

В конце концов я решил рискнуть и отлучился на полтора часа, чтобы дойти до брода, где мог застрять грузовик. Я встретил машину в трех километрах от лагеря. Она действительно застревала несколько раз по пути туда и обратно. Шофер передал мне лекарство для Эльсы. Я написал письмо Кену, прося срочно прислать ветеринара и связаться с тобой, и тут же отправил шофера в Исиоло на своем лендровере.

К счастью, Эльса оставалась на месте. С нею были львята, я дал им мяса.

Заставить Эльсу проглотить лекарство было невозможно. Она начала метаться, поднималась на ноги, делала шаг-другой и снова ложилась. Мне никак не удавалось напоить ее.

Вечером, около одиннадцати часов, она вошла в мою палатку по соседству с «кабинетом» и пролежала в ней с час. Потом встала, медленно добрела до реки и постояла несколько минут, тщетно пытаясь сделать хотя бы один глоток. Наконец она возвратилась в палатку и опять легла.

К палатке подошли львята, Джеспэ тронул носом мать, но она не отозвалась.

Без четверти два Эльса снова спустилась к «кабинету» и вошла в воду. Я хотел остановить ее, но она не послушалась и добралась по воде до песчаной отмели под деревьями, где часто играла со львятами. Здесь она легла на влажный ил — видимо, ей стало совсем плохо. Она то ложилась, то опять вставала и дышала теперь тяжелее прежнего.

Мне хотелось вернуть ее на сухое место, но Эльса совсем обессилела. Сердце у меня обливало кровью. Может быть, прекратить ее мучения?.. Однако я все еще надеялся, что ты вовремя привезешь ветеринара.

В половине пятого я созвал всех наших людей, мы положили Эльсу на носилки и отнесли в мою палатку. Когда она задремала, я прилег рядом совершенно без сил.

Когда начало светать, Эльса вдруг встала, дошла до выхода и рухнула на землю. Я положил ее голову к себе на колени. Через несколько минут она приподнялась, издала отчаянный вопль, упала снова и больше не шевелилась. Она была мертва.

Львята смотрели на все это с недоумением и тревогой, Джеспэ подошел к матери, лизнул ее в морду. Вид у него был испуганный. Он тут же вернулся к брату и сестре, которые прятались в кустах неподалеку.

Через полчаса после кончины Эльсы из Исиоло приехал старший ветеринар Джон Макдональд. В интересах медицины и самих львят Джордж согласился на вскрытие, чтобы установить причину смерти, хотя ему и было очень тяжело.

Затем Эльсу похоронили под акацией на берегу, где она больше всего любила отдыхать. По сигналу Джорджа объездчики выстрелили три раза из ружей. Гулкое эхо отразилось от Больших скал. Возможно, где-нибудь в безбрежном буше супруг Эльсы услышал выстрелы и на миг насторожился...

Это было 24 января 1961 года.

Глава пятая. ОПЕКУНЫ

Теперь дети Эльсы остались на нашем попечении. Вечером мы пошли их разыскивать на Больших скалах и на берегу реки. Неподалеку от «кабинета» нам встретились свежие пятна крови — признак того, что кто-то удачно поохотился.

После захода солнца я спустилась к песчаной отмели, где год назад Эльса впервые познакомила меня со своим потомством... Я просидела там долго. Вдруг за рекой я услышала негромкое «цяннь» и тотчас стала на все лады окликать львят. Наконец среди зарослей показался Джеспэ. Но он тут же исчез опять.

Я положила на видном месте мясо, чтобы они сразу его заметили, но львята не показывались и не откликались, как я их ни звала. В ответ мне звучал только многоголосый хор гиен. Откуда их столько взялось? На ночь мы привязали козлятину недалеко от палатки Джорджа. Но львята и ночью не пришли. Слушая зловещий вой гиен, мы совсем встревожились. Если это зверье нападет на львят, им придется худо...

Утром поиски возобновились. По следу Джеспэ мы дошли вдоль берега до островка, на котором Эльса лежала накануне своей смерти. Мы несли с собой мясо, надеясь приманить им львят в лагерь. Но когда увидели в зарослях Джеспэ, который голодными глазами смотрел на козлятину, — отдали ему все целиком. Он бросился на мясо и с жадностью принялся его уничтожать. Послышался шорох, и метрах в двадцати от нас показалась Эльса-маленькая, но, встретившись со мной взглядом, она нырнула в чащу.

Мы опасались гиен, которые голосили прошлой ночью, и хотели видеть львят около лагеря. Поэтому

больше не стали давать нашим подопечным мяса, надеясь, что голод заставит их прийти.

Кену надо было возвращаться в Исиоло, и мы пошли его проводить. А когда вернулись, захватили с собой козлятину для Эльсы-маленькой и Гупы и отправились их разыскивать. Только мы дошли до того места, где утром встретили Джеспэ, как он выскочил из-за куста, схватил все мясо и скрылся. Зная, как были голодны Эльса-маленькая и Гупа, мы сходили за остатками туши. Вскоре появился Гупа. Тогда мы поволокли мясо к лагерю. Все три львенка пошли за нами, но они явно чего-то опасались. Когда мы переправили козлятину через реку, львята остались на другом берегу. Оттуда они часа два следили за нами, однако переплыть не решались, сколько мы их ни звали. Привязав тушу к дереву, мы ушли в лагерь.

Тем временем наши люди привезли с Больших скал три грузовика камня. Мы сложили на могиле Эльсы высокое надгробие и сняли вокруг дерн. Я задумала посадить там вьющиеся растения, чтобы со временем они заплели камни и скрепили их. На одном конце могилы я посажу два куста эвфорбии, на другом — один куст. Пусть они изображают охраняющих могилу детей Эльсы... Кругом будет чистая полоса шириной в метр, а дальше — два ряда алоэ. Еще мне хотелось увенчать надгробие каменной плитой с именем Эльсы.

Больше часа я помогала устраивать могилу, потом вернулась к львятам. Джеспэ и Эльса-маленькая ели мясо, Гупа все еще оставался на другом берегу. Я вернулась к могиле.

Вечером мы с Джорджем пошли еще раз провести своих подопечных. Джеспэ и Эльса-маленькая дремали возле козлятины, а Гупа так еще и не отважился переправиться. Тогда мы решили его спровоцировать. Джордж сделал вид, что тащит мясо к лагерю, но тут вмешался Джеспэ и отстоял козлятину. Мы

возвратились к палаткам, надеясь, что Гупа в конце концов соберется с духом и придет за своей долей.

Позднее, когда мы сидели у палатки Джорджа, слышался голос Джеспэ: «Цяннь!» Мы попросили боев поскорее принести мяса. Как только появилась туша, Джеспэ стал подкрадываться к ней, но тронуть не посмел, а когда ее поместили у палатки, он сразу же ушел. Чтобы привязать мясо на ночь, надо было забрать цепь с того места, где мы виделись со львятами днем. Однако, придя туда, мы не нашли ни цепи, ни мяса.

Вернувшись в лагерь, мы застали там всех троих. Они жадно рвали мясо, но, завидев нас, ринулись прочь. Видимо, Джеспэ сперва приходил как разведчик, а потом привел сестру и брата. После смерти Эльсы он взял на себя роль предводителя и защитника. Когда до лагеря снова донесся протяжный вой гиен, мы обрадовались, что львята здесь, неподалеку. Однако подойти к мясу львята отважились лишь после того, как мы легли спать.

На рассвете я отправилась искать их и обнаружила всех троих на гряде Ворчун. Они заметили меня, но на зов не откликнулись.

А Джордж в это время искал их у реки. Около порогов, посреди потока, он увидел останки буйвола. Должно быть, это его кровь попалась нам двумя днями раньше. Следы крупного льва позволяли представить себе, какая отчаянная была здесь схватка. Но хотя она произошла в полукилометре от лагеря, мы тогда ничего не слышали, если не считать комментариев гиен. Этот буйвол весил больше восьмисот килограммов. Просто невероятно, что такого колосса одолел лев весом неполных двести килограммов. Джордж считал, что это мог быть супруг Эльсы.

К туше слетелись грифы, и, что примечательно, среди них было три пальмовых грифа. Ведь обычно считают, что этот вид не питается падалью.

Ночь львята провели в лагере. Просыпаясь, я слышала их шаги и сардонический хохот гиен, уничтожающих останки буйвола.

Утром Джордж отправился на кордон. Я решила побыть со львятами. В самое жаркое время дня они предпочитали отдыхать, и я задумала использовать это, чтобы приучить их к своему обществу. Я отыскала Джеспэ на крутом берегу реки, он дремал под кустом и позволил мне приблизиться почти вплотную, но настороженно следил за каждым моим движением. Через час он встал и зашагал прочь. По его следу я дошла до суковатого дерева на берегу глубокой лагги. При моем приближении два других львенка мигом скрылись за поворотом.

Вдруг я почувствовала, что кто-то смотрит на меня. Подняла голову и увидела в развилке дерева Джеспэ. Он тут же спрыгнул на землю и бросился догонять Эльсу-маленькую и Гупу. Я просидела тут с час, чтобы дать львятам успокоиться, потом пошла следом и увидела их за поворотом лагги. Джеспэ стоял на карауле. Я села метрах в десяти от них, просидела еще целый час, потом встала и начала осторожно приближаться к львятам. Когда оставалось метра три, Джеспэ быстро отскочил в сторону. Я окликнула его, он повернулся, подошел ко мне, поглядел в глаза и выбрался на берег лагги.

В высокой траве идти по следам было невозможно, я вернулась в лаггу. Вдруг я снова почувствовала, что на меня кто-то смотрит. Оглянулась и увидела Джеспэ. Я присела, ожидая, что и он сядет. Но Джеспэ скрылся так же бесшумно, как и появился. Я прождала два часа и наконец заметила, как в кустах, метрах в двадцати от меня, что-то зашевелилось. Приглядевшись, я увидела, что там лежат два львенка. Вскоре подошел Джордж, и львята тотчас же исчезли. Сквозь кусты мы заметили, что и Джеспэ убегает во всю прыть через заросли.

Теперь мы поняли, что все время львята мирились с нами только благодаря Эльсе. После ее смерти они перестали откликаться на зов и, стоило им завидеть или учуять нас, тут же убегали прочь. Чтобы львята не ушли совсем, мы положили для них мяса на берегу недалеко от палаток, а сами отправились искать растения, которыми хотели украсить могилу Эльсы.

На обратном пути мы решили проверить, нашли ли они свой обед. На узкой тропке, ведущей на берег, вдруг послышался сильный треск всего в трех метрах от нас, и мы чуть не столкнулись с тем старым буйволом, который уже один раз отделал меня своими копытами.

Посветив фонарем, мы увидели на противоположном берегу Джеспэ. Видно, буйвол и львят напугал, потому что в эту ночь они не пришли в лагерь.

Рано утром за рекой возбужденно затараторили бабуины. Мы переправились на тот берег и увидели прячущихся в кустарнике львят. У нас было с собой два куска мяса. Один мы им отдали сразу, а второй положили на видном месте на нашем берегу. Все утро я охраняла приманку от грифов. Львята следили за мной, но переправляться не решались.

В полдень, зная, что они должны быть очень голодны, я не выдержала, отнесла им мясо. Джеспэ мигом уволок его в чащу. А я вернулась на наш берег, спряталась и смотрела, как они жадно уничтожали козлятину, иногда спускаясь к реке напиться. Выходя из зарослей, львята беспокойно озирались по сторонам. Когда все наелись, Джеспэ зарыл в землю требуху и вскарабкался на дерево. Сидел он там долго, потом ушел в буш.

Позднее мы с Джорджем опять спустились к реке. Львята были на том же месте, но, увидев нас, убежали. Когда стемнело, за рекой принялись выть гиены. Я

очень тревожилась за львят, а потом успокоилась, услышав около полуночи голос их отца. Сначала он доносился издалека, но постепенно все приближался и теперь уже был слышен как раз напротив могилы Эльсы. Лев принимался реветь три раза. Может быть, он звал Эльсу?

Ночь была ясная, звезды на небе казались огромными, и прямо над могилой Эльсы сверкал Южный Крест. Видно, львята в это время были где-то поблизости, а утром они ушли за реку. Мы искали их весь день, но так и не нашли. Уже вечером нам попались далеко от лагеря следы и отца, и детей.

В бесплодных поисках прошел еще один день. Встречались только буйволы и носороги, да в одном месте на нас бросился дикобраз. Ниже по течению реки нам попались на берегу следы льва, а потом в другой стороне — следы льва и львицы.

Уж не Свирепая ли со своим супругом?

Вечером мы привязали тушу к лендроверу, но наши надежды приманить львят не оправдались.

Прошла уже неделя, как умерла Эльса. Мы думали, что ее дети будут доверять нам. А они нас избегали, только голод приводил их в лагерь. Теперь я пытаюсь оценить жизнь и смерть Эльсы. Пока она жила, ее состояние полуприрученного животного неизбежно накладывало отпечаток на львят, мешая им вести естественный образ жизни. Из-за нее их приговорили к изгнанию на угрюмые берега озера Рудольф. Но вот она умерла, и все переменялось. Львят могут усыновить дикие львы, тогда ничто не помешает им остаться здесь. В крайнем случае, можно переселить их в национальный парк или заповедник, куда Эльсу из-за ее привязанности к людям не пустили бы. Сейчас у львят самый подходящий возраст, чтобы приспособиться и к тем и к другим условиям. Как знать, может быть, Эльса

по-своему разрешила эту проблему и ее смерть полна смысла?

На следующий день Джорджу нужно было уезжать в Исиоло. Но перед отъездом мы еще раз попытались отыскать львят. Собираясь пересечь реку, мы вдруг увидели Джеспэ, который тоже хотел переправиться на другой берег. Мы отдали ему козью тушу, и он тотчас поволок ее к брату и сестре, прятавшимся в кустах за рекой.

Ночью львята не пришли, я слышала только рыканье льва у Больших скал и на рассвете отправилась с Нуру проверить следы. Мы ничего не нашли, но по пути домой услышали, как за рекой затыкали бабуины. Свернули туда и увидели Джеспэ. Гупа и Эльса-маленькая прятались в кустах. Все трое держались очень настороженно. Мы сходили за мясом и оставили его на нашем берегу. Через час Джеспэ отважился переплыть реку.

Мне нездоровилось. Я вернулась в лагерь и измерила температуру. Тридцать девять и пять. Малярия. Надо лежать, пока не пройдет приступ. Все-таки, когда стемнело, я поднялась, сходила к реке за остатками туши и привязала их у палатки.

Около девяти часов я услышала, что львята подошли к мясу, и у входа в ограду увидела Джеспэ. Но когда я приблизилась к нему, Эльса-маленькая и Гупа бросились наутек.

Ночью мне не спалось. Прошел ровно год, как Эльса привела львят знакомиться со мной. Как вернуть себе их доверие? Ведь они еще месяцев десять, не меньше, будут нуждаться в нашей помощи.

Только во второй половине дня я окрепла настолько, что смогла пойти на поиски. Вместе с Нуру мы обошли вокруг скал, но все впустую. Мы повернули обратно и увидели следы гиены, которые привели нас к поваленным стволам пальм около лагеря. Тут мы

застали львят. Джеспэ проводил меня до палаток. Пока бои готовили для него тушу, он позволил мне погладить его, потом поволок мясо в заросли к брату и сестре. Прежде чем приняться за еду, он возвратился ко мне и сел спиной, приглашая поиграть. Потом наклонил голову, лег кверху лапами и, только я пододвинулась ближе, сделал молниеносный выпад лапой. Я еле успела отпрянуть. Сколько раз он в шутку шлепал мать, не убирая когтей, откуда же ему знать, что моя кожа не шкура львицы? Чтобы утешить Джеспэ, я прикатила старую крышку и бросила ему палку. Он немного поиграл, но эти неживые игрушки ему скоро наскучили, и он вернулся к другим львям.

Может быть, после еды Джеспэ станет помирнее? Выждав час-другой, я подошла к нему, но он опять стал колотить лапами. Тогда я ласково заговорила с Гупой. Он зарычал в ответ, прижал уши и отступил. Джеспэ тоже отошел и лег между нами, охраняя брата. Вдруг кто-то зафыркал у реки. Я сходила за фонарем. Тем временем Джеспэ утащил козлятину в колючий кустарник.

Он был еще совсем молод, сам нуждался в защите, а уже заботился о брате и сестре, добросовестно выполняя обязанности предводителя.

Следующие два дня львята не показывались, но на третий день вечером я услышала «цяннь» Джеспэ. Когда один из боев подошел с мясом к моей палатке, Джеспэ вдруг выскочил из зарослей, вырвал у него козлятину и скрылся. Позднее с Больших скал донеслось рыканье, а утром я по следам увидела, что львята ушли в противоположную сторону.

Во второй половине дня из Исиоло приехал Джордж.

От него я узнала, что показало вскрытие. Эльса погибла от переносимого клещами паразита бабезии, который разрушает красные кровяные тельца. Она была

заражена не очень сильно, но укусы манговой мушки подорвали ее силы, и организм не выдержал.

Это был первый известный случай, когда в крови льва нашли бабезию.

Глава шестая. МЫ РАЗРАБАТЫВАЕМ ПЛАНЫ

В тот день, когда вернулся Джордж, львята пришли в лагерь уже затемно. Сначала Джеспэ, а несколько погодя Гупа и Эльса-маленькая. Джеспэ опять пригласил меня поиграть с ним. Теперь, когда здесь был Джордж, можно и рискнуть. Преодолевая страх, я протянула львенку руку. В тот же миг у меня на пальце появилась глубокая царапина. Это была пустяковая рана, однако я с грустью поняла, что вместе нам не играть.

Джордж сообщил мне, что завтра в Исиоло будет майор Гримвуд. Я решила встретиться с ним и поговорить о будущем львят. Если их придется увозить, он поможет нам договориться с каким-нибудь из заповедников Восточной Африки.

Гримвуд сочувственно выслушал меня и обещал связаться с администрацией национальных парков Кении и Танганьики.

Я привезла с собой в лагерь старую клетку, которую сделали еще в те времена, когда мы собирались отправлять Эльсу в Голландию. Я надеялась приучить львят есть в этой клетке.

План у нас был такой: сперва львята привыкают к большой клетке, стоящей на земле. Выбрав время, когда все трое будут в ней, мы закрываем дверцу и даем им в трех мисках костный мозг, к которому подмешано успокоительное. Когда лекарство подействует, львята будут находиться в клетке в полной безопасности. Это очень важно. Ведь нельзя, чтобы они, одурманенные, бродили на воле и стали жертвой какого-нибудь зверя. А как только они уснут,

мы поместим их в отдельные клетки, специально пригнанные к кузову пятитонного грузовика.

В лагерь я приехала около полуночи и застала львят у палаток, они охраняли мясо. Свет фар их не смутил, даже когда я посветила прямо на них. Мы уже заметили, что к вечеру тревога львят проходила, как бы они ни нервничали днем. Джорджу нужно было ехать в Исиоло, и я снова осталась за главного в лагере. Без него я всегда спала в своем лендровере, который ставила поближе к приготовленному для львят мясу.

Вечером 10 февраля я наблюдала, как львята после ужина затеяли у палаток игру в пятнашки. Я обрадовалась, ведь со дня смерти матери они впервые стали играть после еды, а не просто сидели с унылым видом.

На следующий день я поставила клетку на землю и привязала мясо по соседству с нею. Появились львята, Джеспэ недоверчиво пофыркал, зашел в клетку, вышел и вместе с Гупой и Эльсой-маленькой принялся за мясо. Я тихо заговорила с ними — надо, чтобы они привыкли связывать еду с моим присутствием. Ежедневно каждый львенок получал миску с лакомством: мозги, рыбий, жир и костный мозг. Нужно было приучить их есть врозь, а когда придет время дать им успокоительное, каждому достанется только его доза, никто не съест лишнего.

Три дня все шло заведенным порядком. День львята проводили за рекой, в том месте, где в последний раз были с матерью, а как стемнеет, шли в лагерь. Я не вмешивалась, пусть чувствуют себя непринужденно, может быть, скорее признают меня. На четвертый день Джеспэ пришел в шесть вечера из-за реки и начисто вылизал миску с угощением, которую я держала в руке. Я решила, что дело идет на лад.

При слове «Эльса» (когда я окликала Эльсу-маленькую) Джеспэ всегда оглядывался. Он и Гупа хорошо знали свои имена. Конечно, не совсем удачно,

что сестру зовут так же, как мать, но ничего, пусть привыкают. Эльса-маленькая должна знать, что этим именем я зову ее.

Вечер прошел мирно, и потом я отправилась спать в лендровер. Около трех утра из-за реки негромко прозвучал голос отца. Как будто он обращался к львятам. Видно, они переправились к нему, так что лучше убрать мясо в клетку от четвероногих грабителей. Я выбралась из машины и спросонок напоролась ногой на острый пенек. Из раны потекла кровь. Я надеялась, что это убережет меня от инфекции. Сделав себе перевязку при свете фонаря, я снова легла, но боль не давала мне уснуть. Слышно было, как на Больших скалах рычит супруг Эльсы. Утром Нуру сказал, что следы львят ведут к гряде.

Чтобы остановить кровотечение, я все утро держала ногу приподнятой. У меня уже кружилась голова от потери крови. Во второй половине дня я почувствовала себя лучше и вместе с Нуру пошла проверить следы. Да, львята встретились с отцом. Мне не хотелось мешать им, и я вернулась в лагерь. Дотемна меня развлекали своими проказами два попугая.

Около восьми вечера пришел Джеспэ, потом явились и остальные. До поздней ночи смотрела я, как они едят и играют. Боль в ноге не давала уснуть. Я размышляла, как поведет себя папаша, будет ли он кормить львят или научит их самих охотиться.

Вернулся Джордж. В этот день Джеспэ впервые поел в клетке, а Гупа и Эльса-маленькая смотрели на него, но подражать ему не торопились. Впрочем, когда мы легли спать, они тоже собрались с духом и пообедали в клетке. Наконец-то! Раз они больше не боятся незнакомого предмета, можно заказывать транспортные клетки.

Обычно диких зверей перевозят в зоопарки в деревянных клетках с тремя сплошными стенками,

иначе они могут поранить себя. Но мы помнили, как трех диких львов повезли в таких клетках в заповедники, и они буквально взбесились по дороге, так что пришлось их застрелить.

Чтобы у нас так не вышло, мы решили три стенки сделать из железных прутьев, пусть львята в пути видят друг друга, это послужит им взаимной поддержкой. Правда, они могут ушибиться о прутья, но ссадины легче залечить, чем душу, раненную страхом. С четвертой стороны будет деревянная дверь-ловушка.

Я отправилась за триста пятьдесят километров в Наньюки, чтобы заказать три клетки. Заглянув на обратном пути в Исиоло, я нашла там письмо от одной фармацевтической фирмы, она вызывалась прислать лекарство для львят, которое поможет им поскорее справиться с их теперешним состоянием тревоги. После гибели Эльсы мы получили много писем с соболезнованиями, люди во всех концах света успели полюбить ее. Должностные лица, связанные с зоопарками, предлагали забрать львят, но теперь кто-то впервые задумался об их нынешнем состоянии. Я дождалась в Исиоло представителей фирмы и была очень тронута их подарком. Они привезли порошки тетрациклин, надеясь, что этот антибиотик усилит сопротивляемость львят болезням.

Кстати, они дали мне советы об успокоительных средствах. Из ответов на наши письменные запросы мы поняли, что годится только либриум. Львы вообще слишком чувствительны к лекарствам, а кроме того, очень трудно предсказать их индивидуальную реакцию. Либриум считался совсем безвредным. Если даже львенок съест две дозы, это не грозит бедой. Но трудность заключается в том, что надо спрятать в мясе восемь — десять капсул по десяти миллиграммов. Проглотят ли львята все это?.. Мои новые друзья посоветовали мне написать изготовителям и заказать

повышенную концентрацию, тогда понадобится гораздо меньше капсул. Я тотчас написала, но ответ, к сожалению, был неутешительным.

Когда я приехала в лагерь, Джордж сказал, что без меня ему скучать не приходилось. В первый день львята пришли поздно вечером и всю ночь оставались возле палаток, хотя из буша звал лев. На следующий день Джордж по их следам дошел до гряды Ворчун. Поднялся на гряде и покричал. На зов явился Джеспэ, сел рядом с ним и позволил почесать себе голову. Потом Джордж увидел Эльсу-маленькую, но она сторонилась его. Гупа прятался, из-за камней торчали только его уши.

По пути домой Джордж спугнул трех буйволов и одного носорога. Хорошо, что львята не пошли за ним. Когда стемнело, они сами прибежали в лагерь и принялись за мясо, привязанное около клетки. Потом Джеспэ затащил козлятину внутрь. После еды львята ушли за реку и пробыли там сутки. Они ловко лазали по деревьям, забираясь довольно высоко. Обедать вечером они не пришли, а утром Нуру понес мясо в «кабинет» и повесил его в тени на дереве. Когда он уже спускался на землю, снизу за мясом прыгнул Джеспэ и чуть не задел Нуру. Тут подоспел Джордж. Он увидел, что Джеспэ рвет подвешенное мясо, а Эльса-маленькая следит за ним с тамаринда на другом берегу. Выждав, когда Джеспэ спустился к воде напиться, Джордж перерезал веревку. После этого львенок переправил козлятину через реку к брату и сестре.

Позднее Джордж застал их на песчаном берегу. Гупа и Эльса-маленькая кинулись наутек, Джеспэ за ними. Еще через час Джордж перешел реку вброд и минут двадцать безуспешно звал львят. Вдруг он приметил какое-то движение в кроне тамаринда, поднял голову и высоко на ветке увидел леопарда, который поедал остатки мяса, украденного у львят.

Появился Джеспэ и полез вверх, к леопарду. Тот сердито шипел и фыркал. Верхние ветки были слишком тонкими для Джеспэ, и он предпочел занять позицию в развилке, поближе к земле.

Чтобы лучше видеть, Джордж поднялся на откос. В этот миг леопард прыгнул вниз и пролетел в каком-нибудь метре от Джеспэ. Приземлившись, он что есть духу помчался прочь, все три львенка бросились за ним. Позднее Джордж набрел на Джеспэ, который, задрав голову, пристально разглядывал деревья. Так как леопарда нигде не было видно, Джордж решил идти в лагерь.

Львята явились поздно вечером. Джеспэ вылакал свою порцию рыбьего жира из миски, которую Джордж держал в руке. Гупа пообедал в клетке. Тут как раз приехала я и очень обрадовалась, что он начинает осваиваться.

А какой молодец Джеспэ! Ведь леопарды и львы — естественные враги. Конечно, со взрослым львом леопарду лучше не связываться. Совсем иное дело встреча со львенком, так что Джеспэ проявил немалую отвагу.

Утром меня разбудило тихое мяуканье, очень уж знакомое. Я едва могла поверить, что это не Эльса. Оказалось, что Джеспэ призывал брата и сестру заканчивать утренние гонки вокруг палаток и идти за ним через реку. Вскоре до нас донесся плеск воды. И тут же послышалось рычание двух львов.

Ночью Джеспэ на минутку заглянул в лагерь. Очевидно, это была разведка, потому что вскоре он пришел опять, на этот раз вместе с Гупой и Эльсой-маленькой. Джеспэ выпил рыбий жир и позволил погладить его по голове и потрепать уши. Когда погасли огни, Джордж увидел, что и Эльса-маленькая вошла к братьям в клетку. Всем вместе им там было довольно тесно.

На другой день командование снова перешло ко мне, так как Джордж уехал в Исиоло. Под вечер, встретив львят на берегу вблизи «кабинета», я заметила, что грива у Гупы уже совсем подросла. Она была сантиметров на пять длиннее и гораздо темнее, чем у Джеспэ.

Ночью я слышала только громкие всплески на реке, словно там бултыхался буйвол. Львята не подавали никаких признаков жизни. Они прибежали только к концу следующего дня, очень голодные. Эльса-маленькая не скупилась на тумак своим братьям, давая понять, что на этот раз вовсе не намерена уступать им свою долю рыбьего жира.

Вдруг кто-то зафыркал в прибрежных кустах, и затем послышался тяжелый топот. Видимо, крупный зверь... Львята насторожились и отправились на разведку. Я облегченно вздохнула, когда они вернулись к своей козлятине. А потом где-то у «кабинета» завывала гиена. Похоже, что она воет от боли. Утром я увидела следы носорога, которого накануне прогнали львята, и у «кабинета» следы чужого льва.

Львята опять пришли в лагерь уже затемно. На этот раз братья вели себя вежливо. Они подождали, пока Эльса-маленькая вылакает свой рыбий жир, и только тогда подошли за своей долей. Они еще не знали, как разделать тушу, а бои забыли об этом. Выждав удобный момент, я попыталась помочь львятам, но Джеспэ не мог допустить посягательства на их «добычу» и атаковал меня. Я с козьей тушей находилась в клетке, а львенок загородил выход, так что положение у меня было незавидное. К счастью, он все-таки уразумел, что я хочу им помочь, и дал мне спокойно закончить разделку. Сообразительностью и добродушием Джеспэ был в мать.

После этого львята исчезли на целые сутки. Ранним утром мы слышали голос их отца. Сначала лев был

около самого лагеря, а потом удалился к Большим скалам. Вскоре я услышала, как львята лакают воду из своей любимой посуды — шлема. Я вышла из лендровера, хотела открыть клетку, где лежало мясо, но они, не взглянув на меня, затрусили к скалам. Им не терпелось увидеть отца. Может быть, он их подкармливает? До самого рассвета с гряды доносилось ворчание, а утром по отпечаткам лап я убедилась, что там побывала вся стая. Но, увы, отец снова бросил своих детей, и львята пришли в лагерь совсем голодные. Однако они терпеливо дожидались, пока я открывала клетку, и бросились к мясу лишь после того, как я укрылась в своем лендровере. Съев все до последней крошки, они под утро отправились за реку. Я не спала всю ночь. Болела нога, волновало будущее львят. Мы еще не получили ответов на запросы, которые майор Гримвуд разослал в заповедники Восточной Африки. Если львята поладят со своим отцом, может быть, им разрешат остаться здесь? Но от меня это совсем не зависело. Пока решался вопрос, я могла заботиться только о том, чтобы львята были в добром здравии.

Глава седьмая. ИХ ПРИНЯЛИ В ПРАЙД

Начался Рамадан, и на закате наши благочестивые мусульмане с таким рвением распевали молитвы, что я уже начала опасаться, как бы необычные звуки не отпугнули от лагеря львят. Пока длился пост, бои не отличались особым прилежанием, поэтому я очень обрадовалась приезду Джорджа. Когда стемнело, пришли львята. Эльса-маленькая поспешила съесть свою долю рыбьего жира и опередила ненасытных братьев. Мы всегда держали в лагере большой запас рыбьего жира и обрадовались, что он пришелся по вкусу львятам, ведь нам до сих пор не удалось придумать способа скормливать им террамицин.

В этот вечер они впервые отдыхали у могилы Эльсы. Прошел месяц с тех пор, как мы соорудили надгробие, и, хотя прежде здесь было любимое место игр, после смерти Эльсы мы еще ни разу не видели тут ни львят, ни отпечатков их лап.

Возможно, это была просто случайность, а может быть, здесь сыграло роль острое обоняние львов. И все-таки нельзя отрицать, что у животных с высоко развитым интеллектом есть некое понятие о смерти.

У слонов, во всяком случае. Я знаю об одном слоне, которого особенно любили его товарищи. Когда он умер, трое из них несколько дней не отходили от его тела, потом вырвали клыки у мертвого и захоронили их неподалеку. Я помню еще любопытный случай. Как-то Джорджу пришлось убить слона, ставшего опасным. Он застрелил его ночью в одном из садов Исиоло. Тушу убрали, чтобы не распространялся трупный запах. А через день Джордж обнаружил, что товарищи убитого

принесли его лопаточную кость и положили на том месте, где он погиб.

Нередко на слонов влияет смерть человека. Во время одного сафари мы узнали от местных жителей, что недавно слон убил человека и с тех пор ежедневно приходит на место трагедии и стоит там по часу и по два. Мы проверили, и это оказалось правдой.

Две ночи львята не приходили в лагерь. Потом из-за реки донесся призывный голос льва. Тогда Джордж отыскал следы львят. Он увидел, что они переправились на другой берег в том месте, где река ближе всего подходит к гряде Ворчун. На следующий день он нашел отпечатки их лап километрах в трех от лагеря. Поблизости бродили лев со львицей. Следы вели к той самой гряде, на которой Македде в июле отыскал Эльсу, когда она пропадала шестнадцать дней.

Джордж обошел вокруг гряды. Отпечатки лап львят обрывались у одного ее конца, льва и львицы — у другого.

Я не могла ходить с Джорджем, больная нога меня не пускала, хотя прошло уже три недели, как я напоролась на пенек. Поначалу рана как будто стала заживать, но затем воспалилась и теперь отчаянно болела. Я пробовала лечиться сама, пока не убедилась, что нужен настоящий врач.

Джордж мог оставаться в лагере всего несколько дней, поэтому я решила не ездить в ближайшую больницу, до которой было триста с лишним километров, а обратилась к живущим гораздо ближе миссионерам, хотя они обычно принимали только африканцев.

Мы выехали рано утром вместе с Ибрахимом, а в полдень были уже у цели. В пути нас основательно растрясло. Увидев мою рану, врач тотчас отправил меня на операционный стол. Когда я очнулась от наркоза, то увидела, что меня поместили в кабинете

настоятельницы. Великодушная хозяйка приготовила мне удобную постель. Она рассказала, что врач вырезал из моей ноги кусок мяса величиной с яйцо. Два дня я находилась на попечении настоятельницы и врача и наконец оправилась настолько, что могла возвращаться в лагерь. Ибрахим ежедневно привозил мне записки от Джорджа, который сообщал, как идут поиски.

5 марта Джорджу надо было ехать в Исиоло. К этому времени я как раз вернулась из больницы. Ночью львята не пришли, и я не знала, волноваться или радоваться. Если их приняли в прайд и львица учит их охотиться, львята одичают прежде, чем решится вопрос о высылке. Это было бы лучше всего. Но может быть, чужаки их прогнали и теперь львьятам приходится худо.

Из-за ноги я не могла отправиться их разыскивать. Я утешала себя, что это к лучшему, ведь своим вмешательством я рискую испортить дело, спугну их приемных родителей, если львята действительно приняты в прайд. Но так ли это? Я нервничала...

Еще один день прошел в неизвестности. Вечером я сидела в палатке, напряженно ловя каждый звук, и вдруг почувствовала, как что-то мягко коснулось моей ноги. Маленькая пичуга искала спасения от мангусты. А вот и сам зверек появился у входа в палатку. Я подобрала испуганный комочек и выпустила лишь после того, как мангуста ушла. Всю ночь за рекой рычали львы. Голоса были неокрепшие, рыканье сопровождалось четырех-, пятикратным тьяканьем. Уж не наши ли это львята?

Утром я увидела, что припасенный для них костный мозг съеден. Видно, мангуста вернулась после того, как я легла спать.

Весь день Нуру и Македде разыскивали львят, но свежих следов не нашли. Ночью опять рычали львы под аккомпанемент бабуинов. Звук быстро нарастал, — видимо, львы приближались к лагерю. Вскоре они

замолчали... Я долго прислушивалась, и только через два часа издалека донеслось рычание. Потом я с удивлением увидела отпечатки лап льва и львицы возле самой машины, в которой была моя постель. Мужчины пошли на поиски, но львят не встретили, зато за рекой им попались следы двух львов.

Прошли еще сутки, львят все не было. Приехал Джордж, однако и его вылазка ничего не дала. Утром он и Нуру снова вышли на поиски. Ниже водопада им попались следы львят, они вели от Слоновьей лагги к реке и обратно. По отпечаткам было видно, что львята бежали, — видно, учуяли людей.

Всю ночь какой-то лев рычал на Больших скалах. Рано утром Джордж ушел в буш, а я съездила в больницу на перевязку. Вернувшись, я узнала от Джорджа, что он и Нуру спугнули за водопадом не меньше четырех львов. Нуру успел разглядеть одного львенка, в котором уверенно опознал Джеспэ. И среди следов были отпечатки лап трех львят. Джордж ждал около часа, надеясь увидеть еще раз хотя бы Джеспэ. Потом пошел по следу и отыскал место, где львята только что отдыхали. Все свидетельствовало о том, что львята примкнули к прайду, и Джордж не стал их преследовать, боясь спугнуть приемных родителей.

Чуть не каждую ночь по соседству с лагерем рычали два льва. Джорджу казалось, что он узнает голоса Свирепой и ее супруга. Они-то, наверное, не входят в прайд, который, судя по всему, принял львят.

Во время своих поисков Джордж встречал следы по меньшей мере пяти львов, в том числе трех львят. Эта семья облюбовала себе участок от водопада до Слоновьей лагги. Что ж, место отличное — много дичи, и туда редко заходят браконьеры.

Джорджу никак не удавалось увидеть львов днем. Тогда он поставил лендровер недалеко от их тропы и засел в нем на ночь. Но и эта уловка не помогла.

Конечно, полной уверенности у нас не было, но все говорило о том, что львята сами позаботились о своем будущем. Мы их не видели уже двенадцать дней.

Глава восьмая. ОСЛОЖНЕНИЯ

Утром 16 марта Джордж и Нуру вышли пораньше на разведку. Я была одна в лагере, когда оба объездчика пришли с одним африканцем и сообщили, что в ночь с 13-го на 14-е три льва атаковали бомы на реке Тана и истребили четырех коров. Африканцы пытались отогнать их камнями, дубинками, огнем, но львы все равно возвращались снова. Подозрение пало на львят Эльсы, и теперь они хотят попросить Джорджа, чтобы он застрелил их.

Я тотчас послала боев за Джорджем. Сигнальные выстрелы помогли быстро найти его. После ленча все направились к месту происшествия. По прямой туда всего километров двадцать пять, но прямого пути нет. Если ехать на лендровере напролом через густой буш, это будет семьдесят с лишним километров, если двинуться в объезд — двести километров по скверной дороге, да еще километров тринадцать пешком. Джордж решил пробиваться через буш.

Погрузив в машину лагерное снаряжение и двух коз, он не без труда переправился через реку и нырнул в заросли. Оставалось еще шесть-семь километров до цели, когда стемнело, поэтому они заночевали в буше, а утром дошли пешком до деревни.

В деревне было восемь отдельных бом: кучки круглых глинобитных лачуг, обнесенных колючей изгородью, почти в рост человека, шириной около двух метров. Густой буш обступал бомы, звери могли незаметно подобраться к лачугам. Неподалеку была река, куда африканцы гоняли скот на водопой.

Жители подтвердили, что в ночь на 14 марта три льва истребили двух коров. Их отогнали, но на следующую ночь они явились снова, напали еще на

двух коров. На третью ночь они уже в другой боме убили двух коров и одну из них сожрали в трехстах метрах от лачуг.

Джордж нашел следы львицы, которая ухитрилась проникнуть сквозь изгородь и выйти тем же путем. Другие следы было труднее разобрать, их затоптал скот. Все-таки он проследил отпечатки лап до реки, куда львы ходили на водопой. Может быть, ниже по течению попадутся свежие следы? И он действительно нашел отпечатки лап трех львов.

С двумя объездчиками и проводником он пошел по следу. Час спустя, когда они остановились среди кустарника в сухом русле, Джордж вдруг метрах в трех от себя за деревом увидел спящую львицу. Похоже, взрослая. Один из объездчиков жестом привлек внимание Джорджа и коснулся рукой его винтовки. Черт, не заряжена! Даже стук затвора не разбудил зверя. Шепотом объездчик уговаривал Джорджа стрелять. С такого расстояния не промахнешься. И львица-то взрослая. Но что-то удерживало Джорджа. Вдруг львица села. Ее глаза встретили его взгляд, она оскалилась, фыркнула и, глухо зарывав, бросилась наутек. В тот же миг еще в двух местах слышался шум. Джордж был убежден, что это не наши львята. А все-таки хорошо, что не выстрелил — кто его знает?.. На всякий случай он покричал, но ответа не было. Нет, львята ни при чем, уж очень смело совершено нападение. Так ловко пробрались сквозь изгородь, так легко расправились с двумя коровами. Тут явно действовали опытные разбойники.

Джордж попросил местных жителей немедленно известить его, если будут новые случаи, и поехал обратно в лагерь.

Разбирая обстоятельства нападения, мы пришли к выводу, что Эльсины львята никак не могли в нем

участвовать, и решили возобновить розыски в нашем районе.

Утром Джордж и Нуру встретили на берегу реки сборщиков меда. Сборщики обычно вешают на деревья, к которым часто наведываются пчелы, полые колоды, вроде бочонков. Когда рой займет такой улей, они выжидают, пока пчелы не нанесут достаточно меда, потом выкуривают их дымом и забирают добычу. Для многих здешних племен мед — единственный вид сладкого. У сборщиков есть, так сказать, джентльменское соглашение, они не трогают чужих колод. Нарушителю грозит строгая кара. Определить владельца можно по метке, вырезанной на колоде. Нас часто угощали липкой массой, только что извлеченной из улья. Когда ее уваришь и процедишь, получается чистый мед, особенно ароматный, если пчелы брали взятки с акаций. К сожалению, сборщики небрежно обращаются с огнем, из-за этого в буше часто возникают опустошительные пожары.

Встреча оказалась полезной. Сборщики рассказали Джорджу, что видели следы пяти львов у водопоя, выше по течению. Он сходил туда и недалеко от устья Слоновьей лагги увидел на островке посреди реки двух львят. Они сразу скрылись, он даже не успел как следует разглядеть их в бинокль. Тут же он услышал, как убегают другие львы. Следы привели его к туше молодого буйвола, убитого ночью. Здесь пировали пять львов. Джордж не сомневался, что это были наши львята и их приемные родители. Он долго звал Джеспэ, из-за реки как будто донеслось в ответ негромкое мяуканье, но львята не показывались, и Джордж возвратился в лагерь.

Полагая, что львы еще придут к своему буйволу, Джордж утром поехал туда на лендровере и собирался заночевать возле туши. Весь день он изучал следы и выяснил, что львы ушли к Слоновьей лагге. С двумя

объездчиками Джордж провел ночь в сухом русле, у крутого, высокого берега. Это было самое надежное место. Львов они не увидели, а тут еще разразилась сильнейшая гроза, ливень промочил их насквозь и смыл все следы.

Я лежала в палатке, мне было слышно львиное рычание вдали, потом дыхание крупного зверя донеслось от грузовика с козами. А затем гроза пришла и к нам и все заглушила.

На следующий день Джордж уехал в Исиоло, его там ждали дела.

Ночью снова лил дождь. К утру река сильно вздулась, ее трудно было одолеть. Тем не менее к нам переправился гонец от старшины деревни Тана: львы снова напали на их скот.

Я послала Ибрахима в Исиоло, чтобы он известил об этом Джорджа. Он вернулся и сообщил, что Джордж придет в Тану сразу же, как только закончит все дела. А пока пусть сержант, заведующий кордоном, отправится туда и отвезет осветительные шашки, которые Джордж прислал с Ибрахимом. Этими шашками можно отпугивать львов, но только не надо стрелять по ним, Джордж сам этим займется.

Я передала все это сержанту, и он поехал в Тану. Остановившись по пути у местной лавчонки, он услышал, что староста велел своим людям убить львов, даже послал за объездчиками соседнего участка, чтобы они помогли. Надо было поскорее добираться до Тана, чтобы передать слова Джорджа и шашки, но сержант решил вернуться в лагерь и рассказать обо всем мне. Я с ужасом подумала о том, сколько времени уже потеряно, и просила сержанта поскорее ехать в Тану. Хотя бы он успел добраться туда прежде, чем убьют кого-нибудь из лвьят! Разумеется, если дети Эльсы и впрямь причастны к нападению на скот.

Все это происходило 24 марта.

Болезнь не позволяла мне выйти из лагеря, не говоря уж о том, чтобы искать следы, и я очень волновалась. Дождь барабанил по реке, ночью с той стороны доносилось рычание нескольких львов.

Вечером приехал Джордж, и вскоре из зарослей около лагеря подал голос лев. Под утро зверь отступил к скалам. Джордж пошел на разведку и увидел следы львицы. Затем он отправился на лендровере в Тану, к месту последнего налета. Дождь вынудил его ехать дальним путем. Я осталась в лагере, на случай если львята покажутся в нашем районе.

На следующий вечер на Больших скалах рычал лев, ему издали отзывался другой. Потом львы приблизились к Китчен-лагге. Вот бы наши львята пришли с ними! Я попросила боев приготовить мяса. Неожиданно грянул целый львиный хор. Было такое впечатление, словно лагерь со всех сторон окружен хищниками. Мы поспешили убрать мясо в мой грузовик, потом каждый стал укреплять свою изгородь. Наконец я легла, но о сне не могло быть и речи, львиное рычание не давало мне сомкнуть глаз всю ночь. Только на рассвете львы ушли к Большим скалам.

Утром я пошла на могилу Эльсы и оттуда заметила какое-то движение на Больших скалах. В бинокль я разглядела двух львов, которые нежились на солнце, и поспешила к скалам, насколько позволяла больная нога. Три взрослых льва и три львенка, ростом с детей Эльсы, четко вырисовывались на гребне. Несколько минут я наблюдала за ними. Семья мирно отдыхала, одна львица облизывала львят, а они играли и катались по земле. Хотя было далеко для моего объектива, я сделала несколько снимков, после чего осторожно стала приближаться к ним. Когда оставалось около четырехсот метров, львы встревожились и один за другим стали нырять в расселину, где в свое время у Эльсы начинались схватки. Остался только один

львенок. Он припал к земле и следил за мной, положив голову на передние лапы. Может быть, это Джеспэ? К сожалению, утреннее солнце светило мне прямо в глаза, поэтому я видела только силуэт. А когда я подошла еще ближе, львенок скрылся.

При виде этой львиной идиллии у меня впервые после смерти Эльсы стало немного легче на душе. Конечно, нельзя с уверенностью сказать, что это были именно наши львята со своими приемными родителями. С другой стороны, разве может быть такое совпадение, чтобы вблизи от лагеря появились взрослые львы с другими тремя львятами точно такого же возраста?

Я рассказала обо всем в лагере, потом мы погрузили в лендровер козью тушу и вместе с Ибрахимом поехали к Большим скалам. Здесь я положила мясо на видном месте, чтобы львы легко его нашли. Мы прикрыли машину ветками и стали ждать. Если появятся львята, постараюсь еще раз сделать снимки, может быть, удастся все-таки опознать их.

Но вот уже и одиннадцать часов, стало совсем жарко, да еще ветер переменился, несет запах не в ту сторону. И нет грифов, которые могли бы навести львов на тушу. Придется перевезти ее на гряде Ворчун. Но сперва надо сходить в лагерь, оставить записку для Джорджа, на случай если он приедет и захочет присоединиться к нам. Двое суток, как его нет, я ждала его с минуты на минуту.

А у палаток меня встретили два объездчика с письмом от Джорджа. Он писал:

«Добрался до деревни 26-го вечером, одолев шестьдесят пять километров скверной дороги и тринадцать километров густого буша. Раздобыл тушу для приманки и устроил засаду возле бомы, на которую нападали львы. Просидел ночь — никого. Утром разбил лагерь в трех километрах от деревни, на берегу Таны, и пошел вниз по реке искать следы. Свежих отпечатков

не было. Пришли объездчики, рассказали, что ночью львы пытались проникнуть в другую бому, но их отогнали. Объездчики хотели выследить их, но потеряли след. Вчера вечером я снова устроил засаду на поляне в километре от второй бомы. Около одиннадцати часов внезапно появилась Эльса-маленькая и бросилась на мясо, привязанное к пню. Следом выскочил Джеспэ, сзади у него торчала стрела, к счастью не отравленная. Оба львенка принялись есть. Тут и Гупа показался, он тоже подошел к туше. Все трое сильно исхудали, изголодались. Я заговорил с ними, они ничуть не испугались и за какой-нибудь час управились с козой. Несколько раз подходили к миске с водой, которую я поставил позади машины. Они, конечно, узнали мой голос, и я уверен, что сегодня ночью они придут опять. Сомневаться не приходится, это они нападали на бомы. Мы должны выплатить немалую компенсацию. Немедленно пришли на своем лендровере с Ибрахимом всех коз, продукты для меня, а также мою маленькую палатку, стол, стул, ящики. Я найму местных жителей, и мы сразу начнем прорубать дорогу, затем надо будет перебросить сюда весь лагерь и доставить на грузовике клетки, чтобы вывезти львят. Но главное, чтобы Ибрахим привез коз. Если река сильно разлилась, пусть едет дальним путем, только он обязательно должен быть здесь сегодня. Львята очень голодны, если я их не подкормлю, они непременно нападут на какую-нибудь бому. Это, конечно, Свирепая виновата, она отогнала львят от лагеря Эльсы 4 марта.

Твой Джордж. Пожалуйста, пришли мне все мои боеприпасы».

Глава девятая. КРИЗИС

Письмо Джорджа поразило меня. Надо же, такое совпадение, чтобы именно сейчас в нашем районе появилась семья с тремя львятами такого же возраста! А мы все время думали, что Джеспэ, Гупа и Эльса-маленькая держатся вблизи лагеря...

И тут я вспомнила семью, для которой Эльса во время своей беременности была «тетушкой», даже мясо им уступала. Может быть, Свирепая родила как раз перед Эльсой? Тогда район вокруг лагеря до нашего появления по праву принадлежал ей. Возможно, что Свирепая, обнаружив соперницу, которая к тому же водилась с людьми, ушла со своим потомством подальше от лагеря, вверх по течению реки. Мне вспомнился случай, когда в июле мы искали Эльсу. Мы нашли, как нам показалось, ее семейство под баобабом, и нас удивило странное поведение львов. Может, и то была Свирепая? Ведь, навещаясь в лагерь, она всякий раз появлялась именно с той стороны. Правда, она приходила одна. Но это ничего не значит, возможно, львица просто прятала своих детей, прежде чем идти на вылазку. Выходит, что, воюя с Эльсой, Свирепая просто-напросто отстаивала свои владения. Но она всегда наталкивалась на нас и отступала. Теперь же, когда Эльса погибла, вполне естественно, что Свирепая решила прогнать чужих львят и утвердиться на своей территории. Во всяком случае, львята, которых я в это утро приняла за наших, были скорее всего детьми Свирепой.

Удар был теперь особенно мучительным. Ведь всего несколько часов назад я радовалась, что наши львята в полной безопасности и совсем не причастны к нападениям на бомы Тана.

И как только они смогли выжить! Охотиться на диких зверей они не умеют. Должно быть, здорово изголодались, прежде чем набрали на коз, которых к тому же привыкли считать своей обычной пищей. Недобрый прием, оказанный им жителями, видимо, напугал их. Но кто же упрекнет владельцев скота за то, что они защищали свое имущество?

Теперь нужно пощедрее вознаградить их, чтобы они не так рвались к расправе со львятами, а потом поскорее подыскать хорошее место для наших воспитанников.

В лагере меня больше ничто не удерживало. Забрав с собой пять коз и важнейшее снаряжение, я вместе с Ибрахимом и одним объездчиком поехала к Джорджу. В машине места было мало, поэтому остальным пришлось идти пешком через буш.

Нас основательно потрясло на ухабах. Местность была такая, словно здесь когда-то потешался великан, разбрасывая во все стороны камни. Иногда попадалась африканская деревушка, зажатая среди громадных глыб. Бугорки земляных лачуг почти сливались с окружающей местностью.

В Тану мы добрались как раз до темноты. Река тут около четырехсот метров в ширину. Высокие деревья по берегам и узкая полоса кустарника

— единственное яркое пятно, дальше простирается мрачный, пыльный, сухой буш. По сравнению с лагерем Эльсы высота здесь над уровнем моря намного меньше и климат более жаркий.

Последние тридцать километров пути впереди машины шел проводник, ведь в таком густом буше слишком легко налететь на какое-нибудь препятствие. Колючки безжалостно царапали его, но он был молодцом, нащупывал путь через поваленные стволы и норы, кусты и русла, кое-где заполненные водой. Путь

себе он освещал фонариком, наши фары только ослепляли его.

Два часа мы пробивались сквозь буш, наконец очутились на берегу стремительного потока шириной около пятидесяти метров. Мы сняли с вентилятора ремень, съехали вниз с крутого берега и, бредя по колено в воде, переправили машину на ту сторону.

Здесь нам попалась бома старосты, до лагеря Джорджа осталось еще три километра. Добравшись туда, мы узнали, что Джордж сидит в засаде, ждет львят. Бросив все, я поспешила к нему, встретились мы с ним в девять часов вечера. Джордж обычно скуп на похвалу, но на этот раз он одобрительно заметил:

— И как вы только ухитрились в темноте пробиться сквозь буш?

Мы стали ждать вместе. Джордж включал время от времени мощный фонарь, чтобы не прозевать львят, и рассказал мне, как был ранен Джеспэ.

В ночь на 25-е несколько местных жителей решили прикончить львов-разбойников. Они заметили одного из них в загоне для скота. Это был Джеспэ. Он убил двух коз, но не успел уйти с добычей. Отряд, вооруженный луками и отравленными стрелами, окружил его. Он забился в изгородь. По нему выпустили два десятка стрел, но они застревали в ветках. Только одна стрела, пущенная юным стрелком, попала в цель. К счастью для Джеспэ, она не была отравлена, взрослые еще не доверяли мальчику смертельный яд.

Стрела проникла не глубоко. Зубец и сантиметров семь-восемь древка засели под кожей, да снаружи торчало сантиметра два-три.

Джордж надеялся, что стрела выпадет под собственным весом и Джеспэ залижет рану, так что заражения не будет. Она вроде бы не мешала львенку и не причиняла боли. Джеспэ как ни в чем не бывало ложился на этот бок. Львята хорошо приняли Джорджа

и не избегали его, но извлечь стрелу у Джеспэ он, конечно, не смог.

Джордж нанял тридцать человек, чтобы прорубить вдоль реки дорогу на тринадцать километров. Дорога нужна была для того, чтобы перебросить на грузовике весь наш лагерь. Он подобрал также четверых помощников отслеживать львят, а владельцам убитого скота обещал большое вознаграждение. Местные жители были только рады случаю подзаработать, с их стороны он не встретил никакой враждебности.

Джордж посоветовал мне ночевать в нашем временном лагере, на случай если там появятся вдруг львята. Я пробовала звать их, но не дозволась и поехала обратно. Мы слишком устали, чтобы ставить палатку, и я легла спать под открытым небом, надеясь, что дождя не будет.

Утром меня разбудил стук, это совсем рядом упал орех с пальмы дум. Что ж, добрая примета, ведь орех мог попасть мне в голову и убить. К завтраку вернулся Джордж. Ни он, ни его помощники, которые охраняли хижины, вооружившись осветительными шашками, львят не видели. Позднее Джордж пошел на разведку. Он взял с собой Нуру: львята его знают и не испугаются.

Наш лагерь находился как раз у водопоя на Танае. Не успел Джордж уйти, как появилось огромное стадо скота. Лагерь окутало густое облако пыли, оттуда доносилось мычание, блеяние и топот копыт. Очевидно, так будет каждый день. Надо подыскивать другое место. Я пошла вдоль реки, чтобы высмотреть подходящую площадку. Было очень жарко, я старалась держаться в тени под деревьями. Тана в этом месте делает огромную петлю, здесь много быстрин и островков с пышной растительностью. Повсюду на песке нежились под солнцем крокодилы. В зарослях по берегам было много тропок, видимо проложенных бегемотами.

Наконец мне попало хорошее место. Спуск к реке там был не очень крут, удобно будет ходить за водой. Если срубить кусты, можно расчистить ровную площадку для наших палаток. Берег подымается над рекой метра на три, как бы отделяя ее валом от равнины, которая казалась просто раскаленной сковородой в сравнении с полоской тени у реки.

Джордж вернулся около двух часов, льят он не нашел. Его разморило, он весь обливался потом, и я от души пожалела его. К счастью, на мелководе у нашего берега можно было искупаться и освежиться, не боясь попасть в зубы крокодилу.

После купания Джордж рассказал, что в это утро спас жизнь водяному козлу. Они прошли вдоль реки метров триста, как вдруг Нуру заметил в воде какое-то темное пятно. Джордж навел бинокль и увидел водяного козла. Тут же он заметил на берегу пятерых браконьеров, они натравливали на антилопу своих псов. Думая, что и браконьеры заметили его, Джордж сделал предупредительный выстрел в воздух. А те от неожиданности побежали прямо на него. Джордж и Нуру пытались перехватить их, но браконьеров было слишком много, они сумели уйти в буш, один из них переплыл через реку.

Мы перенесли свой лагерь, выбрав место подальше от троп бегемотов.

Нужно было разработать план действий. Джордж решил каждую ночь дежурить в лендровере, чтобы перехватить льят на пути к бомам, и для приманки брать с собой мясо. Обьездчики будут охранять бомы, а я останусь в лагере и тоже приготовлю льятам козлятину. Если кто-нибудь из нас увидит льят, мы дадим знать об этом Джорджу выстрелами. Обьездчики стреляют один раз, я — два раза.

Когда стемнело, Джордж отправился на дежурство, но в эту ночь льята избрали другой путь: они

атаковали бому и искалечили овцу, однако съесть добычу не успели, объездчик отогнал их осветительными шашками.

Ночью лил дождь, идти по следу было бесполезно. Чтобы приманить львят к лендроверу, Джордж протащил козью тушу через буш, но утром увидел, что отведать мяса приходили одни гиены да шакалы. А львята на следующую ночь ворвались в другую бому и ранили двух коз.

Близился дождливый сезон. Это тревожило нас, мы боялись, что до тех пор не получим грузовика с двойным приводом. Наша старая «темза» слаба для здешней чащи, и нельзя бесконечно держать «бедфорд» Кена Смита. Нам нужна машина, чтобы перевезти снаряжение и помочь бригаде, которая прокладывает дорогу, но главное, чтобы транспортировать львят, когда мы их поймем. Для этого нам понадобятся сразу два грузовика. Один грузовик для зверей, один для лагерного снаряжения и два лендровера для перевозки личного имущества. Нельзя перегружать лендроверы, вдруг на трудных участках придется тащить грузовики на буксире.

Посоветовавшись, мы решили, что мне нужно ехать в Исиоло и раздобыть еще один «бедфорд» такой же мощности, что и грузовик Кена Смита, чтобы установить на нем заказанные нами три транспортные клетки.

Утром я отправилась в путь с верным Ибрахимом. Перед самым отъездом мы узнали, что львята напали на две бомы, но их отогнали, и они не успели натворить бед.

На мой запрос о новом «бедфорде» мне ответили, что машину можно получить только через три недели. Для нас это было слишком долго. Тогда я справилась, нельзя ли в крайнем случае арендовать грузовик у фирмы, организующей сафари. Оказалось, что можно. Закончив дела в Исиоло, я на грузовике Кена поехала в

лагерь Эльсы, чтобы забрать оттуда оставшиеся вещи, и заночевала там.

Вокруг могилы Эльсы как раз расцвели алоэ. Меня удивил цвет лепестков: они были беловато-зеленые, а не розовые, как обычно. Случайно мы привезли из Исиоло редкий вид. У самой могилы появилось какое-то странное растение, я такого до сих пор никогда не видала. Восковая оранжевая чашечка без стебля, в середине липкое вещество с мускатным запахом. От краев чашечки внутрь, словно щупальца, изгибалось множество лепестков. Похоже на насекомоядную *Hydnora*. Я сделала несколько снимков, потом определила, что это *Thonningia balanophoraceae*, которая до тех пор встречалась только на крайнем западе Африки.

Ночь выдалась тихая, ласковый свет луны создавал ощущение мира и гармонии. Я не спала. Отец наших львят, тьякая, бродил вокруг лагеря. Потом он сходил на Большие скалы и, в конце концов, ушел за реку. В небе над могилой Эльсы мерцал Южный Крест. К утру он изменил положение и был обращен в сторону Таны. Так прошла моя последняя ночь в старом лагере, который успел стать для меня вторым домом.

Пока мужчины свертывали лагерь, я спустилась к лагге возле «кабинета» и пошла вдоль реки. На каждом шагу волнующие воспоминания. На гряде Ворчун затаивали бабуины, и у меня стало совсем горько на душе. Сколько раз они извещали нас о появлении Эльсы с семейством... А о чем они говорят сейчас? Очевидно, торопят меня ехать в Тану и выручать львят.

Мы прибыли в полдень. Джордж сразу же рассказал мне, что он каждый день ходил на разведку и каждую ночь сидел в засаде, но львят больше не видел, зато они постоянно нападали на бомы. Плохо дело. Судя по всему, они не ели уже десять дней, ведь их всякий раз отгоняли, не давая унести добычу. Если только львята

не убили в буше какого-нибудь дик-дика, то они страшно изголодались. Как бы не напали на людей... Их охотничьи угодья — двенадцать-тринадцать километров буша. И они ни разу не возвращались к одной и той же боме, поэтому Джордж никак не мог предугадать, в каком месте они появятся. Джеспэ дважды заходил в хижины. В первом случае женщина проснулась от жалобного блеяния своего любимого козленка и увидела, что челюсти Джеспэ уже сомкнулись вокруг его шеи. Она закричала. Джеспэ выпустил козленка и удрал. От сотрясения лачуга рухнула, к счастью, никто не пострадал. А на следующую ночь неукротимый Джеспэ ворвался в хижину, в которой спал со своими козами юный африканец. Мальчик проснулся и увидел торчащий из-под нар хвост Джеспэ, левенок добирался до забившейся туда козы. Парень закричал и стукнул Джеспэ ногой, тот убежал.

Джордж был измучен бессонными ночами и постоянной тревогой. Его угнетало сознание, что в Исиоло накопилось много работы. Но сейчас он не мог ни на одну ночь оставить Тану.

Теперь он задумал проложить прямую дорогу на двадцать два километра, до самого лагеря Эльсы. Уже были наняты люди. Часть пути проходила по хорошей слоновьей тропе, что намного облегчало работу. Новый грузовик позволит нам устроить передвижной лагерь и все время следить за львятами. Джордж собирался выкладывать вдоль дороги мясо, каждый раз все дальше и дальше от бом. Когда уведем львят на безопасное расстояние, постараемся загнать их в ловушку.

Не теряя времени, Джордж в тот день протащил через заросли козью тушу и развел большой костер. Львята не пришли, они предпочли напасть на бому в километре от нас. На следующий день один из наших

помощников увидел след льва, ведущий к лагерю Эльсы, но на берегу реки, напротив кордона, отпечатки лап пропали.

А около девяти часов вечера, сидя в засаде у приманки, Джордж вдруг увидел Джеспэ и Эльсу-маленькую. Они сильно отощали, стрела по-прежнему сидела в бедре Джеспэ. Но брат и сестра вели себя спокойно, Джеспэ вылакал рыбий жир из миски, которую протянул ему Джордж. Они с жадностью съели все мясо и около пяти утра ушли. Видимо, Гупа отделился от них, это его следы вели к старому лагерю. Мы послали гонца на кордон к объездчикам с просьбой, если Гупа появится, накормить его и известить нас.

Джордж заплатил африканцам за ущерб, причиненный львятами, а вечером устроил засаду поблизости от того места, где, по всем приметам, они устроили себе лежку. Всю ночь шел дождь. Львят Джордж не увидел. Они приходили туда, где встречались с ним накануне, и, не застав Джорджа, атаковали три бомы, убили двух коз и искалечили еще шесть. Утром наши помощники выследили их, но оба львенка убежали.

Прибыл объездчик и рассказал, что в ночь с 5 на 6 апреля молодой лев приходил в лагерь Эльсы. Особенно много отпечатков лап было там, где прежде стояла палатка Джорджа. Лев ушел к Большим скалам. На следующую ночь он возвратился в обществе взрослого льва, но тот не зашел в лагерь, а сразу переправился через реку. Молодой лев сперва прошел к дереву, которое служило нам «холодильником», оттуда к могиле Эльсы, наконец заглянул в старую клетку. Это мог быть только Гупа. Видимо раздосадованный, что ему не удалось пробраться в бому, он от сильного голода проявил несвойственную ему активность и один проделал путь до лагеря, надеясь, что там его накормят.

Объездчики, которые дежурили в старом лагере, не были знакомы с повадками наших львят, поэтому туда отправился Нуру, чтобы позаботиться о Гупе. Я решила присоединиться к нему, как только будет возможно переправиться через реку на машине. Если Гупа приведет остальных львят к лагерю Эльсы, это намного облегчит нашу задачу. Пока же дело только осложнилось. Нам и без того стоило немалых трудов следить за перемещениями львят и предупреждать набеги. А наблюдать за двумя участками, когда между ними больше двадцати километров и почти невозможно проехать из-за дождей, — просто кошмар.

Ночью львята прошли всего в ста метрах от Джорджа. Они возвращались от бомы, возле которой съели выброшенную жителями издохшую козу. Как нам действовать? Мы могли только проследить, чтобы получше укрепили изгороди вокруг бом, и разослать объездчиков на охрану поселений. Но где взять столько людей?

А тут еще лопнула задняя ось на лендровере Джорджа, Ибрахим поехал в Исиоло за новой. Теперь Джордж ходил в засаду с маленькой палаткой. Вечером, проводив его на дежурство, я пошла погулять. Весь день на небе громоздились тучи, было душно, собирался дождь. Вдруг послышалось басовитое хрюканье. Это два бегемота бултыхались в реке, поднимаясь к поверхности и пуская фонтаны воды. Заходящее солнце стало оранжевым, потом алым, багровым. На фоне пылающего шара красиво и четко выделялась пальмовая рощица, было видно чуть ли не каждый лист. Но вот стемнело, все предметы потонули в сером море буша. Я уловила нежное благоухание, пошла на запах и увидела куст *Sesamothamnus busseanus*. Это небольшое деревце обычно растет в безводных местах и не может позволить себе роскоши одновременно носить зеленый убор и цветы. Большие

бархатистые белые цветы украшают совсем голые ветки. Сильно пахнущие бутоны открываются только после захода солнца, предлагая свой нектар ночным насекомым. Жизнь цветков коротка — всего одна ночь. Едва первые лучи солнца озарят небо, как они осыпаются. Столько великолепия ради одной только ночи! Да и проживут ли они эту ночь? Я сомневалась, вспоминая набухшие дождем кровавые закатные тучи.

Гул автомобиля прервал мои размышления. Это вернулся Ибрахим. Он сказал, что в горах идут дожди и вода в реке быстро прибывает, ему едва удалось переправиться.

Только я легла в постель, хлынул ливень. Как там Джордж? Сидит в маленькой палаточке под дождем, кругом львы... Бегемоты гукали слишком уж близко от моей палатки. Но в конце концов я все-таки задремала.

Разбудило меня какое-то равномерное чавканье. Оно смешивалось с дробью дождя о мою палатку и ревом текущей поблизости Таны. Я долго не могла понять, в чем дело. Сломанная ветка шлепает по брезенту мокрыми листьями?.. В это время свалился один из кольев, к которым была привязана моя палатка, я включила фонарик и увидела, что чавкает вода! Река подбиралась ко мне.

Наш лагерь был разбит метра на три-четыре выше обычного уровня Таны. За три часа река поднялась до нашей площадки, и теперь, куда ни глянь, всюду вода. Я посветила фонариком и увидела, что равнина за лагерьем уже превратилась в болото, все в глубоких лужах. А ведь только туда мы и могли отступить. Если река нас опередит и поднимется еще на три десятка сантиметров, там тоже не спасешься.

В отчаянии я окликнула боев, но до их палаток было двести метров, они, конечно, не слышали моего голоса, заглушенного ревом потока. Я бегом кинулась к ним. Они крепко спали, закрывшись в палатках, которые вот-

вот превратятся в ловушки. Не подоспей я вовремя, наши помощники могли бы утонуть.

Выбравшись на волю, они тотчас осознали, какая опасность им грозит. Мы быстро сняли большую палатку Джорджа, где хранились ружья, лекарства, продукты, снаряжение. Ее уже наполовину затопило. Перенесли все подальше от воды, потом убрали в мою палатку. Действовал один только мой фонарик, да и тот я вскоре уронила в воду. Какое счастье, что Ибрахим вернулся! Он быстро организовал перепугавшихся людей, и почти все наше имущество было спасено.

На некоторое время мы были в безопасности, но, если не случится чудо, равнина, где мы теперь находимся, очень скоро тоже будет затоплена.

Воткнув в грязь палку, я следила, как поднимается вода. К моему удивлению, оказалось, что уровень больше не меняется. А ведь еще немного — и река смыла бы наш лагерь...

Мы немедленно принялись спасать лендровер Джорджа, со всех сторон окруженный водой. К счастью, машина стояла под деревом. С помощью импровизированного блока нам удалось приподнять ее, так что поток уже не мог ее унести. И снова я подумала, как хорошо, что Ибрахим здесь.

Закончив эту операцию, мы стали ждать рассвета, мокрые, измученные.

Едва рассвело, явился Джордж. Он тоже продрог и промок. Джордж рассказал, что перед самым дождем приходили Джеспэ и Эльса-маленькая. Они основательно поели и сразу ушли. Когда хлынул ливень, все колья выскочили, и палатка упала на Джорджа. Остаток ночи он просидел, скорчившись под мокрым брезентом. Если бы вернулись львята, он был бы в дурацком положении. Но Эльса-маленькая и Джеспэ, как после выяснилось, были заняты в другом месте.

Несмотря на сытный обед, они все-таки забрались в бому и убили козу.

Через несколько часов уровень реки упал на полтора метра. Разглядывая в бинокль беспокойные волны, я заметила среди обломков на одном островке зацепившуюся за ветки опрокинутую надувную лодку. А на противоположном берегу великолепная цапля колотила о камень пойманную рыбу. Видимо, не так-то просто цапле приготовить себе завтрак!

Глава десятая. ПОДГОТОВКА К ПОИМКЕ ЛЬВЯТ

Поразмыслив, мы решили, что лучше всего поставить палатки на равнине среди буша, поближе к высоким деревьям, под сенью которых можно укрыться от дневного зноя.

Я разложила на солнце наше промокшее имущество, Джордж отправился искать львят. Он не нашел их, зато вечером, когда он, выложив мясо, дежурил в моей машине, появились Джеспэ и Эльса-маленькая. Они жадно уничтожали тушу до одиннадцати часов. Под утро Джордж впервые услышал, как львята рычат. Голоса у них были еще не окрепшие, но достаточно грозные. Может быть, они звали Гупу? Или утверждали свои права на новые владения?

На следующий день львята появились раньше, съели половину припасенного для них мяса, а когда начался дождь, ушли и явно из чистого хулиганства напали на бому — убили трех коз и искалечили четырех.

А у меня были свои приключения. Мечтая о тени, я поставила палатку возле огромного куста. И не заметила, что обосновалась как раз на тропе бегемотов. Ночью в нескольких метрах от палатки слышался топот, но, к счастью, бегемот повернул и плюхнулся в реку. Из-за сильного дождя я до утра была прикована к этому месту, хотя нас снова затопило и палатки свалились. Коробки, в которых я держала свои бумаги, промокли, их содержимое превратилось в кашу. Я осторожно извлекла самые важные папки и положила сушиться, многие буквы расплылись. Весь день мы подсушивали имущество, а потом ливни снова нам все портили. Вообще день был какой-то суматошный. Но

все-таки выпадали и радостные мгновения. В разгар хлопот я вдруг остановила взгляд на ярком пятне: солнечный луч упал на ажурный пальмовый лист, окаймленный небесной синевой. Удивительное, несравненное изящество и совершенство...

Вечером по пути к львьятам машина Джорджа застряла в грязи. Когда он наконец добрался до места, Джеспэ и Эльса-маленькая уже ждали его. Они жадно набросились на привезенное мясо, а он сидел в темноте и слушал их довольное урчанье. Потом включил фары и с удивлением увидел, что львят стало трое! Должно быть, Гупа только что подошел, потому что он по всем правилам здоровался с братом и сестрой. А когда церемония кончилась, он забрал все мясо себе, их и близко не подпускал. Видно, сильно проголодался. Но выглядел он вполне здоровым. Его не было целую неделю. Судя по виду, за это время ему удалось как следует поесть не меньше двух раз. Львята вылакали свой рыбий жир и пошли к бомам. Джордж выстрелом предупредил объездчиков, и они отогнали львят световыми шашками. Хотя львята до сих пор нарушали все наши планы, мы решили держать клетки наготове. Погода с каждым днем портилась, необходимо было подвезти клетки сюда, пока их еще можно доставить на грузовике.

Новая дорога протянулась сквозь буш на двадцать с лишним километров. Конечно, она не шла ни в какое сравнение с дорогой, по которой мы до сих пор ездили в Тану, зато намного сокращала путь. И второе преимущество: она пересекала реку в сравнительно узком месте. Правда, подъезды были довольно круты, но ведь на старом маршруте ширина переправы полтора-два метра, а в разлив там, пожалуй, и вовсе не проехать.

Вместе с Ибрахимом я отправилась в Исиоло за нужными нам вещами. Даже на новом пути переправа

потребовала немалых усилий. Я все время отмечала, где надо будет улучшить дорогу, чтобы можно было провести по ней машину со львятами.

В Исиоло я узнала от майора Гримвуда, что переговоры с заповедниками закончились успешно, нам разрешили переселить львят в Национальный парк Серенгети в Танганьике. Вот это замечательно! Серенгети знаменит своими львами и обилием дичи, лучшего дома для наших львят нельзя пожелать.

Я написала письмо начальнику Управления национальных парков, поблагодарила за любезное согласие и подчеркнула, что из-за своей молодости — им было всего шестнадцать месяцев — львята еще месяц-два будут нуждаться в нашей помощи. У них не сменились молочные зубы, и раньше двух лет они не сумеют самостоятельно охотиться. Конечно, я упомянула и о стреле, застрявшей в бедре Джеспэ.

Я узнала, что заказанный нами грузовик был еще в порту Момбасы. Пришлось взять напрокат машину у компании «Кер-Дауни Сафари». Ждать было бы опасно, могло сорваться все дело. Майор Гримвуд разрешил нам пользоваться «бедфордом» Кена Смита.

Итак, машины есть. Я нажала на плотников, чтобы поскорее сделали клетки-ловушки, заказала блоки, веревки, аккумуляторы, либриум, фотоматериалы, взяла деньги в банке. Побывала у доктора. Последние недели я перевязывала ногу в условиях, которые трудно назвать гигиеническими. Тем не менее рана начала понемногу заживать.

Все время, что я была в Исиоло, непрерывно лил дождь. Надо скорее возвращаться, пока наводнения не преградили путь. И вот я наконец в лагере — пригнала прокатный грузовик, доставила три клетки. Джордж сказал, что все эти четыре ночи он встречался со львятами. Они несколько раз подбирались к бомам, но их вовремя отгоняли. Принятые Джорджем меры

предосторожности — укрепление изгородей, охрана объездчиками наиболее уязвимых мест, сигнальные выстрелы — оправдали себя.

Однажды львята получили от Джорджа двух цесарок. Тотчас завязалась потасовка, козлятина их уже не интересовала. Джордж заметил, что Эльс-маленькая сильно хромает. Видимо, занозила лапу колючкой, но помочь этой дикарке он не мог.

А вообще львята выглядели превосходно. Джеспэ все еще не избавился от стрелы, но она ему не мешала. Доверие к Джорджу восстановилось, львята спокойно разрешали ему подходить к ним, когда ели, подливать в миски воды и рыбьего жира. Они признавали его не только в темное время суток. Накануне моего приезда Джордж набрел на львят среди бела дня, когда они спали под кустом. Львята не спеша отошли в сторонку и снова легли.

Все это звучало утешительно, но мы продолжали чувствовать себя как на вулкане. Конечно, львята не нападали на людей, даже когда их, совершенно изголодавшихся, отгоняли от добычи. А местные жители проявляли долготерпение и охотно помогали нам. Щедрое вознаграждение сыграло свою роль, видимо, их вполне устраивал такой удобный рынок сбыта коз. И все-таки страшно, как подумаешь, что в буше полно коз и овец, за которыми присматривают дети. Чем скорее мы поймем и увезем львят, тем лучше будет для всех.

По соседству с логовом, в котором львята отдыхали днем, мы расчистили площадку. На площадке поставили все три клетки. Джордж поднял дверцы и привязал к ним веревки, другой их конец пропустил через блоки, подвешенные на укрепленной над клетками балке. Балка опиралась на сучья деревьев, стоящих по краям расчистки. Потом он сплел все три веревки вместе и привязал скользящим узлом за третье дерево метрах в

двадцати от клеток. Здесь Джордж поставит лендровер и будет ждать, когда львята зайдут каждый в свою клетку. В нужный момент он отпустит веревку, и все дверцы одновременно закроются.

Первым делом надо приучить львят есть в клетках. Уже одиннадцать ночей они почти всегда приходили за мясом к Джорджу. А он переносил место кормления все дальше от бом и все ближе к клеткам. Когда осталось с полкилометра, он привязал две туши к лендроверу, дождался львят и медленно потащил козлятину к ловушкам. Но Джеспэ сорвал затею. Он схватил тушу, обошел с нею вокруг дерева, и веревка лопнула.

На следующую ночь Джорджу повезло гораздо больше: львята дошли за своим обедом до самых клеток. Они ничуть не испугались этих больших ящиков. Гупа со своей порцией сразу забрался в клетку.

Видимо, теперь уже скоро нам удастся поймать львят. Мы воспрянули духом, но Джорджа по-прежнему беспокоили сильно запущенные дела в Исиоло. А поездка в Серенгети опять надолго оторвет его, ведь мы хотели пожить в заповеднике, пока львята совсем не освоятся.

От Исиоло до Серенгети около тысячи километров, ездить все время туда и обратно он не сможет. До сих пор майор Гримвуд стоял за него горой, но ведь нельзя без конца злоупотреблять добрым отношением начальника. Оставалось только бросить работу и всецело посвятить себя львятам. И Джордж подал майору Гримвуду заявление об уходе. Я знала, чего ему это стоило после двадцати двух лет честной службы. Одного взгляда на осунувшееся лицо Джорджа было достаточно, чтобы понять, как отразились на нем события последних недель.

Пожалуй, стоит съездить в Исиоло и найти ему в помощь профессионального зверолова. И еще надо подумать, как извлечь стрелу из бедра Джеспэ. Джордж

обратился к старикам, помнившим племенные устои, чтобы узнать у них, как вытаскивать стрелы из ран. Они объяснили, что надо крутить стрелу, пока зубец не высвободится. Если просто дернуть, будет очень уж больно. Но вряд ли Джеспэ позволит нам долго крутить стрелу. Тогда Джордж сделал увеличенную копию зубца с очень острыми краями: его надо просунуть под стрелу, зацепить ее и выдернуть, не особенно расширяя края раны. Но сперва нужно залучить Джеспэ в клетку и сделать ему обезболивающий укол. Хорошо бы выполнить эту операцию прежде, чем мы повезем львят в Серенгети.

Я снова поехала с Ибрахимом в Исиоло. Нужен был шприц для укола, нужен зверолов, нужны цепи для наших машин. Мы взяли грузовик Кена, он все равно нуждался в ремонте. Пятитонка то и дело буксовала на мокрой глине. Черное небо сулило новые дожди. Поскорее бы обернуться, пока погода не сорвала нам все дело.

Мне удалось управиться с покупками за один день. Не найдя профессиональных звероловов, я позвонила Джулиану Маккинду, который участвовал в сафари, описанном в моей первой книге, и с тех пор занимался охотой. Маккинд согласился помочь, он обещал прийти на следующее утро. Я позвонила также Джону Бергеру и еще одному ветеринару в Найроби и спросила, не возьмутся ли они извлечь стрелу у Джеспэ, если мы попадем к ним в удобное время. Оба жили как раз на пути, по которому мы повезем львят. Уж очень не хотелось мне затевать что-то самой. Ведь у Джеспэ такая толстая шкура, вдруг укол не подействует.

В свое время один американский журнал запрашивал, нельзя ли их репортеру сфотографировать поимку львят. Мы не знали, когда это будет, и оставили вопрос открытым. И вот сейчас в Исиоло мне вручили три телеграммы: на днях прибывает фоторепортер! Но я

удивилась еще больше, когда на следующее утро фотограф позвонил из Найроби и сообщил, что уже приехал и завтра будет в Исиоло. Пришлось задержаться еще на сутки. Все это было некстати, я опасалась, что разойдутся дожди. Но ведь человек приехал издалека, и фоторепортаж может принести пользу заповедникам: Я решила подождать.

Мы уже разослали обращение с просьбой вносить средства в фонд помощи животным, обитающим в таких районах, где они мешают человеку и приходится либо перевозить их, либо истреблять. Часто животные обречены только потому, что нет денег на транспортировку. Если наш призыв найдет отклик, это поможет снарядить отряды по спасению животных. Мы назвали фонд именем Эльсы, а теперь смертный приговор грозит ее детям, если сорвется наша затея. У журнала много читателей, может быть, статья расположит их в пользу нашего проекта «спасательных отрядов». Тогда я не пожалею, что задержалась в Исиоло.

Пришел Джулиан, и я рассказала ему, как мы задумали поймать львят. Он очень советовал отвезти в лагерь большую общую клетку. Гораздо легче заманить львят в нее, а уж потом разделить их. Маловероятно, чтобы все трое одновременно зашли каждый в свою клетку. А ловить их врозь нет смысла — пойманный предупредит об опасности двух остальных.

Итак, мы водрузили на грузовик громоздкую клетку и заполнили ее козами. Джулиан ехал отдельно на своем лендровере. С утра лил дождь, но летчик, доставивший фоторепортера в Исиоло, не сбился с пути и благополучно сел на скользком аэродроме.

За много лет жизни в Кении я узнала, что человек здесь гораздо больше зависит от погоды, чем в Европе. Очень часто дожди срывают все планы. Вот почему я слушала с изумлением фоторепортера, прилетевшего

сюда из Берлина, который сказал, что отводит на съемку всего три дня и потом улетает на Кубу выполнять следующее задание. А ведь до лагеря далеко и дороги размыты, туда еще надо попасть.

Ночью дождь лил как из ведра. Пробьемся ли мы в лагерь? Жаль фотографа, кажется, его визит будет не очень приятным. Я не зря опасалась. В пути нам то и дело встречались машины, которые прыгали по ухабам и лавировали, чтобы не столкнуться, не попасть в канаву. А тут еще эти ливни... Я ехала на грузовике, фоторепортер и Джулиан — на лендровере. Мы еле-еле ползли. Еще издали было слышно, как ревет река, и я поняла, что одолеть ее нам не удастся. Придется разбивать лагерь на берегу, может быть, к утру вода спадет. К счастью, Джулиан захватил достаточно просторную палатку, в ней нашлось место и для фоторепортера. Я спала в маленькой альпинистской палатке, которую взяла с собой на всякий случай.

Утром мы увидели, что река разлилась еще больше, и послали двух объездчиков другим путем (двадцать пять километров напрямик через буш), чтобы они сообщили Джорджу о наших затруднениях и попросили его выслать нам навстречу лендровер. Когда спадет вода, он перетащит нас на тот берег. Ожидая помощи, Джулиан и фоторепортер в своей палатке обсуждали международное положение, а я у себя читала письма, полученные в Исиоло. Газетные вырезки пестрели тревожными заголовками:

ЛЬВЯТ ЭЛЬСЫ, ВИДИМО, ЗАСТРЕЛЯТ.

ЛЬВЯТАМ ЭЛЬСЫ ГРОЗИТ СМЕРТЬ.

ЛЬВЯТА ЭЛЬСЫ: СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР.

Глава одиннадцатая. ПОИМКА

Я была потрясена. По словам газет, майор Гримвуд сообщил репортерам в Найроби, что Джорджу предложено поймать львят и перевезти их в заповедник, а если ничего не получится, застрелить их. Нет, Гримвуд не мог так поступить, не мог так сказать газетчикам, не предупредив нас. Я была уверена — и потом это подтвердилось, — что его слова исказили, и решила не показывать этих вырезок фоторепортеру.

Конечно, я знала, что, если львята даже слегка поцарапают хоть одного человека, их ждет смертный приговор. Пока что, слава Богу, таких случаев не было, но нужно поскорее увозить их. А мы застряли тут, у реки... Я старалась не показывать своей тревоги, но уж очень трудно было сочувствовать фоторепортеру, который боялся опоздать к самолету на Кубу, и вежливо отвечать на его жалобы, что я не захватила для него плечиков.

Внезапно дождь прекратился. Мы с Ибрахимом с нетерпением следили, как убывает вода. Что, если объездчики, которые пошли напрямик, застрянут?.. Я предложила Джулиану подъехать насколько возможно к лагерю на лендровере, а потом послать Ибрахима пешком с моим письмом для Джорджа.

Так они и сделали. Когда дорога стала совсем непроезжей, Ибрахим несколько километров пробивался чуть не по пояс в грязи. Он пришел в лагерь задолго до объездчиков. Джордж, конечно, был удивлен, что надо принимать гостей при таких обстоятельствах. Он отправил Ибрахима на своем лендровере нам навстречу, и на следующий день мы уже увидели, как Ибрахим весело машет нам с того берега.

Переправиться на машине было невозможно, и мужчины на себе перенесли наше драгоценное снаряжение. Джулиан и репортер перешли вброд, подоткнув шорты. Меня перенесли на руках. Обычно я переправляюсь сама, но моя рана еще не затянулась, и я боялась получить инфекцию в этой воде шоколадного цвета.

На другом берегу мы все втиснулись в лендровер. Это было не так-то просто — столько народу и снаряжение. Но мы все-таки справились и затряслись на ухабах по новой дороге.

Джордж первым делом повел нас к клеткам и показал свои приспособления. Ничего не скажешь, замечательно: только он отпустил веревку, как все три дверцы одновременно упали, словно ножи гильотины, оставались только узкие щелочки, чтобы не прищемить хвосты львям. Ни один профессиональный зверолов лучше бы не придумал. Я очень гордилась Джорджем.

Он рассказал нам, что львята приходили каждый вечер и ели мясо в клетках. Плохо только, что иногда в одну клетку заходят сразу двое. А если каждый и займет свою клетку, непременно у кого-нибудь наружу торчит голова или хвост, так что нельзя пустить в ход «гильотину». Дождемся ли мы такого момента, когда все трое будут в клетках в подходящем положении?

Мы условились, что фоторепортер пойдет с Джорджем в ночную засаду, чтобы снять львят, когда они появятся. У него не было с собой специальных ламп, но он полагался на высокую чувствительность фотопленки и яркость автомобильных фар.

Львята пришли, как только стемнело. Услышав незнакомый голос, они убежали, но вскоре вернулись и всю ночь провели у машины, не обращая внимания на щелканье фотоаппарата.

На следующее утро репортер думал только о том, как бы поскорее уехать. Он сделал несколько снимков в

лагере, сфотографировал бомы, которые больше других пострадали от львят, и отправился в путь. Ему надо было на Кубу.

Джулиан отвез его в Исиоло, заодно хотел пригнать оттуда новый грузовик, как только его пришлют. Мы надеялись, что он вернется к тому времени, когда мы поймаем львят. Его помощь была нам очень нужна, людей у нас не хватало, все три водителя свалились от малярии, два боя заболели дизентерией, и Джордж совершенно измучился. Если Джулиан обернется вовремя, ему поручат свертывать лагерь и командовать арьергардом. А мы, не теряя времени, повезем львят.

Казалось, скоро настанет конец нашим тревогам. Но вдруг, словно бомба, письмо от администрации округа. Ультиматум; отловить львят к такому-то числу. Администратор извинялся, что вынужден прислать такой приказ, но так уж сложилась обстановка.

Мы совсем пали духом. Как ни хотелось нам поскорее поймать львят, дело осложнялось. Помех было много — моя рана, болезни наших людей, угроза сильных ливней, неизвестность, удовлетворено ли ходатайство Джорджа об увольнении, вдруг ему придется ехать в Исиоло. Утешало нас лишь то, что за последние десять дней львята ни разу не атаковали бомы, каждый вечер они приходили за мясом к Джорджу.

Было уже 24 апреля. Я не встречалась со львятами с 27 февраля, когда Джеспэ играл со мной на гряде Ворчун. Хотелось повидать их, и я поставила свою машину рядом с машиной Джорджа. Приготовила большие куски мяса, начиненные тетрацином, и положила их в клетки вместе с козьими тушами. И вот мы ждем, каждый в своей машине.

Уже стемнело. Вдруг я почувствовала, как что-то толкнулось о мою машину. Это был Джеспэ. Он беззвучно скользнул к клеткам. Появление второй

машины его явно не смутило. Он съел два куска мяса с террамицином, затем подошел к Джорджу, который стоял у своего лендровера и держал миску с рыбьим жиром. Джеспэ чисто вылизал миску и вернулся к мясу. На меня он посмотрел совершенно спокойно. Когда я тихонько окликнула его, на миг насторожил уши и продолжал есть. Джеспэ очень вырос, окреп, но, как и Эльса, не отличался таким уж мощным сложением. Под кожей на бедре ясно проступал наконечник стрелы, из раны сочилась сукровица, но ни опухоли, ни воспаления не было. Иногда он присаживался и лизал рану. Хорошо, что она совсем не сковывала его движений.

Вдруг в кустах за моей машиной что-то зашуршало. Я посветила фонариком и метрах в двадцати заметила Гупу. Он прятался там уже около четверти часа. Потом к нему присоединилась Эльса-маленькая. Я окликнула их, но они испугались моего голоса. Гупа два раза порывался убежать, однако не смог устоять перед соблазнительным запахом мяса и прокрался к клеткам. Он съел куски с террамицином, вылакал две миски рыбьего жира и принялся за козу. Эльса-маленькая все еще робела. Только после полуночи она отважилась подойти к клеткам. Братья не оставили ей ни террамицина, ни рыбьего жира.

Все три львенка выглядели хорошо. Я вспомнила снимки, которые сделал Джордж, когда впервые выследил их на Тане, тогда львята выглядели скелетами. Да, Джордж потрудился на славу. Только благодаря его терпению и изобретательности они так великолепно поправились и снова прониклись доверием к нам. Львята ели мясо до четырех утра, набили животы до отказа и ушли.

Утром Ибрахим поехали Исиоло со срочными письмами, Небо хмурилось — как бы он не застрял где-нибудь, ведь надо проехать шестьсот пятьдесят километров по размытой дороге!

Вечером львята не явились. Конечно, после вчерашней обильной трапезы они могут и пропустить один день, но все-таки мы беспокоились. Ночью до лагеря доносилось рычание льва. Разыскивать львят утром было бесполезно, ливень смыл все следы. А когда стемнело, пришел Джеспэ, правда ненадолго. Через час я услышала вдалеке его голос, и Гупа, который тоже удостоил нас своим посещением, отправился на зов. Наконец они прибыли все трое. В буше рычал чужой лев, но львята не обращали на него внимания. Джеспэ и Эльса-маленькая обедали каждый в своей клетке. Гула заглянул к ним, встретил нелюбезный прием и угрюмо сел у входа в третью клетку. Войдет он туда или не войдет? Удастся ли нам сейчас поймать львят? Наши нервы были напряжены до предела. А тут еще этот чужой лев. Уведет их с собой куда-нибудь, тогда уж нам их не спасти...

Новая ночь — и снова тревоги. Заслышав голос чужого льва, львята перестали есть, насторожились, потом бегом помчались на зов. Немного погодя они вернулись и доели козлятину. Кто поручится, что в следующий раз они не уйдут совсем?

Вернулся Ибрахим и привез известие, что новый «бедфорд» сможет прибыть не раньше чем через десять дней. Скверно. Теперь уж не приходится рассчитывать на Джулиана, его дела не позволяли ему отлучаться надолго. А тут еще эти ливни, из-за них дороги официально закроют для движения.

Наши помощники установили, что следы львят ведут туда, где бродил дикий лев. Да, если мы станем дожидаться улучшения погоды и прибытия «бедфорда», львята могут уйти с чужим львом и попасть в беду.

Ночью их не было. Конечно, львятам весело в обществе нового друга, но ведь срок истекает... Хорошо еще, что в последние два дня в нашем районе не было дождей. Дороги перекрывают в зависимости от местных

условий. Если еще несколько дней не будет дождя и львята войдут в клетки, погода не помешает нам вывезти их.

День прошел за работой. Мы налаживали ловушку, повторяли свои роли, наточили острие, которым Джордж надеялся извлечь стрелу. Хотя дел хватало, часы тянулись невыносимо медленно. Но, вот, наконец, пора отправляться в засаду.

Только я начинила куски мяса террамицином, как появился Джеспэ, он проглотил два куска мяса, потом сел перед машинами, разглядывая нас. Тем временем его брат и сестра зашли в клетки. Они поели, потом вышли и легли рядом с Джеспэ. Хороши они в свете луны, ничего не скажешь. Скорее бы увезти их от надвигающейся опасности. Вдруг, словно мне назло, раздалось рычание чужака, и львята мигом исчезли. Слышно было, как Джордж в своей машине отводит душу замысловатой бранью. Еще одна ночь потеряна, а их осталось так мало... Огорченная, я решила прилечь, попросив Джорджа разбудить меня, когда придет мой черед дежурить. Несмотря на все переживания, усталость взяла верх, и я задремала.

Меня разбудил стук. Дверцы захлопнулись! И... мертвая тишина, словно кончилась вся жизнь на земле. А затем в клетках началась отчаянная возня. Мы с Джорджем одновременно бросились туда и поспешно убрали чурки, которые не давали дверцам закрыться совсем (чтобы не защемить хвост). Все, теперь не уйдут.

Мы испытывали величайшее облегчение, оттого что львята в безопасности. И все-таки на душе было как-то скверно от мысли, что мы обманули их доверие.

Я поцеловала Джорджа, ведь он один справился с такой задачей. В ответ он только грустно улыбнулся...

Глава двенадцатая. МЫ ЕДЕМ В СЕРЕНГЕТИ

Теперь надо было спешить, чтобы не мучить львят. Джордж остался дежурить, а я поехала в лагерь, подняла всех на ноги, и мы мигом собрали вещи. Как только рассветет, поставим клетки на грузовик.

Медленно померкла луна, начинался новый день — день, которому предстояло во многом изменить нашу жизнь.

Когда все было готово, мы подогнали к клеткам пятитонный «бедфорд». Джордж мне рассказал, что Джеспэ быстро пришел в себя, утихомирился и до утра просидел спокойно в своей клетке. Эльса-маленькая последовала его примеру, и только Гула еще долго бушевал. Теперь он злобно ворчал на боев, которые собирались поднять клетки в кузов.

Мы просили местных жителей не подходить слишком близко, но нас все-таки скоро окружила шумная толпа. Гула перепугался, начал биться и сломал три доски в потолке, причем одну совсем вышиб. Мы тотчас наложили брезентовую заплату, укрепив ее железными скобами и канатом. Теперь можно поднимать клетки. Каждая из них весила почти четыреста килограммов. Африканцы обычно сопровождают всякую работу ритмичными криками, и, конечно, львята испугались еще больше. Когда тяжелые клетки закачались в воздухе на таях, звери начали метаться взад и вперед, усиливая качку. Сначала погрузили Эльсу-маленькую, ее клетка стала вдоль борта и заняла половину ширины кузова. Рядом поставили клетку Гупы, обе были обращены дверцами к кабине. Джеспэ поместили поперек в конце кузова.

Львята отлично видели друг друга, их разделяли только прутья, можно было без труда добраться до Джеспэ, чтобы при случае попытаться извлечь стрелу. Сейчас об этом не могло быть и речи, он был слишком возбужден.

Львята отказывались от пищи, поэтому мы не могли дать им успокоительное. Хорошо, что они как следует поели ночью. В каждую клетку мы положили мясо и поставили миски с водой, потом накрыли клетки брезентом, чтобы львят не задевали ветки на нашем пути.

Можно было отправляться. Я еще раз все осмотрела. Сердце у меня разрывалось при виде грустной морды Джеспэ... И вот караван тронулся в путь, оставив позади шумную толпу. Первым шел мой лендровер, дальше грузовик со львами, за ним «бедфорд», в который мы погрузили лагерное снаряжение, несколько коз и большую клетку. Джордж замыкал колонну на своем лендровере.

Первые двадцать километров дорога была прескверная. Машины тряслись на камнях, пробираясь среди кустов. И все же львята лежали смирно.

Река еще не вошла в старые берега, но ее уже можно переехать. Мой лендровер и грузовик со львами переправились благополучно, однако сильно изрыли берег, и следующие машины пришлось вытаскивать на буксире. Иногда они катились обратно, поднимался крик, но львята переносили все это кротко.

Отовсюду надвигались дождевые тучи, нас окружила грозная, черная стена. Около ста километров мы мчались по грязи наперегонки с грозой и опередили ее, как говорится, на полколеса. В сумерках добрались до резиденции администратора, оставили ему записку с доброй вестью и поспешили дальше.

Я вздохнула полной грудью, когда мы пересекли границу округа. Здесь смертный приговор был недействителен... Глядя на догоняющий нас ливень, я

поняла, что мы ускользнули от него в самый последний миг. Наводнение задержало бы нас.

Всего нам надо было проехать около тысячи километров, в основном по нагорью, высотой около двух тысяч двухсот метров. Вскоре мы уже достигли двух тысяч метров. Мы отчаянно зябли, хотя находились у экватора. Высоко над нами вонзались в небо покрытые льдом вершины горы Кения, которая подымается на пять с лишним километров. На ее склонах громоздились тяжелые тучи, они побрызгали на нас дождичком.

До сих пор наша маленькая колонна держалась сплоченно. Если какая-нибудь машина отставала, остальные дожидались ее. Но тут мы потеряли из виду грузовик, взятый напрокат у компании «Кер-Дауни Сафари». Джордж вернулся проверить, в чем дело, а мы доехали до небольшого поселка, где жил ветеринар, которому мы хотели показать Джеспэ.

Добрались мы туда уже в девять вечера, но, несмотря на позднее время, Джон Бергер тотчас согласился извлечь стрелу. К сожалению, у него ничего не вышло. Вид чужого человека привел Джеспэ в ярость, он не подпустил его, не дал даже сделать укол. Ветеринар успокоил меня, он сказал, что через две-три недели стрела сама выйдет. Рана неглубокая, только шкура повреждена, воспаления нет, и никакой помехи для жизненных функций. На всякий случай Джон Бергер снабдил меня длинным зондом и обеззараживающими средствами. Может быть, Джеспэ потом позволит нам провести операцию. Тут подоспел Джордж, и мы с удовольствием приняли предложение ветеринара выпить чашечку кофе, так как с утра ничего еще не ели.

Согревшись, мы поехали дальше. Погода ухудшилась, дождичек перешел в ливень. Было очень холодно. Мы то и дело останавливались, чтобы укрепить брезент на грузовике со львятами. Бедняги, они так жались по углам, спасаясь от дождя. Всю ночь

мы ехали на высоте около тысячи пятисот метров, и я боялась, как бы львята не заболели воспалением легких. Дважды нас останавливала местная полиция — искали какого-то преступника. Нам не сразу удалось убедить их, что мы никого не прячем, только трех львов, которые в жизни не причинили зла ни одному человеку.

В три часа утра мы прибыли в Найроби и подъехали к бензоколонке. Заспанным дежурным, наверное, показалось, что они видят сон. Я представляла себе, что будет, если мы станем провозить львят через города днем.

Предрассветные часы оказались для всех нас особенно трудными. На плато Каджиадо нас встретил порывистый ледяной ветер и ливни. Водители совсем измучились, силясь удержать машины на скользком полотне дороги. У Джорджа слипались глаза, и я сменила его за рулем. Наверное, для львят этот этап тоже был пыткой.

Утро застало нас в нескольких километрах от Наманги, на границе Танганьики. Мы позволили себе короткую передышку и согрелись чаем. Обессиленные львята лежали в полной апатии, их шерсть была взъерошена от трения о прутья клеток. Мясо в клетках явно испортилось, мы попробовали вытащить его специально припасенными железными скребками. Но туши были слишком крепко привязаны к прутьям. Тогда мы предложили львятам свежего мяса, сменили воду. Они отнеслись к этому безучастно.

Чтобы поменьше мучить львят, я решила побыстрее добраться до Аруши (до нее оставалось около полутора километров), известить о нашем прибытии директора Национального парка и узнать, где именно в Серенгети можно выпустить львят. (Предупредить его телеграммой мы не могли, так как выехали в субботу.) А

Джордж поедет со львятами помедленнее и подождет меня где-нибудь за городом, чтобы не собирать зевак.

Утро выдалось ясное. Ночные тучи рассеялись, и над утренней дымкой открылась вершина Килиманджаро. На рассвете шапки свежего снега казались невесомыми. Мне не верилось, что я смотрю на увенчанный ледником вулкан. Я часто издали любовалась Килиманджаро, сама поднималась на вершину, но в этот день она больше, чем когда-либо, казалась мне олицетворением красоты, вознесенной над беспокойным миром человека, частицей неиспорченной природы, к которой принадлежат и животные. Как же грустно было увидеть всего трех жирафов да нескольких антилоп импала на равнинах, где еще несколько лет назад кипела жизнь. Движение машин по гудронированному шоссе распугало животных. В этот миг и я вносила свою лепту в губительный процесс. Меня по крайней мере оправдывало то, что я старалась спасти львят, устроив их в таком месте, где им не надо опасаться человека. Но ведь работа национальных парков, в которых находят убежище дикие животные, зависит не только от доброй воли и усилий нескольких энтузиастов, нужна поддержка всех, кто живет в Африке, независимо от их национальности. И я должна использовать весь доход от своих книг на отряды, которые будут перевозить обреченных животных в заповедники, и на другие мероприятия в этом же роде. Хотелось верить, что разосланное нами обращение тоже позволит собрать средства.

Подъезжая к Аруше, я в просвете между облаками заметила вершину Меру и вспомнила, что у кратера этого конического вулкана на высоте четырех с половиной тысяч метров один наш знакомый встретил носорога. На Килиманджаро нашли скелет леопарда на высоте около шести тысяч метров. А на горе Кения я сама видела череп буйвола на высоте пяти тысяч

метров. Что заставляет животных подниматься в заоблачные выси?..

Директор Национального парка принял меня очень радушно и поздравил с благополучным прибытием. Я выразила ему благодарность за предложение перевезти львят в Серенгети. Директор спросил, известно ли в печати о нашем переезде. Я ответила, что в последние дни мы просто не могли связаться с газетами, но они, конечно, в курсе дела. Разумеется, мы готовы сделать все от нас зависящее, чтобы гостеприимство Национального парка Серенгети было наилучшим образом освещено в печати.

Дальше речь пошла о том, где выпускать львят. К моему удивлению, директор предложил Серонеру. Там помещается главная контора и живут сотрудники парка, и там же находится туристский центр, где то и дело садятся самолеты с гостями и грузами. Мы всегда стремились оградить львят от общения с людьми, и я попросила отвести нам более глухой уголок. Директор согласился, назвал место поблизости от непересыхающей реки. Он любезно вызывался предупредить по радио одного из тамошних инспекторов, чтобы тот встретил нас и проводил. И вообще директор обещал всяческую помощь.

Напоследок он вручил мне экземпляр воззвания, рассылаемого от имени Национального парка Танганьики. В смущении я объяснила, что все свои средства вкладываю в «фонд Эльсы». Ведь и дикие животные повсеместно нуждаются в охране, так что, по-моему, чем больше воззваний, тем лучше.

Через пять часов я догнала Джорджа, который ждал меня с грузовиком в ста километрах от Аруши. Ближе к городу не оказалось места, где можно было найти и тень, и уединение. Да, неудачно, теперь мы уже не попадем до ночи в Серенгети. Нам предстояло ехать через горы, где ночью довольно холодно. И мы решили,

что лучше заночевать у подножия горы Маньяра, на высоте около тысячи метров. Привал устроили возле деревушки Мту-Ва-Мбу — Комариный ручей. Очень меткое название...

У львят был совсем жалкий вид — морды исцарапаны, бока взъерошены. Мясо в клетках привлекало полчища навозных мух, которые облепляли ссадины. Тщетно львята прятали морды в лапах. Мне было больно смотреть на них.

Мы все одинаково устали и решили не ставить палатки, а спать под открытым небом. Джордж и я подвинули свои кровати поближе к клеткам. Всю ночь я слышала, как мечутся львята, и, едва рассвело, объявила подъем. Пусть мои спутники будут недовольны, но надо поскорее закончить этот мучительный переезд.

Поднимаясь по крутому склону, мы увидели дотоле скрытое большим девственным лесом озеро Маньяра. Это одна из главных достопримечательностей Танганьики. Здесь, на отмелях, много фламинго и других птиц, из дебрей приходят на водопой слоны, буйволы, львы.

Но нам некогда было любоваться видами. Небо хмурилось, и частые дождички напоминали, что могут начаться ливни. Поскорее бы подняться на Плато Великих Вулканов. К сожалению, дождь сократил видимость до нескольких метров, не пришлось нам увидеть вулканов и Нгоронгоро — крупнейшего в мире кратера, около пятнадцати километров в поперечнике. О крутизне склонов, по которым извивалась дорога, можно было судить только по торчащим у самого ее края макушкам огромных, в три метра, лобелий.

Чем выше мы забирались, тем гуще становился туман. Холодная влага пропитывала одежду. Наши африканские помощники, которые никогда еще не бывали в таких горах, буквально посинели. Помет на

дороге свидетельствовал о том, что по ней поднимаются не только туристы, но и буйволы, слоны и другие дикие звери. В одном месте мы резко затормозили, чтобы не наскочить на вынырнувшего из зарослей слона.

Вот и край кратера. Прошлый раз я видела внизу, метрах в пятистах, стада пасущихся животных. Сегодня видны только клубящиеся тучи. Несколько километров мы ехали очень тихо по скользкой дороге вдоль кратера. Вдруг туман исчез, словно кто-то поднял занавес, и далеко внизу мы увидели залитую ярким солнцем равнину Серенгети.

От множества ярко-желтых крестовников волнистые склоны впереди казались отлитыми из золота. Среди цветов паслись стада зебр, гну, газелей Томсона, а также скот, принадлежащий масаи. Странно было видеть бок о бок диких и домашних животных. Такое соседство оказалось возможным только потому, что масаи не охотятся на копытных.

Мы быстро спустились до тысячи пятисот метров. Сразу стало теплее, можно было сбросить часть одежды. Миновали знаменитое ущелье Олдовой. Теперь нам оставалось немногим больше ста километров. До сих пор дорога была хорошая, но тут она резко ухудшилась. Глубокие выбоины заполняла вулканическая пыль, и, ныряя из ямы в яму, наши машины вскоре окутались густым облаком.

Жара вынудила нас снять брезент с грузовика, чтобы львята не задохнулись. Но теперь их ссадины покрывались пылью. Вообще львятам досталось как следует, их бросало из одного конца клетки в другой. То и дело приходилось останавливаться, чтобы вытащить машину из выбоины, заменить лопнувшую рессору. Не знаю, что было хуже для львят — холод и сырость, оставшиеся позади, или адский зной и отвратительная пыль, которые изматывали нас на

протяжении следующих восьмидесяти километров. С опозданием на два часа мы достигли Нааби-Хилл, где была назначена встреча с инспектором. Он терпеливо ждал нас, заметив еще издали, как наша колонна ползла по дороге, волоча за собой хвост пыли.

Нельзя было тратить много времени на приветствия. В небе громоздились тучи, а нам предстоял еще немалый путь. И если развезет здешние почвы, тут застрянешь. Мы проезжали через огромные стада гну и зебр, а ведь это были только передовые отряды, первые ласточки ежегодной миграции. Но и такого количества диких животных никто из нас прежде не видел. Петляя между стадами, огибая заболоченные участки, мы под вечер прибывали к месту, где предстояло выпустить львят на волю.

Глава тринадцатая. КОНЕЦ ЗАТОЧЕНИЯ

Очень красива была новая обитель львят — устье широкой долины, которое протянулось километров на шестьдесят-семьдесят. С одной стороны крутой уступ гор, с другой — вереница холмов. Посреди долины змеилась река. Вдоль ее берегов, перемежаясь с высокими деревьями, рос густой кустарник — отличное убежище для всевозможных животных. Долина напоминала парк — повсюду кущи деревьев, кусты, а на холмах настоящие дебри. Если бы не комары и не мухи цеце, тут был бы истинный рай. Можно, конечно, назвать мух цеце крылатыми стражами врат рая, они смертельно опасны для человека и домашнего скота, а поэтому надежно охраняют диких животных.

Инспектор не хотел, чтобы ночь застигла его в пути, он показал нам хорошее место для лагеря и уехал. Правила парка запрещают ездить после наступления темноты.

Первым делом надо было позаботиться о львях. Выбрав акацию покрепче, мы подвесили к суку блок и спустили клетки на землю. Львята уже три дня в заключении, их силы были на исходе, они апатично лежали в своих клетках, и окружающее их нисколько не занимало. Хорошо, что мы привезли общую клетку. Она просторна, удобна, без пола, ее легко переносить с места на место. В ней львята быстро придут в себя после трудной дороги.

Мы открыли вход в общую клетку, придвинули к ней клетки Эльсы-маленькой и Гупы и блоком подняли дверцы. В первый момент ничего не случилось, затем Гупа вдруг ворвался к Эльсе-маленькой, уселся на нее,

и они стали лизать и «обнимать» друг друга, бурно радуясь свиданию. Освободившуюся клетку Гупы мы убрали и на ее место поставили тюрьму Джеспэ. Как только открыли дверцу, он молнией выскочил и, заслонив собой сестру и брата от возможных врагов, принялся ласково толкать и облизывать их. Как правильно мы поступили, поместив львят в такие клетки, которые позволяли им видеть друг друга. Пусть прутья прибавили львям ссадин, но эти раны легче залечиваются, чем душевные. Ведь радостно, что львята после всех испытаний не утратили своего дружелюбного нрава. Если бы удалось дать им успокоительное, они возможно, обошлись бы и без ссадин. Но условия не позволили нам применить либриум, что же до других средств, то нам посоветовали их избегать — они могли бы подорвать сопротивляемость иммунной системы львят и помешать им быстро освоиться на новом месте.

Теперь нужно помочь львям отдохнуть и отъестся после долгого поста. Мы положили в общую клетку козью тушу, попросили наших людей устроиться в сторонке и поставили лендроверы по бокам клетки, чтобы защитить ее от случайных ночных гостей.

К девяти часам вечера все было сделано, и мы приготовились лечь спать. Но Гупа никак не мог успокоиться, я слышала, как он ходит, как хрустят разгрызаемые кости. Утром я с удовольствием заметила, что от козлятины ничего не осталось, а львята возвратились в свои грязные «персональные» клетки. Видно, в незнакомом окружении они чувствовали себя в них надежнее. Но из-за этого мы не могли вытащить протухшее мясо.

А ведь придется держать львят в заточении, пока они не привыкнут на новом месте. Чтобы заманить их в общую клетку, мы положили туда свежего мяса. Важно было поменьше их беспокоить, и мы попросили всех не

ходить без нужды к клеткам. Место для лагеря подобрали в полутора километрах от клеток, поставили там палатки, потом вернулись к львям. Они по-прежнему сидели в своих грязных клетках, кишевших мухами. Тогда мы, невзирая на протесты жильцов, постарались хоть немного прибрать в их квартирах. Это оказалось непросто: львята рычали и били лапами, отстаивая свои крохотные владения. Нас с Джорджем мучило от зловония. Закончив неприятную операцию, мы вернулись в лагерь, чтобы искупаться и поесть горячего, впервые за последние четыре дня.

В это время приехал для переговоров инспектор со своей семьей. Администрация Национального парка любезно разрешила нам побыть со львятами, пока они не освоятся и не смогут сами о себе заботиться. Инспектор объяснил, что дичь для львят можно отстреливать только за пределами Серенгети, туда было километров шестьдесят. Он точно указал, где охотиться и каких животных разрешено убивать. Инспектор был очень приветлив, обещал нам всяческую помощь и почти весь день провел с нами.

Когда мы снова навестили львят, они уже лежали в общей клетке. Но какой у них вид! О проволочные стенки они царапались еще сильнее, чем о прутья транспортных клеток. Стоит немного задеть стенку, и ссадины снова кровоточат. А львята еще сгоняли лапами мух со своих болячек. Особенно пострадал бедный Гупа. Он и Эльса-маленькая сердито заворчали на нас. Зато Джеспэ встретил нас спокойно и даже позволил подергать стрелу, но извлечь ее нам и на этот раз не удалось.

Мы легли спать в машинах по бокам общей клетки и вскоре услышали, что явился один из местных львов. Его тьяканье все приближалось. А потом мы увидели несколько силуэтов вокруг, в свете фар поблескивали глаза... Львята внимательно прислушивались, а мы

пытались криками отогнать чужаков. Наконец все утихло. Я ласково заговорила со львятами, и они принялись за еду. Один львенок тяжело дышал, уж не начинается ли у него воспаление легких? Когда рассвело, я с облегчением увидела, что, несмотря на сильную росу, львята не простудились. Напротив, вид у них был довольный, желудки полны.

Утро выдалось довольно прохладное. Хотя мы обосновались в самой низкой части Серенгети (около тысячи двухсот метров), здесь было намного свежее, чем в лагере Эльсы. Накануне вечером мы накрыли клетку брезентом, теперь с восходом солнца сняли его. Вскоре стало припекать, отовсюду слетались противные мухи, они сплошь облепили львят. Бедняга Джеспэ одной лапой тер свои болячки, а второй обнимал Эльсу-маленькую.

После завтрака Джордж отправился за дичью. Я осталась со львятами и попробовала извлечь стрелу из бедра Джеспэ. Он позволял мне захватывать шкуру и дергать стрелу изо всех сил, но зубец сидел прочно. Уже пять недель он ходит со стрелой... И рана выглядит скверно. Но ветеринар советовал нам еще повременить с операцией. Надо ждать.

Мухи докучали все больше, львята метались по клетке, терлись головой о прутья, раздирая болячки. Наконец все сбились посередине, укоризненно глядя на меня. Даже в заточении, грязные и взъерошенные, львята сохраняли достоинство.

Я знала, что лучше Серенгети места для них не найти. Но природные условия здесь сильно отличались от того, к чему они привыкли. И большинство здешних животных им незнакомо. Даже львы другого подвида. Как-то они поладят, не будет ли споров из-за территории? Правда, дичи тут для всех предостаточно, и, возможно, здешние львы окажутся уживчивее, чем Свирепая.

Утро я провела около клеток, подбавляя в миски рыбьего жира и воды. Впервые за много месяцев появилась возможность поближе наблюдать за львятами. У Эльсы-маленькой клыки были раза в три больше, чем у ее братьев. Что это — ее особенность или нормальное отличие для полов? Ведь обычно охотится львица, и не исключено, что у нее клыки отрастают раньше, чем у самца. Естественно, у молодых животных это должно быть заметнее. Но утверждать что-либо определенное можно, только сопоставив черепа львов и львиц в поре созревания.

Часам к трем вернулся Джордж. Мы с ним обсудили, когда выпускать львят на волю. Хотелось бы поддержать их взаперти еще день-два, чтобы получше подкормить, но нашествие мух вынудило нас отказаться от этого. Решили выпустить их сейчас.

Время было самое подходящее. В жаркие часы львята не так энергичны, значит, меньше риска, что они сразу бросятся наутек, и вряд ли они сейчас столкнутся с местными львами. Мы положили на землю между общей клеткой и рекой козью тушу и убрали одну из транспортных клеток, открыв таким образом выход. Сперва львята в испуге забились в дальний угол. Немного погодя Гупа недоверчиво обнюхал дверь, отступил, потом снова приблизился и опять отступил... Наконец он с важным видом вышел на волю и, не глядя на тушу, направился к реке. Он отошел метров на сто, остановился, постоял немного и снова зашагал не торопясь.

Джеспэ и Эльса-маленькая, прижавшись друг к другу, недоумевающе провожали его взглядом. Но вот Джеспэ тоже вышел из клетки и нерешительно двинулся к реке, поминутно оглядываясь на сестру.

Эльса-маленькая металась по клетке, вставала на задние лапы. Ей не терпелось присоединиться к братьям, но как это сделать? Наконец она нашла путь к

свободе и быстро затрусила вдогонку за Джеспэ. Все три львенка скрылись в камышах. Внезапный дождь прикрыл их плотной завесой.

Глава четырнадцатая.

МИГРАЦИЯ

Едва рассеялась серая завеса, как мы, вооружившись биноклями, принялись изучать место, где скрылись львята. Их нигде не было видно, но я радовалась, что они ушли прямо к реке, по крайней мере будут знать, где водопой.

Правда, здешняя река была не так красива, как наша в лагере Эльсы, но для львят вполне годилась. Чистая вода, тихое течение, и даже в самую сильную засуху здесь оставались беловатые лужицы. Среди холмов за рекой большой солонец, куда приходит много животных. Только бы местные львы ужились со львятами, а уж те без труда привыкнут к новому месту.

Чтобы помочь львятам избежать столкновений, надо было первым делом подыскать место для кормления, где бы им никто не мешал. Оставлять для них мясо в общей клетке опасно, ведь если их там осадят, им некуда будет деться. Нужно придумать такое ограждение, чтобы львята в случае чего могли легко уйти. Мы перенесли общую клетку поближе к большому дереву, а по бокам поставили машины. Получилась защищенная площадка. Тушу подвешивали на блоке на толстом суку, причем канат был привязан к одной из машин. Если львята придут ночью, опустим им мясо, а потом, когда уйдут, поднимем, никакой вор не дотянется. Конечно, в первую же ночь они вряд ли вернутся. Пока львята не проголодаются, их не потянет к клеткам, которые были для них тюрьмой.

Вскоре после наступления темноты к лагерю подошли три льва. Они были так близко, что их глаза сверкали в свете наших фонариков. Следом притрусил

несколько гиен, потом тревожно закричали бабуины. Мы посветили в ту сторону прожектором и на косогоре за рекой заметили три пары глаз. Может, это львята? Видимо, помнят встречи со Свирепой и не решаются подойти ближе...

Почти всю ночь мы отгоняли чужаков. Пусть не рассчитывают на даровой обед. Лев давал знать о своем приближении глухим рычанием, но львицы подкрадывались беззвучно. Об их появлении я узнавала по шумному дыханию у самой машины. Однако никакие хитрости им не помогали.

Рано утром мы осмотрели в бинокль берега реки, но львят нигде не было. И лишь когда лучи солнца коснулись воды, они вышли из кустов почти в том же месте, где исчезли накануне вечером. Потом они стали подниматься по косогору, то и дело останавливаясь, и наконец залегли в зарослях. Я их окликнула, они повернули головы, но не встали. В это время появился отряд бабуинов, львята поднялись и не спеша зашагали дальше. Обезьяны не отставали от них, и вскоре вся компания скрылась за гребнем.

Чтобы проследить, куда они пойдут, мы пересекли реку и объехали вокруг холма, но львят не нашли. В это время нас догнал лендровер, и нам вручили радиogramму: новый «бедфорд» в полной готовности ждет в Найроби. В Серенгети простую почту привозили на попутных машинах, а телеграммы два раза в день передавали по радио из Аруши.

Мы попросили Ибрахима съездить в Найроби, вернуть фирме «Кер-Дауни Сафари» предоставленную нам машину и пригнать «бедфорд».

На следующий день в девять часов вечера пришли львята. Они жадно принялись за мясо, но стоило Джорджу включить фары, как они убежали. Вернулись они только через час и принялись за обед уже всерьез. Джеспэ даже попросил вторую порцию рыбьего жира.

Лакал он его, как обычно, из миски, которую Джордж держал в руке. Хотя и тяжело приходилось львенку в последние дни, он продолжал доверять нам.

Под утро я услышала, как один из львят пошел к реке. Он отрывисто рычал, но рыканье не заканчивалось обычным для львов тявканьем.

Эльса-маленькая воспользовалась отсутствием братьев, чтобы хорошенько поесть. Позднее все трое еще раз основательно закусили, а на рассвете ушли. Почти сразу совсем близко подал голос чужой лев. На фоне алой утренней зари я увидела великолепного зверя с темной гривой. Он принюхался, вытянув голову в сторону туши, потом подошел сзади к машине Джорджа, посмотрел на колыхавшуюся противомоскитную сетку. Наконец он решил взглянуть на мясо поближе. Тут мы подняли крик, и, хотя наши голоса никак не могли сравниться с его могучим басом, нам удалось спугнуть льва. Он затрусил к нашему лагерю, а мы подтянули повыше тушу и поехали пить чай.

В лагере мы снова увидели темногривого. Он стоял метрах в ста от грузовика, на кабине которого жались бои, криками предупреждая нас об опасности. Бедняга лев, он, наверное, не мог понять, с чего вдруг такое вторжение в его владения...

Весь день мы изучали окрестности. Близилась пора, когда через долину проходят в горы животные с равнин. Но, хотя Джордж накануне видел у границы заповедника большие стада гну и зебр, сегодня нам попадались только постоянные обитатели долины: импала, топи, водяные козлы, конгони, лесные антилопы и болотные козлы. Повыше нам встретилось довольно много буйволов и несколько слонов.

Под вечер мы возвратились на свой пост возле туши. В сумерках пришел Гупа. Он отсиживался в высокой траве и, только когда совсем стемнело, принялся за

еду. Вскоре к нему присоединился Джеспэ, но Эльса-маленькая не показывалась. Зато появился темногривый лев со своими двумя львицами. Они сели метрах в восьми от моей машины. С другой стороны Гупа и Джеспэ разгрызали кости. Вот когда пригодилась бы фотовспышка, чтобы снять эту группу: три голодных льва в траве, отделенные от наших львят только машиной. Джеспэ и Гупу это ничуть не беспокоило, они чувствовали себя в полной безопасности, всецело полагаясь на нашу способность защитить их. Наевшись, оба львенка повалились на спину животом кверху.

Вдруг из-за реки донесся тихий зов. Видимо, это была Эльса-маленькая, потому что братья тотчас стали пробираться туда, прячась от чужаков за машиной Джорджа. Мы подняли тушу и остаток ночи охраняли ее от диких львов.

Рано утром 7 мая Джордж снова выехал из Серенгети на охоту. Дорога была скверная, я ждала его обратно только под вечер. Когда настал час ленча, над лагерем собрались грозные тучи. Упали первые капли дождя, и тут вдруг к лагерю подъехал лендровер, в котором сидел со своими спутниками и инспектором председатель правления парка. Мы укрылись от ливня в моей палатке. Председатель сказал мне, как он доволен тем, что львята привлекут общее внимание к Серенгети, но предупредил, что в конце мая нам придется уехать, так как в июне начинается туристский сезон и могут возникнуть недоразумения, если мы останемся здесь и будем кормить львов. Для меня это было неожиданностью. Мы-то везли львят в Серенгети, надеясь, что сможем присматривать за ними, пока они не станут совсем самостоятельными. А ведь заранее не скажешь, когда настанет этот миг.

Я объяснила председателю, что мы с самого начала старались сделать так, чтобы львята выросли дикими, а

не ручными животными. Но пока они не могут сами прокормить себя, бросать их нельзя. Чтобы не было недоразумений, которых он опасался, можно перенести наш лагерь подальше от туристских маршрутов, и уж я обещаю не устраивать представления из кормежки львят. В конце мая им будет всего семнадцать месяцев. Обычно в этом возрасте львы еще не умеют по-настоящему охотиться.

В это время вернулся Джордж и поддержал меня. Но председатель стоял на своем. Он уехал, оставив нас в смятении.

Мы только что привезли львят, до сих пор они зависели от нас, было бы чудовищно бросить их на произвол судьбы.

Мы еще обсуждали этот вопрос, когда появились новые гости, в том числе Ли и Метти Толбот, американские ученые, занимающиеся экологическими исследованиями. Разговор с ними ободрил нас, мы, нашли много общих интересов и быстро подружились.

Когда мы приехали на ночное дежурство, львята уже ждали нас. Джордж основательно устал за день, поэтому он лег спать, а я охраняла львят. Джеспэ несколько раз подходил к машине, чтобы я его погладила. Он сделал это впервые после того, как львята покинули лагерь Эльсы. Несмотря на все, что произошло за это время, он — возможно по примеру матери — по-прежнему доверял нам и был как бы посредником между нами и другими двумя львятами. Конечно, если бы не Джеспэ, они бы не ладили с нами. Гупа был достаточно сильным и независимым, чтобы возглавить стаю, но в отличие от матери и брата он не был привязан к нам. Хотя именно Гупа ушел с Таны, вернулся на старое место и один провел там неделю, хотя он больше всех сопротивлялся, когда его поймали, и первым решился выйти на волю из большой клетки, хотя он забирал себе львиную долю мяса, — все же он в

минуту опасности бежал к Джеспэ за помощью и утешением, как прежде бежал к матери.

Джеспэ был моральной опорой брата и сестры, — видно, поэтому он и стал главой семьи, несмотря на то что был слабее Гупы. Совсем еще крошкой он защищал мать, а после ее смерти почувствовал себя ответственным за остальных львят. Джеспэ всегда шел впереди и разведывал путь. Если встречалась какая-нибудь опасность, он бросался в атаку. В последние дни, когда Эльса-маленькая убегала, Джеспэ догонял ее, успокаивал и приводил обратно.

Всю ночь львята ели свежее мясо и, набив животы, на рассвете ушли. Выглядели они отлично, если не считать нескольких ссадин да стрелы в бедре Джеспэ.

Две ночи подряд к нам приходила только семья темногривого и несколько гиен. Одна из них была особенно хитра. Она выжидала подальше от фар, пока не ослабеет наше внимание, и молнией бросалась к туше.

Львята не показывались, а так как мне нога еще не позволяла ходить далеко, Джордж один отправился искать их. Идя по следам, он пересек долину и уперся в крутой, каменистый склон, где было много укромных уголков. Должно быть, львята чувствовали себя спокойнее вдали от местных львов, пусть даже придется ходить за три километра обедать.

Как-то мы поехали посмотреть на эти скалы, которые были отличным убежищем для львов. Нагроможденные одна на другую глыбы образовали пещеры, расщелины, площадки, и все заросло кустарником, который, словно щупальцами, цеплялся за камни своими серебристыми корнями. Здесь было очень красиво. На синем небе резко выделялись канделябры серо-зеленой эвфорбии, красные цветки алоэ рубинами горели среди хаоса камней и зарослей. Живописные каменные острова вздымались над равниной, где

паслись газели Томсона, гну, топи, зебры, конгони, важно ходили страусы. Когда мы проезжали мимо, на нас мало кто оглядывался.

А вот и прайд львов. Они сонно посмотрели на нас и тут же опять задремали. Львы лежали кучей под сенью смоковницы, растущей, казалось, прямо из камня, и мы не сразу разглядели, что в прайде три львицы и пять львят. Два львенка не старше трех недель, остальные трое — ровесники нашим львьятам. Ростом они поменьше Джеспэ и Гупы, зато гривы у них длиннее. Юные львята были очень хороши собой. Величие и гордое достоинство льва сочеталось в них с любопытной, задорной мордочкой малыша.

Две львицы явно были мамашами; третья, видимо, «тетушкой». Двое младших неуклюже кувыркались через родительниц, чувствуя свою власть. Одному львенку никак не удавалось взобраться на свою мамашу, он обиженно замяукал, потом все же вскарабкался и тут же скатился на спину «тетушки». Отсюда было удобно ловить черную кисточку на конце ее хвоста. Хвост дернулся, львенок отпрянул, обнаружил уши «тетушки» и стал их жевать. Но такого безобразия даже самая добродушная «тетушка» не стерпит. Она тряхнула головой, львенок полетел кувырком, потом поспешно подполз к маме, нашел сосок и принялся сосать.

Вот если бы наши львята попали в такую счастливую семью! Но они, пожалуй, уже слишком велики, их никто не усыновит. Зато им в самый раз начинать самостоятельную жизнь. Ведь братья еще чересчур молоды, чтобы соперничать из-за львиц со здешними львами, так что в ближайшие месяцы серьезных стычек можно не бояться, а за это время они научатся добывать себе пищу. Их трое, получится хороший прайд, только вот Эльсе-маленькой трудно быть подругой двух львов.

Вечером львята пришли почти сразу же, как только мы начали дежурство. Они нервничали и, услышав вдали рыканье льва, моментально убежали. Вернулись они лишь около трех утра, быстро поели и снова скрылись.

На другой день повторилось то же самое. Эльса-маленькая так нервничала, что пускалась наутек, когда мы зажигали карманные фонарики.

Наутро Ибрахим привел новый «бедфорд». Я прочла на дверце надпись «Эльса Лимитед», и у меня защемило сердце...

Мы собирались использовать машину для «спасательной экспедиции». Как только можно будет оставить львят, нам хотелось на гонорар за книги об Эльсе наладить переброску животных, которым грозит гибель. Пусть им будет удобнее, чем детям Эльсы во время переезда в Серенгети.

Весь день лил дождь, и мы пораньше отправились на дежурство к туше. Джеспэ уже стоял на суку, под которым висел его ужин, брат и сестра следили за ним, укрывшись в траве. Мы опустили тушу. Они жадно бросились к ней и ели до утра, обглодав все до костей. Нам пора было снова отправляться на охоту за пределы Серенгети.

Недалеко от лагеря нам встретился темногривый лев и его две подруги. Мы привыкли считать, что львы предпочитают проводить медовый месяц уединенно, и очень удивились, когда темногривый принялся ухаживать за одной львицей на глазах у другой. Еще через полтора километра нам попался красавец с великолепной светлой гривой. Он грелся на солнце, лениво зевал и потягивался, совершенно равнодушный к нашим фотоаппаратам. Только я сменила пленку, как мы опять увидели влюбленных. Они лежали усталые, чуть ли не в обнимку, и на нас даже не взглянули.

После ночного дождя вся равнина сверкала и переливалась искрами на солнце, и, куда ни взглянешь, везде дерутся и преследуют друг друга животные. Нахальные маленькие томми (газели Томсона) вызывали на поединок даже лендровер. Станут поперек дороги и топают передними ногами, до последней секунды не отходя в сторону. Антилопы канны — ростом они крупнее быка — скакали так грациозно, будто совсем ничего не весили. Стайки мангуст, которые лежали на термитниках, греясь на солнышке, мигом скрывались в траве или в норках. Потешные конгони резвились среди стад топи, а те дергали головой и фыркали, точно сморкались. Несколько поджарых шакалов с серебристой спиной провожали взглядом из-за кочек хромую гиену, которая вышла на добычу.

Чем дальше, тем больше перелесков и пригорков. И все больше животных. У границ заповедника мы ехали словно через огромный скотный базар, какие устраиваются африканцами с Северной пограничной провинции. Километр за километром везде среди деревьев укрывались от солнца гну и зебры. А те животные, кому не досталось тени, бродили под жгучими лучами солнца. Кругом стоял сплошной гул.

Нам посчастливилось, мы попали в Серенгети как раз в ту пору, когда десятки, сотни тысяч животных собираются вместе для ежегодной миграции к озеру Виктория и заповеднику Мара. Это зрелище ни с чем не сравнимо. В 1958 году Бернгард Гржимек и его сын Михаэль провели подсчет мигрирующих животных с самолета. Теперь снова шла «перепись» (ее вели организации «Уилкен Эйр Сервис», «Уайлд Лайф Резерч Проджект США», «Фауна Резерч Юнит оф Кения Гейм Департамент», «Танганьика Нейшнл Паркз»). Мы услышали гул самолета и увидели, как он кружит низко над равниной. Много месяцев спустя я спросила о результатах подсчета. Цифры были поразительны. А

надо еще учесть, что они скорее всего занижены и что площадь Серенгети составляет лишь 14 000 квадратных километров.

Газели Томсона 500 000
Гну 221 699
Зебры 151 006
Буйволы 15 898
Топи 15 766
Канны 2 450
Конгони 1 379
Слоны 720
Носороги 29

Львов насчитали триста или четыреста, но их трудно высмотреть с воздуха, так что цифра эта очень приблизительная.

Когда мы вернулись с добычей к месту кормления львят, Джеспэ и Гупа занимались гимнастикой на акации, а Эльса-маленькая лежала на траве поблизости. Вдруг Гупа насторожился и, повернувшись в ее сторону, начал слезать. Когда ему осталось совсем немного, он прыгнул, упал, потом поднялся и, явно обескураженный, затрусил к сестре. Джеспэ оставался на своей ветке, пока я не показала ему миску с рыбьим жиром. Тогда он мигом спустился за лакомством и чуть не сбил меня с ног. Его ссадины почти зажили, шрамы покрылись нежным пушком, но рана выглядела скверно.

Перед этим мы советовались с нашим другом, экологом Ли Толботом, как быть с операцией. Толбот сказал, что не стоит давать львенку обезболивающее средство, лучше еще подождать — может быть, стрела сама выпадет.

Эльса-маленькая подошла к мясу, когда уже стемнело. Она заметно робела, и я всячески старалась ее успокоить. Потом мы принялись отгонять гиен и

чужих львов, но львята все равно ушли и уж больше не возвращались.

После завтрака мы поехали еще раз посмотреть на миграцию животных. Снова видели влюбленную львиную чету. Они лежали на открытом месте и, конечно, нас заметили, ведь мы остановились метрах в двадцати пяти от них, но наше вторжение было им безразлично, и лев принялся ухаживать за своей супругой. Он легонько укусил ее в голову, а она в ответ тихо заворчала. Минут через пятнадцать он опять подошел к ней, но тут львица шлепнула его лапой. Она отгоняла его три раза, потом все же подпустила. И снова он слегка укусил ее в лоб. Мы продолжали наблюдать за ними. Спустя двадцать минут сцена повторилась, лев укусил супругу в шею, и, наконец, оба улеглись спать. Тишина... Кругом безбрежная равнина, и кажется, что даже время остановилось. Мы завели моторы. Львица подняла голову и сонно взглянула на нас, лев не двинулся.

Нам говорили, что в Серенгети гораздо больше львиц, чем львов. Может быть, поэтому мы видели так много влюбленных пар. Лев почти всегда окружен гаремом, с которым он вполне справляется, так как львицы по два года всецело заняты своими львятами и в это время не подпускают к себе льва. Но здесь самцов было совсем мало, и многие из них выглядели довольно тощими. Возможно, что в пору гона, которая длится четыре или пять дней, чета ничего не ест и почти не пьет. Преобладание тут львиц объясняют тем, что львы Серенгети славятся своими красивыми гривами, и стоит им выйти из заповедника, как они становятся жертвой охотников. В районе Икома за один лишь год (1959-1960) убили восемьдесят восемь львов. Поэтому на следующий год Департамент по охране диких животных Танганьики выдал только шесть лицензий на

отстрел. Понятно, что на этот район власть правления Национального парка не распространяется.

Вскоре после нашего возвращения в лагерь к нам в гости приехал директор заповедника. Он сказал, что мы должны уплатить сто фунтов за разрешение фотографировать в Серенгети животных для коммерческих целей. Пусть даже деньги пойдут на охрану дичи, все равно мы должны соблюдать правила Национального парка. Он просил нас также передать на кордон в Серонере две крупные фотографии со львятами, чтобы их можно было использовать для рекламы парка.

Три ночи мы не видели львят, зато в это время очень активны были другие голодные хищники. Один леопард влез на акацию, пытаясь добраться до мяса. Туша привлекла также гиену и нескольких львов. Поблизости все время держался темногривый со своей семьей, явно не желая уступать участок нашим львятам.

Стало очевидно, что нужно искать другое место для кормежки. Но сперва надо найти самих львят. Мы знали о повадках львов из наблюдений в Северной пограничной провинции Кении. В Мерти два льва-людоеда хозяйничали на территории протяженностью в восемьдесят километров и не пускали туда никаких соперников. Свирепая львица, которая навевалась в лагерь Эльсы, обходила до пятидесяти километров. Правда, там же охотились и другие львы, но они соблюдали очередность, так что всем хватало дичи. Во всяком случае, львы Северной провинции были постоянны в своих привычках. Здесь же столько львов и так много всяких животных, что разобраться в территориальных притязаниях было трудновато.

Нам рассказывали, что, когда стада мигрируют, многие львы просто идут следом, им легче убивать отставших, чем охотиться по-настоящему. Так или иначе, надо выяснить, какие места облюбованы

наиболее оседлыми львами, и перевести наших львят в свободный район.

Несколько дней мы искали львят, но в высокой траве на сухой почве следов не разобрать. А тут еще львов такое количество, что вообще трудно было бы выделить отпечатки лап нашей тройки.

В одном месте антилопа импала пристально смотрела на куст, за которым притаились три львенка. Но это были не наши... Вдруг мы заметили, что львица подкрадывается к антилопе, ее спасло только наше вмешательство. Здесь было множество птиц, кружащие в воздухе грифы часто наводили нас на падаль. Впрочем, мы предпочитали любоваться стаями зелено-оранжевых попугайчиков.

В жизни нам не встречалось столько львов! Не успели мы пройти мимо прайда из пяти львов, которые сидели на скале, как увидели еще семерых на бугорке. Они внимательно посмотрели на нас, но даже не пошевелились, хотя мы прошли в четырех метрах от них. Дальше нам попался еще один прайд: львица, два малыша, два подростка и два великолепных самца. В стороне на пригорке два темногривых льва подкрадывались к топи. Но, разморенные жарой, львы двигались вяло, и антилопа спаслась бегством.

Мы удивлялись, то и дело встречая здесь по два, по три взрослых льва в одной компании. Потом нам сказали, что в Серенгети самцы всегда по многу лет ходят вместе. Да, совсем другие повадки, чем в Северной провинции Кении!

Мы спустились к маленькому озеру полюбоваться фламинго, которые выстроились вдоль берега. На мелководье добывал себе пропитание аист ябиру, а поблизости спал варан, на редкость крупный, больше метра в длину. Откуда-то появился шакал и стал подбираться к варану. Говорят, будто шакалы поедают гадюк, а у озера Рудольф львы убивают крокодилов, но

ни я, ни Джордж еще не видели, чтобы хищник убил и съел рептилию. Казалось, варан не замечает опасности. Но только шакал подобрался поближе, как рептилия угрожающе взмахнула хвостом. Охотник подпрыгнул высоко в воздух и отпрянул. Варан снова уснул, однако шакал не думал сдаваться, он напал еще раз, теперь уже спереди. Громкое шипение заставило его убежать в траву, здесь на его пути вдруг встала львица с двумя львятами, и он чуть не упал от испуга. Львица спустилась к воде и стала пить. Варан, оказавшийся совсем рядом, быстро юркнул в сторону. Только аист как ни в чем не бывало прилежно стучал клювом, его не занимали ни львы, ни шкалы, ни вараны.

Львята не показывались уже шесть дней. Мы стали тревожиться. Ведь им надо было осваиваться постепенно, а они неожиданно исчезли. Что-то здесь не так... Может быть, львята, как обычные кошки, привязываются к дому, и теперь они отправились к лагерю Эльсы? По прямой — это около шестисот пятидесяти километров, по дороге — почти тысяча. Нет, по дороге они вряд ли пойдут. Но мы решили все-таки проверить и проехали на машине километров пятьдесят до горы, где первый раз встречались с инспектором. Львят мы там не нашли, зато видели огромные стада мигрирующих животных. На пять километров протянулась колонна газелей Томсона — идут, будто притянутые магнитом! Здесь легко охотиться, но все же маловероятно, чтобы львята пошли сюда, они привыкли к бушу, а тут негде укрыться. На всякий случай мы внимательно проверили все камни и кусты на склонах и только потом возвратились в лагерь.

На следующее утро мы разложили на столе карту и соединили прямой чертой Серенгети и лагерь Эльсы. За пределами Национального парка черта вступала в область масаи, а люди этого племени — знаменитые истребители львов. Прежде обычай требовал, чтобы

каждый молодой воин подтвердил свое право называться мужчиной, убив копьем льва. Грива становилась головным убором, который носили в особых случаях как знак отваги. Теперь запрещено охотиться на львов с копьем, но запрет нарушают, и мы опасались, что в этом районе нам вряд ли что-нибудь скажут о наших львятах. Правда, туда можно послать Македде, он хотя и туркан, но умеет объясняться с масаи. Пусть погостит там, может, невзначай в каком-нибудь разговоре и услышит про львят. И если они нападают на скот, он попробует спасти их от казни.

Мы поехали к границе заповедника, а по пути остановились в Серонере и зашли к директору. Он сказал, что огорчен нашими осложнениями, и напомнил, что в конце месяца мы должны покинуть Серенгети независимо от обстоятельств.

Оставалось десять дней...

Здесь было много всяких укромных местечек, но и львов было вдоволь. Под одним деревом мы насчитали пятнадцать штук! Два самца с великолепными гривами стояли на страже, охраняя семейство из пяти львиц и восьми сосунков. Львята переходили от одной львицы к другой, и мамы не делали различия между ними.

До границы Серенгети мы добрались уже под вечер, и нам не удалось найти масайской бомы, где можно было бы оставить Македде. Пришлось ехать обратно. Я решила утром отвезти Македде к масаи, а Джордж продолжит поиски львят в долине около лагеря.

Я приготовила все с вечера, чтобы утром выехать без задержки. Затем на всякий случай отправилась к тому месту, где мы кормили львят, а Джордж сразу же уехал на поиски. Утром он вернулся, радостно улыбаясь. Он нашел львят, вернее, они нашли его.

Проехав вниз по долине около десяти километров, Джордж остановил машину на открытом месте, чтобы далеко был виден свет фар, и стал мигать

прожектором, вращая его во все стороны. Около девяти вечера появились львята. Они выглядели здоровыми, есть не хотели, зато братья выпили всю воду, которую мог выделить им Джордж, так что Эльсе-маленькой ничего не досталось. Все трое вели себя дружелюбно, Джеспэ даже попробовал забраться в машину. Львята провели там всю ночь. Несвежее мясо, которое привез Джордж, они почти не тронули, зато всласть повеселились, гоняясь за гиенами. На рассвете львята ушли в урочище по соседству, а Джордж поспешил в лагерь, чтобы порадовать меня добрыми вестями и предупредить, что никуда не надо ехать.

Видимо, свирепая львица в лагере Эльсы так их напугала, что они и на новом месте боялись чужих львов. Поэтому и нашли себе уединенный уголок, где можно было бы обосноваться.

Мы решили не переносить лагерь, а каждый вечер приезжать в долину львят и ночевать там в своих машинах. Их урочище было у самого подножия крутой гряды, выше «пояса цеце». Оно протянулось километра на два с половиной, попасть в него можно было по двум лощинкам. Одна из них — длиной с километр и шириной метра полтора — была отличным укрытием. Ее отвесные стенки поднимались на три метра в высоту, а сверху ее закрывал кустарник почти непроницаемым сводом. Словом, отличное место, прохладное даже в самые жаркие часы. Отсюда львята могли издалека услышать приближение врага и в случае опасности отступить в урочище и вскарабкаться по скалам на склон.

С гребня открывался великолепный вид на леса и кущи, простершиеся до самой реки, на долины и на холмы вдали. Русло было обозначено теряющейся во мгле извилистой лентой зеленых зарослей. Да, львята нашли себе место получше того, которое мы для них присмотрели...

Близился вечер, когда мы подъехали к урочищу. Остановились под высоким деревом между рекой и крутым склоном и подвесили на суку мясо. Вскоре из урочища вышел один львенок, но тотчас спрятался в высокой траве. Когда стемнело, все трое вместе подошли к тазику с водой. Они никак не могли напиться, пришлось подливать им несколько раз. Львята выглядели здоровыми, но стрела у Джеспэ торчала по-прежнему. Он с удовольствием вылакал рыбий жир из миски, которую я держала в руке, однако стрелу трогать не позволил.

Утолив жажду, львята скрылись в темноте и ужинать пришли только после того, как Джордж погасил фары. Верные привычному для них ночному образу жизни, они появлялись вечером, а на рассвете уходили.

Глава пятнадцатая. УРОЧИЩЕ

Мы тотчас дали знать в Серонеру, что льята нашлись. В тот же день мы встретились с директором, а на следующий день он приехал в лагерь обсудить дальнейшие дела. Он посоветовал предоставить льят самим себе. Мы возразили, что они еще не могут жить самостоятельно, к тому же нас беспокоит рана Джеспэ. И директор разрешил нам остаться до конца мая.

Вечером, как только стемнело, из урочища вышли Гупа и Джеспэ, но Эльса-маленькая не показывалась. Гупа жадно набросился на мясо, а Джеспэ вернулся к сестре и вместе с нею стал ждать, пока Джордж не выключит фары.

Днем мы опять поехали смотреть, как мигрируют обитатели Серенгети. Это было поразительное зрелище. Стада собираются несколько недель. За это время они так вытаптывают равнину, что от метровой травы почти ничего не остается. Сама миграция длится всего лишь несколько дней, и нужно видеть ее, чтобы представить себе этот неудержимый исход. Что за таинственные силы побуждают переселяться, словно по команде, не таких уж подвижных животных? Неужели только потребность в лучших пастбищах? Конечно, это важно. Наука показала, как сильно некоторые животные зависят от определенных видов трав, как они ради них готовы оставить привычные районы, но разве лишь в этом причина огромных одновременных переселений? Наверное, тут какой-то атавизм, унаследованный с древних времен.

Иначе как объяснить, скажем, переселения леммингов, роковые для этих грызунов? Они идут только ночами, когда им трудно найти травы и мхи,

которыми они питаются, а достигнув моря, бросаются в него и тонут^[1].

С изумлением смотрели мы на проходящие мимо десятитысячные стада. Порой казалось, что сама земля пришла в движение. Гну перемещались группами по десяти, по сто голов или выступали гуськом по вытоптаным тропам. Зебры старались держаться поближе к воде. Эти два вида преобладали, но мы видели также множество газелей Томсона, стада газелей Гранта, конгони и топи, а в одном месте насчитали около двухсот антилоп канн. Кругом рыскали голодные гиены и шакалы, которые только и ждали случая броситься на оставшего. Куда ни погляди, вся равнина занята животными, и их просто не счесть.

В часы прохлады животные были полны энергии. Забавное зрелище представляли собой косматые гну. Быки подгоняли оставших коров и сражались с соперниками, а коровы трясли головами и брыкались, отгоняя самых назойливых преследователей. Целые армии маршировали мимо, поднимая облака пыли, так что приходилось тщательно прикрывать фотоаппараты, поэтому мы ничего не снимали. Вот галопом промчалось несколько сот зебр, и вдруг сквозь завесу пыли я увидела, как лев атаковал последнюю зебру в табуне. Он не рассчитал прыжка, и секундой позже так же неудачно прыгнул другой лев.

Когда облако развеялось, мы увидели обоих львов, они сидели под деревом. Один был старый, тощий. Должно быть, он всецело зависел от своего сильного и здорового товарища.

Заросли кроталярии золотой лентой отмечали берега реки. Над этим желтым морем виднелись спины пяти слонов.

Вечером мы вернулись к урочищу. Львята казались очень усталыми. Джеспэ был особенно вялым, он улегся

возле моей машины. Несколько раз к нему подходила Эльса-маленькая, он облизывал ее. А когда она остановилась поодаль, он подошел к ней и обнял. Гупа в это время ел мясо, но Джеспэ дождался, пока осмелеет Эльса-маленькая, и только после этого потребовал у нас рыбьего жира. Всю ночь Джеспэ спал рядом с машиной.

Утром мы решили обследовать протянувшуюся на пятьдесят с лишним километров долину, с которой смыкалось урочище львят. Сперва ехали вдоль автомобильной колеи, но она вскоре пропала, и дальше надо было пробиваться сквозь высокую, в рост человека, траву и заросли колючей акации. Ее ветки были покрыты двойными шипами длиной до пяти сантиметров, и на них висели темно-коричневые «орешки» величиной с мячик. Эти мячики сделали муравьи, они яростно защищали свою обитель, когда мы нечаянно их задели. Если жизнеспособность растений Африки зависит от числа колючек на них, эта акация всех переживет. И ее очень любят мухи цеце, так что нам тут пришлось совсем не сладко. Чем дальше мы уезжали, тем сильнее докучали нам мухи.

Естественно, животные тут попадались редко. Только носорогам по душе такие колючие дебри. Мы невольно завидовали их толстой шкуре.

Долина переходила в открытую равнину, где мы увидели одинокую пальму *Borassus*. Обычно эти пальмы растут у воды. Тут бродило стадо топи, не меньше трех тысяч голов. Такого количества мы еще никогда не видели. Потом нам рассказали, что на этой равнине, которую топи почему-то особенно любят, их собирается до пяти тысяч.

За пять часов мы проехали всего шестьдесят километров и предпочли вернуться круглым путем, около ста километров, только бы не встречаться опять с мухами цеце, муравьями и колючками. На обширной

равнине мы снова увидели огромные стада. Кое-где, словно часовые, стояли жирафы, высматривая львов.

К урочищу мы добрались вечером и с радостью увидели, что львята уже ждут нас. Хорошо, если они начинают отвыкать от ночной жизни и берут пример со львов Серенгети, которые ничего не боятся и днем ходят в открытую. Когда мы убедимся, что наши львята сумели освоиться с новыми условиями, можно будет увереннее перевозить и других львов, которым грозит истребление.

Ночь выдалась холодная, в десять часов вечера львята ушли.

Днем мы поехали за свежей добычей. По пути нам встретилась львица, которая раздирала только что убитую антилопу гну, всего в сотне метров от стада. Хищница совершенно не обратила на нас внимания. Возвращаясь через несколько часов, мы увидели, что она оттащила остатки туши к реке и спит в тени, задрав кверху лапы, а гну преспокойно пасутся поодаль.

В лагере нас ждало письмо директора. В нем подтверждалось, что мы должны уехать из Серенгети 31 мая и что больше нам не разрешается привозить мясо для львят.

Мы отправились к урочищу. У Джеспэ пропал аппетит, он был апатичен и к мясу не прикоснулся. Возможно, тут была виновата рана, хотя она и казалась чистой на вид. А может быть, его заразили мухи цеце или клещи, так же как и Эльсу, когда мы выпустили ее в первый раз в области, схожей с Серенгети. Это нас встревожило.

На следующий день мы пошли вдоль урочища, пытаясь в бинокль увидеть Джеспэ. Когда мы наконец разыскали львят, они нас заметили и бросились к скалам. Я попробовала звать их, но это было бесполезно.

Между лагерем и урочищем простерлась самая красивая часть долины. Река петляла здесь среди низких лесистых холмов, где постоянно обитали антилопы импала, водяные и болотные козлы. В этот день покой долины нарушало ржание зебр. Их нескончаемые табуны мчались мимо нас, точно гонимые неведомой силой. Иногда вожаки на миг останавливались, как бы для того, чтобы осмотреться, и тут же с удвоенной скоростью скакали дальше. В одном месте к реке вплотную подступал крутой косогор. Здесь зебры протискивались сплошной массой. Я вспоминала рассказ инспектора о том, как пять тысяч гну скопились у водопоя. Пробиваясь к воде, они буквально топтали друг друга. Когда стадо ушло, он насчитал девятнадцать раздавленных животных.

Зебры, за которыми мы наблюдали, составляли лишь отдельный отряд большой армии в двадцать пять тысяч голов. По пути домой мы поднялись на пригорок между долиной и урочищем львят и увидели стремительно движущееся полосатое море зебр, по краям которого черными островками выделялось около двухсот буйволов.

Пробираясь между темными скалами, я подумала, что плита из такого камня, да к тому же отсюда, из новой обители львят, очень подойдет для могильника Эльсы. Я проверила твердость плиты кусочком кварца, он с трудом царапал ее. Впоследствии каменотес, которому мы поручили выбить на плите имя Эльсы, сказал нам, что испортил пять зубил и никогда больше не возьмется высекать что-нибудь на таком камне.

Когда стемнело, появились львята. Они еще не совсем отвыкли от ночных повадок. Джеспэ отведал рыбьего жира и ушел за машину. После еды брат и сестра пытались затеять с ним игру, но он не поднимался с места, только лизнул их.

На рассвете Гупа и Эльса-маленькая позавтракали, потом стали тормошить Джеспэ, пытаясь увести его в урочище. Наконец он медленно встал и побрел за ними. Я окликнула его, он повернулся и подошел ко мне. Я стала уговаривать его поест теми же словами, какими раньше уговаривала Эльсу. Он послушался и впервые за три дня притронулся к мясу.

Гупа и Эльса-маленькая все время звали брата. Он поднимал голову, но снова принимался есть, а я понукала его:

— Ну, Джеспэ, ньяма (мясо), ньяма, поешь еще немного!

В конце концов Гупа вернулся, подтолкнул Джеспэ сзади и увел его.

В тот день мы видели птицу-секретаря, она яростно клевала что-то, но вместе с тем явно остерегалась своего врага. Было очень потешно смотреть, как пляшут эти длинные, тонкие ноги, как трясутся перья на голове. Секретарь расправил мощные крылья и продолжал клевать и прыгать, пока в воздухе не мелькнула убитая змея.

На болоте ходили два нарядных венценосных журавля. Видно, они обитали здесь постоянно, потому что мы и потом их тут встречали. К журавлям присоединился аист, очень крупный и красивый, с роскошным черно-белым оперением, ярко-красным клювом с поперечной черной полосой.

У меня еще оставалось немного террамицина, и я решила вечером начать лечить Джеспэ. Хорошо, что он один привык лакать рыбий жир у меня из рук, иначе почти все досталось бы Гупе.

Мясо было уже несвежим, и львята недовольно морщились, нюхая его. Неверно говорят, будто львы нарочно дают мясу полежать, пока оно не протухнет. Другое дело, что голодный зверь сожрет все что угодно.

Хоть бы львята поскорее научились сами добывать себе пищу! Словно прочитав мои мысли, Эльса-маленькая решительно зашагала куда-то с таким видом, будто и впрямь собралась на охоту. Гупа пошел за нею, один Джеспэ остался на месте. Время от времени он поднимал голову, а когда наконец брат и сестра вернулись, он даже не поиграл с ними, было видно, что ему сильно нездоровится.

Покинуть его в таком состоянии мы не могли. И Ибрахим повез в Серонеру письмо инспектору. Мы просили продлить на несколько дней наше пребывание в заповеднике. Но чем же кормить Джеспэ? Времени оставалось мало, и Джордж на свой риск отъехал от парка километров на шестьдесят и застрелил антилопу. Мы знали, что нарушаем запрет, но неужели нам не простят этого грех? Поблизости от границы мы заметили летевший очень низко самолет. Должно быть, продолжают подсчет мигрирующих животных, решили мы. А когда вернулись в лагерь, там уже был инспектор. Оказалось, что он сидел в самолете и разглядел добычу Джорджа. Почему не послушались? Мы попросили извинить нас, рассказали в чем дело, объяснили, что нам надо еще побыть около львят. Инспектор ответил, что это от него не зависит, лучше обратиться в Арушу, к директору Национального парка. Надо было или трястись четыреста километров на машине, или нанять самолет. Времени было в обрез, и мы решили, что я полечу в Арушу, а Джордж останется присматривать за львятами. Инспектор любезно предложил связаться по радио с Найроби и заказать для меня самолет. Вылет назначили на утро. Ночь мы, как обычно, провели около львят.

Когда я уезжала рано утром, Джеспэ был все такой же апатичный. Ибрахим отвез меня в Серонеру, куда должен был прилететь самолет. И тут я обнаружила, что забыла в лагере платье, которое хотела надеть.

Возвращаться было некогда, и я с тоской думала, что придется лететь в грязном походном костюме. Инспектор выручил меня, он дал мне рубашку и шорты.

Мы летели над равниной Серенгети, исчерченной реками и зарослями, в которых прятались отставшие «переселенцы». пышная зелень сменилась голым красноземом, потом мы увидели горные гряды, глубокие ущелья, острые скалы. Посреди этой каменной пустыни поблескивало на солнце почти высохшее озеро Натрон. Сверкали пласты соли, между которыми бродили фламинго, образуя причудливые узоры.

Над этим мрачным озером, словно сахарная голова, торчит вулкан Д'нгаи (масаи называют его Гора Бога). На наше счастье, облака не заслоняли двойного кратера, и мы хорошо видели плывущие кверху серные пары. Дальше нам еще попались огромные кратеры, в одном из которых было озеро. Летчик нарочно свернул туда, и я была ему очень благодарна. Редко доводится видеть такую красоту. отвесные стены образовали правильный круг с изумрудной водой, обрамленный сотнями фламинго. Затем показался лесистый гребень последнего на нашем пути потухшего вулкана Мондул, и вот уже мы кружим над фермами в окрестностях Аруши. Аккуратные кофейные плантации окружали игрушечные постройки, розово-лиловыми шеренгами выстроились вдоль дороги цветущие жакаранды.

Директор пригласил меня на ленч. Он был недоволен, что Джордж охотился, несмотря на запрет. Я попросила извинить нас, объяснила, что и как. Так, может быть, лучше поймать львят и перевезти их в какой-нибудь из двух обычных заповедников Танганьики, где правила не такие строгие, как в Национальном парке? Там мы сможем остаться со львятами, если они больны. Но мне не хотелось снова перевозить их, а когда мы посмотрели на карту, я убедилась, что там были и другие минусы: оба

заповедника сравнительно небольшие, львята могут выйти за их пределы и попасть в густонаселенный район. Наконец директор согласился дать нам еще неделю до 8 июня и разрешил в этот срок убить для львят три антилопы за пределами Серенгети. Во избежание недоразумений, он подтвердит свое разрешение письменно. После 8 июня мы сами решим, перевозить львят или положиться на природу. Директор предложил также устроить нам встречу с председателем правления, если понадобится помощь, которой сам директор не может предоставить.

Когда я возвратилась в лагерь, лил сильный дождь. Чувствовала я себя скверно, но все-таки поехала к урочищу. Львята в эту ночь не пришли, мы слышали только ржание зебр. Утром у меня была высокая температура. Несмотря на это, мы все же отправились искать львят, но не нашли их.

Вечером вернулись к урочищу. Только Джордж стал подвешивать мясо на сук, как из дупла по соседству донесся пронзительный крик. Джордж заглянул в щель и увидел птенца птицы-носорога. Гнездо было всего в полуметре от земли, птенец легко мог стать добычей змеи или какого-нибудь мелкого хищника.

Когда стемнело, явились львята и потребовали рыбий жир. За последнее время они так к нему прирастались, что нам пришлось ввести норму, чтобы не перекормить их.

Я протянула Джеспэ миску, в ней лежало мясо с тетрациклином. Он поднял было лапу, хотел пригнуть мою руку пониже, но передумал и, не опуская лапы, съел угощение. Видимо, почуял, как я испугалась его острых когтей.

Издали донеслось рыканье льва, и львята ушли в ту сторону.

А у нас начался спор с гиенами, которые добивались до мяса. Они отступили только тогда, когда снова

появились львята. Быстро поев, все трое удалились в урочище. И опять гиены были тут как тут. Пришлось подвесить мясо повыше.

На следующий вечер снова голос льва прервал обед. Львята ушли, не успев как следует поесть. На третий день Гупа и Эльса-маленькая жадно набросились на мясо, Джеспэ к еде не прикоснулся. Правда, он выглядел лучше, наверное, благодаря тетрациклину, но до полного выздоровления было еще далеко. Тогда мы решили воспользоваться советом директора и поговорить с председателем правления, чтобы просить еще отсрочку. Джордж остался присматривать за львятами, а я отправилась за двести километров на ферму председателя.

Он считал, что львятам пора познать радости и трудности самостоятельной жизни. Что ж, и мы готовы уважать принципы национальных парков, не вмешиваться в естественный ход вещей, но я знала много случаев, когда сотрудники национальных парков Восточной Африки в трудную пору помогали больным или голодающим львам.

Разве это не вмешательство? Джеспэ потому и был ранен, что с самого начала львята жили в искусственных условиях. Мы просто обязаны сделать все для его исцеления. Возможно, понадобится операция. И вообще Джеспэ нуждался в помощи, он был очень слаб.

Я сказала, что мы очень благодарны правлению, но ведь важно, чтобы переезд львят увенчался полным успехом. А на успех трудно надеяться, если мы бросим львят прежде, чем они станут хорошими охотниками. Мои доводы не убедили председателя, срока он нам не продлил.

На обратном пути мне пришлось устроить привал на ночь. И тут, когда я легла спать, меня вдруг осенило: никто не может запретить мне остаться в Серенгети

туристкой, лишь бы я соблюдала все правила. Джордж поневоле должен вернуться в Исиоло и ждать, пока ему подберут преемника, но я могу быть здесь и каждый день приезжать в урочище. Жить мне придется в каком-нибудь из кемпингов вблизи Серонеры — это означало ежедневное путешествие в восемьдесят километров. Ездить ночью мне не позволят, и я не смогу кормить львят, но зато буду знать, как они живут. А лучшего решения пока не видно.

5 июня. Остается три дня. Я отправилась в Серонеру, чтобы, не откладывая, заказать себе место в кемпинге. Обычно это оформляется рядовым служащим конторы в Аруше. И я немало удивилась, услышав, что мое заявление должно утверждаться директором и председателем правления. С тем я и уехала в наш лагерь.

Последние дни надо было использовать предельно, и мы тотчас поспешили к урочищу. Львята пришли только вечером. Поджидая их, мы наблюдали за антилопой импала, которую встречали здесь всякий раз. Почему-то она не хотела примкнуть к своим сородичам. Наши львята ее не пугали, да они и не пытались охотиться на нее. Нас очень удивили эти мирные отношения, которые длились все время, пока мы жили в Серенгети.

Джеспэ получил свое лекарство, Гупа набросился на мясо, а Эльса-маленькая сразу ушла, привлеченная голосами зебр.

Меня всегда поражало, что такие беззащитные животные, как зебры, после наступления темноты выдают себя хищникам ржанием, точно им неведома осторожность... Потом и братья отправились следом за сестрой. Гулкий топот возвестил, что зебры обратились в бегство. Эльса-маленькая вернулась очень голодной, она стукнула Джеспэ, когда тот подошел к мясу. Он кротко отступил, подождал, пока не наелась сестра, и

стал обглаживать остатки. Джеспэ был такой же добрый и уступчивый, как его мать.

Утром, когда я возвратилась в лагерь, из леса к реке вдруг выскочило около полусотни буйволов. Они пересекли дорогу перед самой моей машиной. Последний буйвол даже раз-другой обошел вокруг машины. Я старалась твердо держать в руках фотоаппарат... Тут подъехал на своем лендровере Джордж, и буйвол затрусил вдогонку за стадом.

После завтрака Джордж в последний раз отправился за добычей для львят.

Вечером мы повезли ее к урочищу и едва не наскочили на буйвола, который с упоением чесался о колючки. Не обращая на нас никакого внимания, он и так и эдак терся головой о ветки, очевидно сгоняя паразитов. Пришлось помешать ему, ведь нам надо было добраться дотемна. Мы стали кричать на него, пока, наконец, он поднял свою тяжелую голову, принялся и с великой неохотой пошел прочь, поминутно оглядываясь на нас.

Не успели мы вынуть антилопу из машины, как львята набросились на нее. Грустно было думать о голодной поре, которая предстояла им, прежде чем они станут умелыми охотниками. Гупа и Эльса-маленькая по крайней мере выглядели здоровыми, но за Джеспэ я волновалась.

Пошел дождь, и львята укрылись в урочище. Джордж подтянул мясо повыше, но тут они прибежали обратно и повисли на туше. Как бы не лопнула веревка! Джордж спустил антилопу на землю. Все трое бросились на нее и принялись душить, словно она была живая. Хороший признак: первый прием уже знают.

7 июня я поехала в Серонеру узнать, разрешат ли мне остаться туристкой. По дороге я едва не врезалась в львицу, которая вдруг вышла из-за кустов. Она уверенно пересекла мне путь, ее догоняли два

маленьких львенка. Мать ласково лизнула их и что-то тихо промяукала, совсем как Эльса. Потом все трое скрылись в высокой траве.

В Серонере мне сообщили, что я могу остаться, если буду соблюдать порядок, установленный для обычных посетителей. У меня вдруг стало легче на душе... На обратном пути я остановилась, увидев стаю из шести гиеновых собак. В Северной пограничной провинции Кении эти животные очень осторожны, только по отсутствию мелкой дичи можно определить, где они водятся. До сих пор я никогда не видела гиеновых собак на воле и не представляла себе, что они так красивы. Их название сбивает с толку потому, что даже длинноногие собаки не бывают так стройны и ни у одной собаки нет таких больших круглых ушей. К тому же у гиеновой собаки по четыре пальца на лапах, она представляет отдельный род. Окраска разная, у каждой у собаки свой особый узор из черных, белых и светло-коричневых пятен. Зато у всех одинаково роскошный пушистый хвост, чаще всего с белым кончиком. Из всех хищников гиеновые собаки, наверное, самые безжалостные и жестокие. Они по очереди преследуют жертву, пока она не упадет от изнеможения. Тогда они рвут ее на куски. Но эти шестеро мирно лежали под деревом, разглядывая меня, и показались мне едва ли не самыми красивыми из всех диких животных. Видимо, они были сыты, потому что совсем рядом паслись антилопы, и обе стороны не обращали друг на друга внимания. У нас в Северной провинции это было бы немыслимо. Там, в полупустыне, дичи намного меньше и борьба за существование куда более жестокая, чем в Серенгети, где вдоволь пищи и дичь охраняется от людей. У здешних гиеновых собак, как и у львов, иные повадки.

Ближе к лагерю я опять встретила темногривого. С ним была его супруга и еще одна львица с двумя

львятами чуть постарше месяца. Та самая, которую я видела утром. Они-то, скорее всего, и прогнали наших львят с первого места несколько недель назад.

Малыши играли и карабкались на льва, но его взгляд был прикован к их матери, которая, прижимаясь к земле, подкрадывалась к зебрам. До стада оставалось всего двадцать метров, а зебры ничуть не тревожились. Вдруг между ними и львицей появилась газель Томсона и начала важно ходить взад и вперед, явно подзадоривая хищницу. Сейчас газель поплатится за свою дерзость!.. Но я ошиблась. Зебры не спеша ушли, а газель за ними. Темногривый наблюдал все это, негромко ворча, потом вернулся за термитник к львям и началась веселая игра. Это было так мило, что я съездила в лагерь за Джорджем, и вместе мы несколько часов любовались львиным семейством. Но вот в небе появились грозовые тучи, и мы поспешили домой.

Только поставили машины возле урочища, как хлынул проливной дождь. Мы сидели в машинах, дрожа от холода. Джордж вскипятил на примусе сгущенного молока. Ливень затянулся надолго, он заглушал наши голоса, так что звать львят было бесполезно.

Последняя ночь. Последний раз мы ночуем в заповеднике. Неужели нам больше не придется увидеть львят? Ведь они приходят только ночью. Рассвело, защебетали птицы, и мне стало совсем грустно...

Стая скворцов облепила тушу, привезенную для львят. Когда Джордж стал спускать ее на землю, скворцы налетели на него. Мы раздробили самые крупные кости и извлекли мозг — любимое лакомство львят. Мясо оттащили в урочище и накрыли ветками, чтобы не сожрали гиены. Потом отправились на поиски. Прошли вдоль всего урочища, зовя львят, но они не показывались.

Пока укладывали вещи, я рассматривала в бинокль окрестности. Высоко в небе парили два орла. Я уже

несколько дней видела, как они плывут в воздухе, совсем не шевеля крыльями. Очевидно, они обитали где-то над урочищем.

Джордж уже завел свою машину, когда я заметила на склоне желтое пятно. Это была голова Джеспэ. Я окликнула его, и тотчас выглянули Гупа и Эльса-маленькая. Нельзя было уезжать не простившись. Джордж выключил мотор, и мы полезли вверх по склону.

Гупа и Эльса-маленькая мигом убежали в урочище, но Джеспэ остался сидеть на месте. Мы сфотографировали его. А затем и он медленно, озираясь на нас, пошел за братом и сестрой. Увидим ли мы когда-нибудь своих львят?

Глава шестнадцатая. ТУРИСТ В СЕРЕНГЕТИ

Сборы заняли не один час, в Серонеру мы попали только под вечер. Джордж должен был до темноты покинуть заповедник, поэтому он сразу же поехал дальше вместе с Ибрахимом, Македде и нашим поваром. Нуру и Тото остались со мной.

Аруша, хотя и служит административным центром Серенгети, находится за пределами парка. А Серонера, как я уже говорила, главный пункт в самом заповеднике. Здесь живут три инспектора со своими семьями и есть гостиница для туристов. Желающим можно разбить лагерь на расстоянии двух километров от Серонеры. Я предпочла остановиться именно там, чтобы любоваться рассветом из своей палатки.

Проводив Джорджа, мы стали разбивать лагерь. Тут оказалось, что колья от большой палатки уехали в Исиоло. Оставались палатки боев и моя, которая была слишком мала, чтобы вместить все снаряжение.

Мы принялись сооружать навесы для нашего имущества. Вдруг хлынул ливень и почти все промочил. Ночью вокруг лагеря бродили гиены, а вплотную к моей палатке подошел лев, я даже слышала его дыхание. К счастью, бои спали в грузовике, за них можно было не беспокоиться.

Утром мы окончательно устроились на новом месте. Я выбрала для лагеря небольшой холмик, здесь даже в сильный дождь не застаивалась вода. И вид отсюда был чудесный. В двух километрах Серонера, а за аккуратными домиками поселка простерлась лесистая равнина. На востоке она упиралась в вулкан

Нгоронгоро, на западе — в горы близ границы с Угандой.

По обе стороны нашего холмика протекали два ручья; правда, сейчас воды в них было совсем мало. Чуть подалее возвышались каменистые гряды с зарослями, которые очень подходили для львиных логовищ. До ближайшей от нас гряды было метров триста.

Днем я поехала в Серонеру, чтобы уладить все формальности. Здесь мне сказали, что я должна сдать на хранение огнестрельное оружие, таково правило для всех посетителей Национального парка.

Я спросила инспектора, как быть, если ночью меня навеснят львы.

Он рассмеялся:

— Покричите погромче, чтобы ушли!

Что ж, когда я уезжала из Серенгети, я и впрямь могла хоть кого научить криком отгонять львов...

В управлении в Аруше мне обещали пересылать в Серонеру мою почту и продовольствие и разрешили нанять одного из местных шоферов, пока мы найдем замену Ибрахиму. Правда, я сама с восемнадцати лет вожу машину, но в технике разбираюсь плохо, ремонтировать не умею. Еще застряну где-нибудь, когда буду искать львят.

На следующий день мы с Нуру рано утром выехали на поиски. До урочища было сорок километров, дорога скверная. Мы добрались туда к девяти часам. Львята лежали под деревом. Это в первый раз они отважились выйти днем из укрытия. Может быть, они нас ждали? Львята никогда не разыскивали нас, они только поджидали, когда мы к ним придем. И Эльса вела себя так же. Ведь когда мы нашли для нее участок, она всегда принимала нас там, как гостей. Поэтому по поведению львят можно заключить, что они не

чувствуют себя заброшенными, хорошо освоились на новом месте. Значит, наш опыт прошел успешно.

Я позвала львят, но они не двинулись с места. А когда я вышла из машины, мигом убежали. Мы ехали за ними следом, пока Гупа и Джеспэ не улеглись опять под деревом. Эльса-маленькая куда-то скрылась. Я дошла до урочища проверить, что стало с мясом. Его там уже не было.

Вернувшись к братьям, я окликнула их. Они безучастно смотрели на меня и даже не пошевелились. Тогда я села писать письма. Позднее Гупа спустился к реке, чуть погодя и Джеспэ медленно побрел туда. Часа через два мимо нас промчалась зебра, за нею — целое стадо антилоп импала, точно все они спасались от погони. Может, львята на них напали? Мы поехали в ту сторону, куда ушел Джеспэ, и чуть не наскочили на молодого светлогривого льва. Подальше я увидела в долине сперва одну львицу, потом еще двух. Наши львята не показывались. А нам пора было возвращаться в Серонеру, чтобы поспеть до темноты.

Мотор капризничал, и на следующий день механики только к десяти утра наладили его. Да, когда доберемся до урочища, львят там, конечно, уже не будет...

В пути нам попался сытый, сонный лев с рыжей гривой, он лежал рядом со своей добычей. Три шакала рвали зубами тушу, а он хоть бы что. Ему явно не было дела до двух молодых светлогривых львов, которые сидели под деревом метрах в двухстах — трехстах от него.

В урочище мы застали только одинокую импалу. На этот раз со мной поехал один Нуру, я хотела проверить, не боятся ли львята незнакомого шофера. Но в этот день мы прокатились впустую, пришлось ехать обратно ни с чем. Рыжегривого льва и его гостей мы застали на том же месте. Дальше нам попалась пятнистая гиена с

двумя очень славными щенятами. Пушистые, тупоносые, они смотрели на нас большими добрыми глазами, в которых еще не было ничего от коварства взрослых гиен. Я сделала несколько снимков и свернула с дороги, чтобы объехать семейство.

На следующий день на пути к урочищу я увидела с десяток гиен. Они куда-то спешили. А чуть подальше шла непонятная возня. Я взяла бинокль и разглядела, как шесть гиеновых собак расправились с каким-то зверем. На миг они расступились, и показалась их жертва — щенок гиены, наверное, один из тех, которыми я любовалась накануне. Тут же собаки снова бросились на него. Зрелище было ужасное, я погнала туда машину и заставила шайку отступить. Мне удалось прикрыть щенка машиной, и он отошел к гиенам. Спина его была в кровавых царапинах, но в общем он как будто отделался легко. Несколько раз пострадавший оглядывался на собак. В это время к ним направился второй щенок, и я не знала, как маневрировать, чтобы защитить обоих. Тут взрослые гиены сами окружили детенышей. Тогда гиеновые собаки наметили себе другую жертву. Под видом игры, прыгая друг за другом на задних лапах, они подбирались все ближе и ближе к нескольким томми. Неожиданно четыре гиены пошли в атаку на собак, и те, к моему удивлению, отступили. Конечно, у гиен мощные челюсти, и в стае с ними шутки плохи, но я никогда не думала, что гиеновые собаки, уже отведав крови, под натиском численно более слабого противника оставят добычу.

Встретили мы стадо импал голов в пятьдесят. Импала — одна из самых красивых антилоп: витые рога, стройное, изящное тело, темно-рыжая окраска. Завидев нас, одна антилопа пустилась бежать длинными скачками. А за нею и все стадо словно взмыло в воздух. Понятно, мы спугнули их, но часто импалы прыгают просто так, ради удовольствия. В это время года самцы

и самки собираются вместе, но в определенные месяцы самки отделяются, и самцы образуют «холостяцкие» стада. Один раз мы видели стадо из сорока молодых и старых самцов, другой раз — семьдесят самок. Часто самок охраняет один самец.

В этот день встреча со львятами опять не состоялась. Дорога была скверная, мы то и дело проваливались в скрытые высокой травой норы, и приходилось доставать домкрат и вытаскивать колеса. Я была очень рада, когда мы, вернувшись в Серонеру, узнали, что прибыл новый шофер.

Он был из Аруши — туристской столицы Танганьики, много лет водил машину и неплохо знал свой край. На следующее утро он сел за руль. Первая остановка была у маленького пруда поблизости от Серонеры, чтобы долить воды в радиатор. На водопой сюда пришли два льва, и водитель перепугался насмерть. Он в жизни не видел львов и многих других зверей тоже. Носорога он вообще не узнал. Впрочем, в этот день у него было много возможностей пополнить свои зоологические познания. И когда вечером на обратном пути мы опять встретили у реки львов, водитель смотрел на них совсем спокойно.

Днем мы любовались очень милой семьей: львицей с двумя годовалыми львятами, которые отдыхали на термитнике у дороги. У одного из малышей была короткая светлая грива, и он явно, как и наш Джеспэ, считал себя защитником матери и сестры. Они отступили в тень, а он, тяжело дыша, продолжал лежать на солнце и не сводил с нас глаз.

Мы искали всюду, встретили множество львов и даже несколько чалых антилоп, которые в Серенгети редки; вот только наших львят нигде не было. Мой водитель сильно перепугался, когда перед нами у реки вдруг появилось стадо буйволов голов в сто. Шофер до того опешил, что врезался в камень, и мы остались без

бампера. После этого случая к шоферу прочно пристало прозвище Джон Мбого — Джон Буйвол.

Наутро мы опять встретили вчерашнюю львицу со львятами, теперь уже на берегу реки, рядом с урочищем наших львят. За сутки они прошли больше двадцати километров. Мы и потом не раз видели эту семью на пути от термитника до реки, они всегда ходили этим маршрутом на водопой.

В устье долины нам попались две львиных четы, которых я заметила здесь раньше, а возле урочища лежала обглоданная челюсть импалы. Неужели это наша знакомая?.. Я тревожно посмотрела во все стороны и очень обрадовалась, увидев антилопу около воды. Потом пробовала звать львят, но в кустах мелькнула только одна гиена.

Еще несколько километров, и мы очутились у ручья, который сбегает по крутому склону к реке. Удивительно красивое место. В кущах смоковниц и зонтичных акаций приютились птицы, мелкие звери, ящерицы, насекомые. В густой тени под деревьями поднималась трава в рост человека. Здесь могли устроить себе логово не только львы, но и буйволы. Как-то мы завтракали тут под деревом и вдруг с удивлением увидели всего в нескольких метрах от нас темногривого льва.

Каждое утро мы уезжали в долину львят. В ранние часы солнце стояло низко, над переливающимися капельками росы парил легкий туман. И всюду животные — полосатые, пятнистые, ровной окраски, гладкошерстые или косматые, разные рога, разное сложение. Они прыгали и играли так весело, что заражали и нас хорошим настроением. У многих были очень постоянные привычки, и мы мало-помалу научились кое-кого различать.

В это утро мы долго наблюдали за семейством из трех львят, которые очень напоминали наших. Нуру даже слушать не хотел, что это не Джеспэ, Гупа и

Эльса-маленькая. Чтобы доказать его ошибку, я окликнула львят. Они не ответили. Для большей убедительности я поставила у машины тазик с водой. Один из самцов, который играл роль вожака, зарычал на меня и ушел.

Конечно, было удивительно, что три львенка такого же возраста тоже оказались сиротами, причем самка не только была похожа на Эльсу-маленькую, но вела себя в точности так же. Правда, в отличие от Эльсы-маленькой она, когда сидела, не втягивала голову в плечи, а у братьев не было ни метины от стрелы, ни круглого живота, как у Гупы. Проследив за ними несколько часов, я совсем уверилась, что это чужие львы. А когда мы отъехали, меня вдруг взяло сомнение. И мы вернулись и посмотрели еще. Нет, конечно, не наши.

Я понимала, что нужно какое-то время, прежде чем Джеспэ, Гупа и Эльса-маленькая привыкнут к мухам цеце и множеству незнакомых львов. Мы продолжали искать их вдоль подножия крутого склона, а также в дальних урочищах, где было меньше львов и совсем отсутствовали мухи. Нас особенно привлекала сильно размытая лагга. Под защитой ее крутых склонов львята могли спускаться на водопой к реке, не выходя на открытое место. Кругом было столько антилоп импала, что мы называли русло Импала-лагга. Но там, где она выходила к реке, обосновалось семейство львов. В первый раз мы увидели их в самую знойную пору дня. Львица и двое почти взрослых львят спали возле своей добычи, которую продолжали охранять, хотя наелись досыта. Дерево над ними было усеяно грифами, а на одной ветке лежал третий львенок. Вот он хорошенько потянулся, зевнул, не спеша слез на землю и лег рядом с матерью.

Было очень жарко, львы дышали с шумом. Наконец два львенка, облюбовав развесистое деревце, вскарабкались на него. Тонкие суки зловеще гнулись

под их весом, но они не слезали, наверху все-таки был ветерок...

В другой раз мы увидели то же семейство, когда оно шло к застоявшейся луже на берегу реки. Мать выступала первой и тщательно прощупывала лапой почву. Но глубокий ил преграждал путь к воде, тогда она посмотрела вокруг и легла на сырую землю. Двое львят последовали ее примеру. Мы часто и у Эльсы видели такую же осмотрительность. Львы всегда остерегаются завязнуть в иле, я ни разу не слышала, чтобы лев попал в топь.

К сожалению, нельзя сказать того же о слонах. В засуху, когда их одолевает жажда, слоны нередко забредают в болото, и чем отчаяннее селятся выбраться из него, тем хуже увязают. Мы много раз пытались спасти слонов от этой ужасной медленной смерти. Иногда в одном болоте оказывается по несколько слонов. Может быть, отсюда и миф о «кладбищах слонов»? А вот бегемоты, носороги, буйволы очень любят грязевые ванны и, несмотря на огромный вес, не тонут. Будто инстинктивно чувствуют, каких мест надо избегать.

Через несколько дней мы опять встретили эту семью, но теперь с ними был очень крупный самец.

Пожалуй, стоит поискать наших львят где-нибудь подальше, вряд ли они прижились на участке, занятом такой большой семьей. Мы проехали в другой конец долины, километров за шестьдесят. Здесь было множество гну и зебр, над которыми носились тучи мух цеце. Нет, и тут не такое место, чтобы оно могло прийтись по вкусу нашим львям. Оставались необследованными только два участка — холмы за рекой напротив урочища львят да равнина за крутой грядой.

На холмы никак нельзя подняться на машине, но гряды можно, пожалуй, объехать и потом выбраться на

гребень с другой стороны, где склон более отлогий. Несколько дней мы тряслись по ухабам, и, как ни Искусно Джон Мбого вел машину, она все время налетала на камни или проваливалась в скрытые высокой травой ямы. Раз мы сели дифером на череп буйвола, причем рога застряли в моторе. Частенько натыкались на поваленные стволы. Джон Мбого судорожно цеплялся за руль, а я стучалась головой о потолок кабинки. В конце концов мы отказались одолеть эту гряду, боясь застрять где-нибудь вдали от Серонеры.

Мы начинали день исполненные надежд и каждый вечер возвращались ни с чем.

На обратном пути солнце было позади нас, и мы видели животных при самом четком освещении. Хороши были закаты. Синие холмы среди желтой-равнины, темно-коричневые пятна термитников, на которых часто стояли гепарды и топи. Иногда над травой появлялась косматая грива. Это поднимал голову лев, высматривая себе добычу среди пасущихся стад. Страусы обмахивались крыльями, важно расхаживали дрофы, красуясь перед цесарками и турачами.

Но особую слабость я питала к ушастым лисам. Это ночные животные, обычно очень робкие, но здесь мы часто и вечером видели их мордочки, похожие на маски, с очень живыми глазами и огромными круглыми ушами. Дональд Кер рассказывал мне, что они прикладывают ухо к земле и слушают, нет ли поблизости крыс или мышей, которыми они обычно питаются.

Вечером все дышало покоем, но я знала, что это затишье перед ночной охотой, когда хищники выйдут на добычу. Об этом напоминали гиены, которые во множестве рыскали вокруг. В отличие от кошачьих, настоящих охотников, гиены либо кормятся чужой добычей, либо нападают на крохотного теленка или другого слабого зверя, не способного постоять за себя.

Раз я видела, как гиена гордо тащила новорожденного томми. Следом трусила, прихрамывая, вторая. Первая то и дело трясла жертву и взвизгивала, дразня вторую. Остановится, подпустит ту совсем близко и бежит дальше. Отвратительное зрелище...

Ночи в лагере бывали порой волнующими. Было слышно, как между палатками бродят львы, я даже научилась узнавать их по голосам. Однажды меня разбудил плеск воды. Спросонок я не сразу поняла, в чем дело. Наконец сообразила, что это львица зашла в мою палатку и пила воду из умывального таза. Только стол разделял меня и Африку. Я закричала на львицу, и она ушла. Когда я рассказала об этом случае инспектору, он ответил, что в Серенгети львы нередко заходят в палатки, дергают пол, проверяя, что за гости явились.

Другой раз мой сон нарушили буйволы. Я включила фонарик и в двадцати метрах от палатки увидела три огромные туши. Направила свет им в глаза, но буйволы не спешили уходить... Пока они раскачивались, у меня чуть рука не отнялась, оттого что я держала фонарь.

Постоянно к нам наведывались гиены. Я часто слышала, как они гремят посудой на кухне, потом мы недосчитывались кастрюль.

Конечно, иной раз ночные гости заставляли мое сердце колотиться чаще обычного, не без этого, но почему-то даже ночью у меня не «застывала кровь в жилах» от львиного рыка. Напротив, рычание нравилось мне, оно звучало как-то ласково. Львы Серонеры сизмальства привыкли к туристам, и с людьми у них установились дружеские отношения. Многие из них сосали мать в окружении автомашин, так что люди и автомобили стали как бы неотъемлемой частью их жизни.

Там, где никогда не охотятся на автомашинах, звери принимают их за живые существа, пусть с необычными

повадками и странным запахом, но вполне безобидные. Если пассажиры не разговаривают громко и ведут себя спокойно, звери не боятся, но если выйти из машин, они убегут.

Ежедневно мы видели много львов, однако наши львята словно сквозь землю провалились. Вскоре в Серонеру приехал директор заповедника. Я попросила у него разрешения хотя бы несколько ночей провести в машине поблизости от того места, где, по моим догадкам, находятся львята. Судя по всему, днем искать их бесполезно, а ночью львят может приманить свет фар. Но директор не разрешил мне этого. Все оставалось по-старому.

Теперь мы искали их вдоль холмов за рекой. Там собирались стада буйволов до трехсот голов. А местность была такая неровная, что мы стали постоянными клиентами авторемонтной мастерской в Серонере. Ее заведующий охотно помогал нам в любое время дня, и я была ему очень благодарна.

Наступил засушливый сезон, животные теперь всецело зависели от немногих водоемов, которые не пересыхали.

Вот когда орудовали браконьеры! Они хорошо знали, куда животные ходят на водопой. Инспекторам было нелегко их обуздать. Я с ужасом смотрела, сколько они собирали ловушек, отравленных стрел и копий. А ведь это лишь малая часть всего арсенала, обращенного против животных... Стальная проволока стоит дешево, ее можно купить у любого торговца.

Самый действенный способ охоты — нагромоздить вокруг водопоя колючих веток, оставив несколько проходов, где помещаются ловушки. На высоте головы животного висит проволочная петля, распорками служат крепкие стебли, а конец проволоки привязан к бревну. Чем отчаяннее дергается попавший в петлю зверь, тем сильнее она затягивается. Проволока все

глубже врезается в шею, пленник задыхается. Или же гиены расправляются с жертвой, которой тяжелое бревно не дает уйти. В разгар сезона ловушек так много, что браконьеры не успевают их проверять.

Мясо уносят в шалаши, нарезают узкими полосками, вялят и потом продают. Но многих животных убивают только ради хвоста. Им удобно отгонять мух, и стоят они недорого — всего тридцать шиллингов штука. Невозможно представить себе, сколько мяса и шкур пропадает зря. Ловушки, которые я описала, очень распространены среди браконьеров: ведь такая охота не опасна и не требует никаких усилий. Чтобы поразить зверя отравленной стрелой, охотник должен сам выследить его. Чаще всего стрелами просто добивают животное, попавшееся в ловушку. Иногда браконьер забирается на дерево у водоема или возле звериной тропы и поражает из лука проходящего мимо зверя. Если яд свежий, достаточно даже легкой царапины, чтобы через несколько минут наступила смерть. Приготовить яд очень просто из *Acocanthera friesiorum*, небольшого дерева, которое растет во многих местах Восточной Африки на высотах от полутора до двух тысяч метров. Африканцы кипятят листья, ветки, кору, потом отвар выпаривают и получают своего рода смолу, которой мажут кончики стрел. Высохший наконечник оборачивают волокном, снимая его, перед тем как стрелять. Кроме самодельного оружия у браконьеров есть покупные капканы из стальной проволоки, старые ружья, дробовики. Они ведут промысел не только в одиночку, иногда собираются целые отряды с автомашинами. Снаряжают их торговцы.

О размахе браконьерства можно судить по цитатам из месячных отчетов по пограничным районам Серенгети:

«Май... браконьеры на машинах уже орудуют всюду в парке и за его пределами. В районе Рована и

Мвамадео (вблизи Хандагега) занято не меньше шести грузовиков и лендроверов, они непрерывно возят добычу мясникам Икизу. Иные машины оборачиваются дважды в день...»

«Июнь... вернулись стада с центральной равнины, и усилилось браконьерство. Надо отметить объездчика Уоллея, он собрал двести с лишним проволочных капканов и разогнал пять отрядов браконьеров. В Ньямуме инспекторы парка поймали одного васукуму, у которого было пятьдесят четыре хвоста антилопы гну — итог шестидневной охоты с отравленными стрелами».

В июле, согласно отчетам, было обнаружено пять больших лагерей браконьеров в западном коридоре (так называют часть Серенгети, протянувшуюся к озеру Виктория). Арестовали торговцев ядом и конфисковали их товар, которого хватило бы на две тысячи стрел. В другом районе сняли двести проволочных капканов, в третьем — пятьдесят и задержали семьдесят три браконьера. Годом раньше осудили сто восемьдесят пять браконьеров. Всего за шесть лет конфисковано десять тысяч проволочных капканов.

Приводились ужасные примеры: буйвол попал в проволочный капкан и мучился несколько недель, прежде чем умер. В другой ловушке погибла страусиха, у нее осталось гнездо, в котором было девятнадцать яиц.

Служащие Серенгети предпринимают нечеловеческие усилия, чтобы положить конец браконьерству, часто с риском для собственной жизни. В июльском отчете за 1959 год приводится случай, когда браконьер пытался задушить носильщика. Кто-то выпустил в объездчика отравленную стрелу. Еще один браконьер пытался уколоть объездчика пучком стрел.

По всей Восточной Африке диким животным угрожают браконьеры, засухи, наводнения, даже узаконенное истребление, когда возделывают новые

участки земли. С ужасом думаешь о том, что животных могут истребить совсем. Чем больше я живу среди диких зверей, тем сильнее мое желание помочь им. Я убеждена, что, помогая животным, мы помогаем себе. Если мы их уничтожим, будет нарушено равновесие в мире, частицу которого мы составляем.

Что же можно сделать, чтобы спасти диких животных? Прежде всего, когда решают сохранить животный мир какого-то края, надо помнить, что успех зависит от того, сколько там населения. Вот почему нужны деньги на заповедники и национальные парки, на управление и обслуживание их, на борьбу с браконьерами, бурение колодцев и рытье прудов в тех местах, где бывают сильные засухи, на спасательные экспедиции, чтобы перевозить животных из угрожаемых районов. Но и эти мероприятия не помогут, если их не поддержат африканцы. Значит, нужны средства для просветительной работы, чтобы каждый африканец гордился животным миром своей страны, имеющим такое важное значение для народного хозяйства. Необходимы основательные экологические исследования областей, в которых обитают различные животные. Без такой серьезной работы все текущие меры ничего не дадут, хотя и они необходимы: без них звери вообще не доживут до той поры, когда дадут свои плоды долгосрочные мероприятия.

Пока я занималась поисками львят, у меня было вдоволь времени подумать обо всем этом и спросить себя: почему человек все более отдаляется от природы? И ведь письма от тех, кто читал мои книги про Эльсу, позволяют мне утверждать, что многие люди хотят жить так, чтобы общаться с природой и животными. Я представляю себе, как приятно им было бы не читать, а своими глазами видеть львицу с двумя львятами, которые беспечно грелись на солнце прямо на дороге и не пропускали нас. (Да и кто здесь, собственно,

хозяин?) Меня всегда поражало, как уверенно ведут себя львы. У леопарда и гепарда совсем другие повадки. Это тем более удивительно, что многие охотники считают леопарда опаснее льва, а гепард известен как самый быстрый из всех хищников. Но эти звери всегда убегали, завидев нас, даже бросали добычу. Однажды я увидела «кладовку» леопарда — только что убитую антилопу, которую он затащил на дерево и повесил в развилине. Я долго ждала, не покажется ли леопард, но, пока мы были там, он не посмел выйти.

Только один раз я встретила в Серонере дружелюбную чету леопардов. У них были детеныши, и родители настолько привыкли видеть восхищенных посетителей, что перестали пугаться. Одного леопарда прозвали Золотой за великолепную окраску шкуры и благородные манеры. Он часто гулял около нашей машины, катался на земле перед бампером, точил когти о дерево в двух-трех метрах от нас, а иногда отдыхал на поваленном стволе совсем рядом, я могла бы даже коснуться его рукой. Поистине необычный леопард!

Дни проходили в бесплодных поисках, настроение падало, и в конце концов я написала Джорджу, чтобы он приехал и помог мне.

Через несколько дней меня в лагере навестил директор и один из инспекторов. Я снова попросила разрешения провести две-три ночи в машине, справилась также, можно ли мне подняться на крутую гряду и на холмы. Если надо, пусть меня сопровождает вооруженный объездчик-африканец. Я напомнила, что Джеспэ ранен и львята еще слишком молоды. Директор обещал доложить правлению о моей просьбе и посоветовал мне пока написать заявление председателю.

Однажды вечером, когда я печатала на машинке, вдруг послышалась английская речь. Три фермера из

Кении разбили свой лагерь в нескольких метрах от нас. Они заметили свет в моей палатке и зашли пригласить меня на рюмку вина.

Я пришла в ужас, обнаружив, что они ходят без фонаря, и поспешила предупредить их, что здесь много львов и вдоволь укрытий для зверей. Мужчины посмеялись над моими страхами, но все-таки взяли лампу, которую я им предложила.

На следующий день я пошла к ним обедать и увидела, что они спят без палаток, прямо под открытым небом, на раскладушках высотой сантиметров пятнадцать. Что они будут делать, если ночью их навестит лев? Они только рассмеялись. Наверное, сочли меня трусихой.

Утром мы встретились у ручья возле лагеря. Тропу загородил львиный прайд — тринадцать зверей, которые даже не думали сдвинуться с места. Среди них было несколько львят разного возраста. Один молодой лев, добродушный на вид, с короткой гривой, очень напоминал Джеспэ, и я так засмотрелась на него, что не заметила, как его отец подошел почесаться о бампер моей машины. Наконец львы удалились, и мы могли продолжать путь.

В тот же день фермеры уехали. Возвратившись вечером в лагерь, я нашла бутылку вина от них и записку, в которой они уговаривали меня не бояться ночных гостей. Может, они и правы, сказала я себе, но все-таки спать под открытым небом на таких низких кроватях — ненужный риск.

1 июля я выплатила жалованье Джону Мбого, даже переплатила фунта два. Он так обрадовался, что бросил меня, и я осталась без шофера. Но тут пришла телеграмма от Джорджа. Он сообщал, что приедет 4 июля. До тех пор я буду сама водить машину, а если мы застрянем в какой-нибудь яме, Нуру поможет.

Один раз мы натолкнулись на тушу маленького буйволена. Он не был изранен, и лишь в брюхе виднелось небольшое отверстие. Насколько я понимаю, его мог убить только медоед. Этот зверек не знает страха, он вполне способен напасть на буйволена^[2].

Потом мне встретился отряд охотников. Они рассказали, что видели у реки леопарда с двумя детенышами. На следующий день рано утром я поехала туда, но нашла только голову одного детеныша. Охотник-профессионал, который вскоре подошел туда, объяснил, что это работа льва. Лев убивает леопарда! Это кажется каннибализмом, и все-таки известно, что эти представители семейства кошачьих враждуют между собой. Мне рассказывали, как львы убили детеныша леопарда на глазах у его матери, которая спаслась на дереве. А Джордж знал много случаев, когда в Северной пограничной провинции Кении леопарды убивали львят. Правда, насколько мне известно, взрослые львы и леопарды не схватываются друг с другом.

Недалеко от останков детеныша я увидела светлогривого льва, трех львиц и шестерых львят, пятеро из них были не старше полутора месяцев. Эту пятерку кормила молоком одна из львиц, шестой держался возле другой львицы, очевидно его матери. Третья, с сухими сосками, была «тетушкой». Мы заметили у нее на груди глубокую рану, полученную, должно быть, во время охоты. Самец лежал метрах в двухстах от семейства. Он лежал очень спокойно, хотя я и подъехала совсем близко к ним. На обратном пути меня остановили охотники и рассказали, что ночью мимо их палатки прошли два льва, один из которых хромот.

В лагере меня ждал Джордж. Его отпустили на десять дней, он не хотел терять из них ни часа и ехал

всю ночь, торопясь в Серенгети. По дороге у него были приключения. Около часа ночи, когда он проезжал сквозь густой лес по узкой дороге между ущельем и крутым склоном, свет его фар вдруг упал на идущего навстречу носорога. Джордж прижался к склону справа, ему вовсе не хотелось, чтобы носорог столкнул его в ущелье. Перед самой машиной зверь остановился и ткнул ее рогом. Хорошо, что удар пришелся ниже бампера. Затем он попытался протиснуться между машиной и склоном. Это ему не удалось, он отступил и пошел обратно. Джордж выждал двадцать минут, чтобы носорог ушел подальше. Но потом довольно быстро у настиг его. Пришлось подождать еще, пока носорог не свернул в лес.

Несмотря на бессонную ночь, Джордж собирался немедленно ехать на поиски львят. Но сначала он передал мне письмо от директора. Правление обсудило мое заявление и скоро пришлет официальный ответ. Директор надеялся, что решение нас устроит. Письмо, конечно, туманное, но в общем-то обнадеживающее.

Зная, что вечером вернется из Аруши инспектор, я к концу дня отправилась к нему, надеясь получить официальный ответ. Он действительно привез письмо, и вот что в нем говорилось.

Правление очень радо, что львята были в хорошем состоянии, когда мы последний раз видели их, и что мы довольны районом. Они с удовольствием выполняют нашу просьбу, если мы будем соблюдать некоторые условия. Нам с Джорджем разрешается ночевать в машине не больше семи ночей. Если львята выйдут к нам, можно напоить их и дать им рыбьего жира. В течение этих дней мы можем пешком подниматься на гряды и вообще ходить всюду, где нам заблагорассудится, но целиком на собственную ответственность. Джордж может брать с собой огнестрельное оружие для самообороны.

Правление подчеркивало, что оно предоставляет нам решать, где будут жить львята. Если мы предпочтем другое место, мы вправе увезти их из Серенгети. Директор добавлял (об этом мы уже знали), что он заручился согласием Департамента по охране диких животных Танганьики перевезти львят в заповедник Мкомази, природа которого сходна с местностью вокруг лагеря Эльсы. А так как Мкомази не отнесен к разряду национальных парков, там проще пожить некоторое время по соседству со львятами.

Далее следовали условия.

1. Тотчас выслать клетки в район, где мы собираемся искать львят.

2. Когда будут найдены львята, мы должны сразу решить, перевозить их или нет.

3. Если мы захотим оставить их здесь, то обязуемся покинуть территорию парка и в дальнейшем не рассчитывать ни на какие исключения из общих правил.

4. Если же решим перевозить львят, то должны тотчас известить об этом инспектора.

5. Без разрешения инспектора не стрелять никакой дичи для львят.

6. Через день сообщать инспектору, как идут наши поиски.

И наконец правление желало нам успеха и выражало надежду, что львята окажутся в хорошем состоянии.

Я спросила инспектора, как быть, если мы найдем львят в плохом состоянии, а его не будет в это время на месте. Он посоветовал мне в таком случае связаться по радио с директором и обсудить все с ним.

Возвращаясь в лагерь, я увидела отряд охотников, которые ставили свои палатки в нескольких сотнях метров от нас. А из Кении приехали на сафари фермеры.

Мы нагрузили машины с вечера всем, что нам было нужно на неделю.

Я много лет прожила в окружении диких зверей и поэтому сплю очень чутко. В ту ночь меня разбудил далекий рокот мотора. Подъехал инспектор и попросил нас немедленно перейти спать в машины. В одном из лагерей поблизости лев напал на человека и по-прежнему бродит вокруг. Нет ли у нас морфия для пострадавшего? Он сильно искалечен. К счастью, у Джорджа нашлось две ампулы. Инспектор получил также весь наш запас сульфонамида. Он сказал, что на рассвете раненого доставят самолетом в Найроби, и уехал, заверив нас, что мы больше ничем не можем помочь. Через некоторое время мы услышали, как взлетел самолет.

Джордж предупредил Нуру и других наших помощников, чтобы они зажгли все лампы и были начеку.

Рано утром мы пошли на место происшествия. Это было всего в трехстах метрах от нас. Следы показывали, что два льва прошли по автомобильной колее мимо нашего лагеря к следующему. Более крупный самец подошел к костру, схватил эмалированный чайник и прокусил его насквозь. Ничего не скажешь, мощные челюсти! В отряде было пять человек. Супружеская чета спала в одной палатке, закрывшись на ночь, трое мужчин — в другой. Ночь была душная, и они не повесили противомоскитных сеток. Кровати стояли изголовьем к входу. Полог был не застегнут. Один из мужчин поставил у кровати таз и кувшин, другого защищал кол, кровать третьего ничем не была защищена. Ночью спавший посередине проснулся от какого-то стога и обнаружил, что постель рядом с ним пуста и смята. Он зажег фонарь и увидел в пятнадцати метрах льва, у него в пасти — голову своего товарища. Он поднял тревогу, и два африканца смело

бросились на зверя. Один из них метнул пангу (длинный нож) и, видимо, попал, потому что лев выпустил человека, злобно укусил рукоятку ножа и отошел в сторону. Раненого мигом оттащили, а лев продолжал бродить вокруг лагеря, пока его не отогнали машиной.

В гостинице нашелся санитар, он оказал первую помощь пострадавшему. Служащие заповедника и их жены ухаживали за раненым, пока самолет не увез его в Найроби. К сожалению, раны оказались смертельными, он умер на операционном столе.

Это был первый за всю историю Национального парка Серенгети несчастный случай с роковым исходом.

Утром обоих львов застрелили. У одного из них нашли на плече загноившуюся рану, которая, естественно, мешала ему охотиться. В таком состоянии любой лев в любой части Африки способен напасть на человека. Мы не сомневались, что это тот самый хромой лев, о котором нам рассказывали несколько дней назад.

Глава семнадцатая.

СВИДАНИЕ СО ЛЬВЯТАМИ

На следующее утро прилетел директор. Он подтвердил, что нам можно провести семь ночей в долине львят. Мы спросили, как кормить их, если они окажутся истощенными. Он сказал, что не стоит ломать себе голову заранее, в крайнем случае инспектор нам поможет.

У Джорджа оставалось только восемь дней, поэтому мы решили не ждать клеток, хотя это и было оговорено в условиях. Да ведь еще и неизвестно, понадобятся ли они. Перед выездом нам пришлось все оставшиеся вещи забросить в Серонеру. После несчастного случая здесь запретили разбивать лагеря, пока не будут приняты все меры предосторожности.

Поэтому мы двинулись в путь довольно поздно. Приехав в долину, мы поставили машины на поляне, где Джордж видел львят в мае. Было темно, мы зажгли фонарь, и вскоре пришел крупный светлогривый лев проверить в чем дело. Он постоял, посмотрел на нас, потом удалился к ложине неподалеку.

Львята не показывались.

Рано утром мы доехали до их урочища и поднялись на гряде, где встречались с ними почти месяц назад. Три часа ходили мы вдоль гребня и звали, но все напрасно. Тогда мы спустились в прилегающую долину и направились к машине. На верху склона, обращенного к урочищу львят, Джордж вдруг стиснул рукой мое плечо. Вон они, все трое, сидят у машины и ждут нас! Будто так и надо, будто мы и не расставались. Джеспэ пошел нам навстречу, тихо мяукая, — так нас когда-то приветствовала Эльса. Он позволил мне погладить его

по голове, потом сел, а мы хотели подойти к двум остальным. Они отбежали в сторонку и улеглись под деревом. Но когда мы поставили тазики с водой и рыбьим жиром, они подошли и быстренько все вылакали. Львята немного отощали, но в общем выглядели хорошо. У Джеспэ и Гупы линяли гривы, оба стали похожи на львиц. Шкура Джеспэ потускнела, из раны по-прежнему торчала стрела, сочилась сукровица, приманивая мух. Мы увидели у него несколько небольших шрамов, — видимо, от схваток со зверями. Он был ласков, подходил совсем близко, но трогать стрелу не разрешал.

Какое счастье снова их видеть! Мы разглядывали львят и задавали себе множество вопросов. Почему братья остались без грив? Обычные кошки иногда линяют в трудную пору. Может быть, и тут повлияли трудности, непривычная среда, в которой надо освоиться? И почему они пришли сегодня? Заметили ночью свет и поняли, что это мы приехали? Или они весь этот месяц, что я искала их, прятались от меня лишь потому, что со мной были Джон Мбого и Нуру?

Прежде львята в жаркую пору дня всегда где-нибудь укрывались, теперь же, пока мы перекусывали, они отдыхали в тени поя деревом. Их не смутило и то, что Джордж привел вторую машину, которая стояла поодаль. Весь день львята не уходили. Кажется, усвоили повадки здешних львов...

И тут же поблизости паслась одинокая импала. Когда начало смеркаться, она, продолжая щипать траву, пошла вниз по склону. Эльса-маленькая стала подкрадываться, за нею потянулся и Джеспэ. Они подползали к антилопе все ближе и ближе, но стоило ей поднять голову, как они замирали на месте. Гупа следил за охотой. Кончилось все тем, что импала ускакала прочь, а львята вернулись к нам.

Часть снаряжения лежала у нас в кузовах, часть мы привязали на крышах. Джеспэ обследовал все наше имущество, — наверное, искал мясо. Даже Гупа и Эльса-маленькая подошли близко, но у нас для них ничего не было, кроме рыбьего жира. Пусть пьют вволю, им это полезно. Потом они улеглись неподалеку от машин. Ночью мы слышали, как они играли. Джеспэ несколько раз подходил к нам вплотную. Должно быть, он недоумевал, почему мы не даем ему мяса.

Какая радость после всех этих тревожных недель убедиться, что наш опыт увенчался успехом и что львята чувствуют себя вполне сносно. Нас только беспокоила рана Джеспэ. И шкура у него совсем без блеска... Нет, о новом переезде не может быть и речи, львята слишком много перенесли. И нельзя отделять Джеспэ от других львят, если можно сделать ему операцию здесь. Значит, постараемся за неделю хоть немного подкормить их, а уж потом подумаем, как извлечь эту злополучную стрелу. Сейчас мы не успеем ничего сделать.

Утром мы отыскали львят под кустом в четырехстах метрах от машины. Джеспэ сразу вышел нам навстречу, прикрывая своим телом брата и сестру. Он получил от меня рыбий жир. Шерсть его показалась нам еще более тусклой, чем накануне, по всему телу были опухоли с горошину величиной. Конечно, тревожиться еще рано, ведь что-то в этом роде бывало и у Эльсы после встреч с муравьями. И все-таки лучше понаблюдать за ним. Но для этого надо подкармливать львят, не то они уйдут на охоту. И Джордж поехал в Серонеру за разрешением добыть для них мяса. Заодно он хотел послать в мое издательство телеграмму с добрыми вестями.

На радостях он перестарался и слишком уж оптимистически составил телеграммы в издательство и директору в Арушу: «Львята найдены, состояние

отличное». Это привело потом к серьезным недоразумениям.

Пока Джорджа не было, я наблюдала за львятами. Они мирно дремали под кустом. Через несколько часов появилось стадо томми, больше ста штук, и с ними пришла импала. Увидев меня, они остановились, потом свернули в сторону и стали метрах в двадцати от львят. Наиболее нахальный томми подошел к самому кусту, и вообще стадо вело себя так, словно и не было поблизости никаких врагов. Львята поглядывали на них, положив головы на передние лапы. Так продолжалось около получаса. Вдруг Эльса-маленькая вскочила и бросилась на газелей. Стадо ускало в долину, однако часть его — штук двадцать пять — замешкалась и оказалась отрезанной. Эльса-маленькая метнулась за ними, но явно только для забавы. Ни та ни другая сторона не принимала игру всерьез, пока не вмешались Гупа и Джеспэ. Тут томми ринулись вверх по склону, взбираясь по камням. Но один козленок с отцом спокойно остались на месте и ушли в долину, лишь когда львята вернулись.

Джордж приехал без добычи. Он не застал инспектора. Правда, директор, с которым он связался по радио, разрешил ему купить двух коз в деревне за пределами парка, но в этот день Джордж уже не мог обернуться и отложил поездку на завтра.

В сумерках львята пришли за мясом, но опять мы могли дать им только рыбий жир. Они побыли с нами недолго. На следующее утро Джордж поехал за козами, а я принялась разбирать имущество, проветривать постели. Вдруг появились львята. При виде такого количества вещей у них глаза разгорелись. Впрочем, все обошлось хорошо, они ничего не повредили. Наигравшись, львята ушли в тень под куст и остаток дня пролежали там.

Около шести вечера возвратился Джордж. Джеспэ мгновенно схватил мясо и убежал. Гупа и Эльса-маленькая кинулись догонять его. Разгорелась ссора. Львята вцепились в тушу с трех сторон, рычали и шипели друг на друга. Это длилось целый час, никто не хотел уступать. Гупа сделал было рывок, но Джеспэ крепко впился зубами в тушу. Сердито рыча, прижав уши, братья глядели в упор друг на друга. А Эльса-маленькая в это время преспокойно принялась есть. Наконец Джеспэ и Гупа уgomонились, и все трое дружно пообедали вместе.

Вторую тушу мы припрятали сверху на кабине, чтобы было чем угостить львят завтра. Мы были спокойны, потому что на машины львята никогда не взбирались. Но рано утром меня разбудил глухой стук, машина закачалась, и в следующий миг Джеспэ, держа в зубах козу, соскочил с кабины на капот, оттуда на землю и затрусил в урочище. Брат и сестра побежали за ним.

Часа через два он вернулся и снова вскочил на машину. Там были привязаны наши вещи — коробки с бутылками, мой пресс для гербария, резиновая подушка, складной стул. Джеспэ опорожнил коробки и все сбросил на землю. Он попытался сломать пресс, но из этого ничего не вышло, тогда он и его вышвырнул. Разобравшись в остальном имуществе, Джеспэ положил голову на лапы и стал подмигивать нам. Все это время Гупа и Эльса-маленькая пристально следили за ним, но присоединиться к нему не решились. Теперь они затеяли игру на поваленном дереве, и Джеспэ побежал туда. Веселая возня длилась долго, потом все ушли в урочище. Мы заметили над ближайшим холмом стаю грифов. Наверное, там лежит падаль, скорее всего добыча льва, который рычал накануне ночью.

После ленча мы пошли искать львят. Они спали в густых зарослях у подножия скалы, а рядом с ними

лежал только что убитый болотный козел. Интересно, сами они убили его или стащили добычу у леопарда? Трудно поверить, чтобы мы ничего не услышали, если охота происходила так близко.

Вечером мы опять навестили львят. Они почти управились с мясом, а остатки утащили в заросли. Слышно было, как они сопят там, но разглядеть их мы не могли. Удивительно, такие крупные животные и умеют так ловко прятаться, а ведь мы знали, что они тут! Потом мы услышали кашель леопарда и поняли, кто убил антилопу...

Когда стемнело, львята вышли напиться воды. Ночь они провели по соседству с машинами, а к утру скрылись. Днем львята появились снова. Джеспэ сейчас же вскочил на мою машину, Гупа и Эльса-маленькая улеглись под деревом метрах в пятидесяти от нас. Почему Джеспэ предпочитает мою машину машине Джорджа? Привык считать ее своей или она чем-то для него удобнее? Эльсе всегда больше нравилась машина Джорджа.

И как всегда поблизости бродила импала. Она фыркала, кряхтела, но львята не обращали на нее внимания. Эльса-маленькая без особого рвения попробовала подкрасться к томми и тут же бросила эту затею. Я сидела рядом с Джеспэ и, когда он поворачивался ко мне боком, тихонько дергала стрелу. Он позволял мне крутить ее, но наконечник сидел крепко. Да, не похоже, чтобы он сам выпал. Однако наконечник легко прощупывался под кожей, один надрез — и можно протолкнуть стрелу вперед. Вздутия у Джеспэ исчезли. Должно быть, и впрямь тогда его покусали муравьи. А шерсть по-прежнему тусклая, взъерошенная. Но вот лучи заходящего солнца позолотили ее, и Джеспэ вдруг стал очень похож на мать, тот же взгляд, то же сложение. Когда он пристально посмотрел на меня, мне на миг почудилось,

что вернулась Эльса... Я гладила его лапу, морду, Джеспэ жмурился, я тоже закрыла глаза, воображая, что глажу Эльсу. И мне вдруг стало как-то легче.

Стемнело, мы легли спать в машинах. Немного погода брезент надо мной прогнулся под весом Джеспэ. Я могла гладить его, не вставая. Позднее проснулся Джордж оттого, что качнулась его машина. Это Джеспэ сзади заглянул в кузов, словно хотел взобраться к нему. Остальных львят не было видно, а когда рассвело, ушел и Джеспэ.

Утро мы потратили на поиски, но львят не нашли. А часов около пяти они сами вышли из той самой долины, где мы их искали. Джеспэ уселся на капот моей машины, и я еще раз безуспешно попыталась извлечь стрелу.

На следующий день нам предстояла разлука. Мы уехали бы со спокойной душой, если бы не эта проклятая стрела. Она как будто не мешала Джеспэ, но все-таки рана его изнуряла, через нее проникала инфекция, что было видно хотя бы по тусклой шкуре. В схватке он может разодрать себе бедро еще больше или же стрела вонзится глубже. Он не сможет стать хорошим охотником. Словом, чем скорее мы его оперируем, тем лучше.

Обсудив все это, мы решили выехать пораньше, чтобы связаться по радио с директором и получить согласие. Нужна была клетка для Джеспэ, нужен ветеринар, который смог бы провести обезболивание и извлечь стрелу. Джордж не сомневался, что ради такого дела ему продлят отпуск.

Когда стемнело, Джеспэ пришел за рыбьим жиром. В пятилитровом бачке, который мы привезли с собой, оставалось совсем немного, и я хотела поделить остатки поровну между всеми тремя. Джеспэ попытался вырвать у меня бачок, но я крикнула: «Нельзя, Джеспэ, нельзя!» — и он отвернулся, обиженный и озадаченный.

Я разлила рыбий жир на три миски. Гупа и Эльса-маленькая тотчас вылакали свою долю, только оскорбленный Джеспэ даже не подошел, когда я протянула ему миску. Поставить ее на землю нельзя, до нее тут же доберутся брат и сестра. Я всячески старалась умиловить Джеспэ, а он упрямо глядел в сторону — не желал меня признавать.

Весь вечер мы наблюдали за львятами. Они лизали друг друга, затевали возню, а около одиннадцати ночи ушли. Это была наша последняя встреча, но мы-то этого не знали и думали, что скоро приедем опять и привезем ветеринара.

Поздно ночью были слышны львиные голоса. Львы негромко окликали друг друга. Наверное, это охотятся наши львята...

Утром мы выехали в Серонеру, чтобы подготовить все для операции. Но здесь нас ожидал отказ. Проезжая мимо Аруши, мы зашли к директору. Он посоветовал нам обратиться в правление. Следующее заседание должно состояться в августе.

Глава восемнадцатая. ДОЛГИЕ ПОИСКИ

В Найроби мы узнали радостную новость: Кен Смит сменит Джорджа в должности старшего инспектора Северной пограничной провинции. Теперь Джордж мог спокойно заниматься львятами. Мы написали письмо директору Национального парка Танганьики, прося, чтобы правление на своем очередном заседании рассмотрело наше заявление об операции.

Но сначала я поехала в Исиоло, надо было забрать там наше имущество, освободить дом, в котором мы жили, и отвезти все вещи в другое место, километров за двенадцать. Там мы сняли дом у правления Национального парка Кении. Джордж тем временем помогал перебросить стадо угандских водяных козлов ^[3] из области, где они мешали людям, в заповедник за пятьсот километров. Переброска оплачивалась отчасти Департаментом по охране диких животных Кении, отчасти из «фонда Эльсы» и доходом от моих книг. Угандский водяной козел — очень красивая антилопа, а стадо в пятьсот голов, о котором идет речь, единственное в Кении.

В конце августа в Восточную Африку снова прилетел Билли Коллинз. Ему хотелось напоследок еще раз увидеть львят, и он должен был присутствовать на заседании правления в Аруше. Впервые туда пригласили представителей разных стран, чтобы обсудить охрану животного мира Восточной Африки.

Только Билли Коллинз прибыл в Найроби, как мы получили телеграмму от директора: правление отклонило наше ходатайство, нам не разрешают оперировать Джеспэ.

Доктор Т. Хартхорн из Ветеринарного колледжа Макарере, один из лучших ветеринаров Африки, уже обещал нам сделать операцию, если состояние Джеспэ потребует этого. Случайно он был в эти дни в Найроби, и мы посоветовались с ним, а также с Ноэлем Симоном, основателем и председателем Общества охраны диких животных Восточной Африки, и майором Гримвудом.

Мы с Билли решили съездить на неделю в Серенгети и попробовать отыскать львят. Заодно Билли побывает в Аруше и попытается уговорить председателя правления, чтобы тот не настаивал на своем отказе и позволил доктору Хартхорну сделать операцию, если это будет возможно и необходимо.

По пути мы заехали в Национальный парк Амбосели на границе Танганьики. Амбосели — высохшее озеро у подножия Килиманджаро. Отложения соли привлекают сюда множество диких животных.

Был чудесный вечер. Заходящее солнце позолотило заросли шалфея, покрывающие темно-красную равнину, над которой в засушливое время года часто бушуют смерчи и пылевые бури. Впереди под пальмой стояли четыре слона, а из кустов поблизости вышел носорог. В этот день Билли впервые видел носорога на воле. Прежде чем он вернулся в Европу, на его счету накопилось четырнадцать таких встреч.

Мы видели и других животных, в том числе стадо буйволов, которые явно привыкли и к человеку, и к автомашинам.

Я невольно спрашивала себя, сколько же туристов, встречая зверей в национальных парках, уезжают в полной уверенности, что сохранение животного мира не проблема. Им невдомек, что за пределами заповедников число животных катастрофически сокращается.

В Аруше Билли встретил директора и попросил у него разрешения спать поблизости от урочища, чтобы мы могли найти львят и сделать операцию Джеспэ, если

это будет нужно. Директор остался при своем мнении, но они условились, что после поисков Билли придет к председателю правления и поговорит с ним.

Потом мы отправились к озеру Маньяра, где наблюдали, как два страуса носятся наперегонки по мелководью. Тут же, в окружении фламинго, марабу, гусей и другой водоплавающей птицы, бродили около двух десятков буйволов и с полсотни болотных козлов. Несколько козлов лежало в воде, и около них искали пищу фламинго. Но больше всего меня удивило, что страусы здесь не боятся воды. В отеле «Фламинго» нам рассказали, в чем дело. До того как район озера Маньяра сделали заповедником, люди так безжалостно истребляли страусов, что одна пара и уцелела. И теперь при виде машин птицы со всех ног мчатся к озеру, спасаясь от людей.

На следующее утро погода была пасмурная, полюбоваться видами не пришлось, но мы навестили инспектора, который жил недалеко от кратера Нгоронгоро. Он познакомил нас с Нгугу, своим ручным дикобразом. Это был очень примечательный зверь, он ласкался ко всем, кто угощал его фруктами или куском пирога. В тот же день мы доехали до гостиницы в Серонере, где и остановились на неделю.

На другой день рано утром мы отправились к тому месту, где львята были выпущены на волю из клеток. Нам встретился отряд топографов, которые жили тут уже месяц. Мы спросили, какие львы им попадались. Они видели много львов, но, естественно, не могли сказать, были ли среди них наши львята.

Когда мы подъехали к урочищу львят, я стала звать их — никакого ответа. Поехали дальше, вверх по долине. Всякий раз, завидев дерево, облепленное грифами, мы спешили туда, думая, что это львята со своей добычей. Но львят нигде не было. Нам встретилось несколько львиных стай, а один раз мы

очутились слишком близко от стада буйволов в двести голов, пришлось поспешно отступить.

Пора уже было возвращаться, чтобы не нарушить правила, предписывающего туристам быть в Серонере до темноты. На обратном пути мы увидели на термитнике гепарда, он был очень хорош на фоне закатного неба. Затем нам пересек дорогу леопард. Крупные черные пятна придавали его шкуре голубоватый оттенок. Через мгновение он уже исчез из виду.

Как только рассвело, мы уже снова были в долине львят. Здесь нам попались два льва, у одного из них был сильно поврежден глаз. Наверное, здоровый охотился и для себя, и для товарища.

На берегу реки мы увидели небывалое скопление животных. Их загнала сюда засуха... Вернувшись снова к урочищу, мы долго звали львят, но они не пришли.

По пути домой мы опять любовались красавцем гепардом на его термитнике и видели, как из большой лужи вместе пили аист ябиру и леопард.

На четвертый день Билли прихворнул. Его нещадно искусаи мухи цеце, руки и ноги у него сильно распухли. Хорошо, что в гостинице среди постояльцев нашелся врач. Он определил аллергию, прописал лекарство и посоветовал Билли избегать мест, зараженных мухой цеце. Поэтому Оставшиеся три дня мы не уезжали далеко от Серонеры. Обидно, что нельзя больше искать львят. А посмотреть и здесь было на что. В районе гостиницы обитало множество животных. Рано утром мы увидели ушастых лисиц; потом большую семью львов: три взрослых льва, три львицы, шесть месячных сосунков и два молодца, ровесники нашим. Они сонно возлежали на равнине, не обращая внимания ни на нас, ни на молодого гепарда, который наслаждался солнцем метрах в ста от них.

Когда стало совсем жарко, мы укрылись под тенистым деревом по соседству с холмом, на котором я разбивала лагерь в прошлый раз. Я попробовала писать, но меня отвлекла чета жирафов с двумя детенышами. Рога малышей еще не отвердели и напоминали пучки волос. Шеи казались необычно короткими, а плечи и узловатые колени — непомерно большими.

Вечером, обедая с инспектором и его женой, мы встретились с директором. Он предложил нам на следующий день посмотреть, как будут выпускать на волю носорога, отловленного в области, где он причинял вред людям. Впервые носорог справлял здесь новоселье, поэтому ждали, что ради этого случая сюда придут председатель правления Питер Скотт и другие участники совещания в Аруше.

Собралось много народу. Тридцать человек прилетели на самолете, а машин понаехало столько, что, когда они окружили грузовик, на котором стояла клетка носорога, я не представляла, как бедный зверь выберется на волю. Вот открыли дверь клетки, все вокруг загудели. Ошалелый носорог пошел прямо на чью-то легковую машину. Владелец поспешно отогнал ее в сторону, а зверь повернулся и затрусил мимо машины председателя правления к зарослям у реки. Хорошо еще, что он не буянил, ведь от носорога, когда его раздражат, можно всего ожидать.

Билли воспользовался случаем и вручил председателю письмо с просьбой разрешить нам сделать операцию Джеспэ. А затем мы покинули Серенгети.

Солнце садилось, когда мы поднялись на Маньярскую гряду. В угасающем свете дня равнины вокруг казались безбрежными. Неожиданно слышалось пение, потом словно звуки ксилофона. И появился чернокожий мальчик, который играл на самодельном инструменте — несколько металлических

полосок разной длины на выдолбленной деревянной чурке. Мальчуган шел куда-то по своим делам и быстро скрылся в темноте. Вот кто хозяин Африки! А может быть, это и есть сама Африка...

На следующий день Билли присутствовал на совещании в Аруше, потом мы завтракали вместе с председателем правления, сэром Джулианом Хаксли, Питером Скоттом, Ноэлем Симоном и другими участниками. Мы всячески уговаривали председателя позволить нам оперировать Джеспэ, но он был непоколебим.

Тогда мы устроили свое собственное совещание. Ноэль Симон настолько зажегся, что написал письмо председателю от имени своего Общества охраны диких животных, выражая тревогу за судьбу Джеспэ. Он писал, что, если дело обернется плохо, это может повредить борьбе за животных Восточной Африки, а ведь Танганьика всегда играла ведущую роль в этой борьбе. Ноэль Симон советовал разрешить доктору Хартхорну осмотреть Джеспэ и, если надо, сделать операцию. Для этого нужно дать Джорджу и Хартхорну десять дней на поиски, помочь им разыскивать львят и позволить их кормить. Симон подчеркивал, что я согласна в дальнейшем не просить о льготах, если нам пойдут теперь навстречу. В подтверждение его слов я приложила свое письмо, в котором обязалась, если того потребует председатель, не участвовать в экспедиции Джорджа и доктора Хартхорна. Мне хотелось показать, что я забочусь о Джеспэ вовсе не из эгоистических соображений.

В завершение наших экскурсий мы на следующее утро поехали осматривать кратер Нгурдото — небольшой потухший вулкан, который недавно был присоединен к территории Национального парка. Я никогда еще не видела столько буйволов и бородавочников, сколько бродило там на заболоченном

дне кратера. После этого мы тронулись в Найроби. В дороге у нас были всякие неполадки, но наконец мы добрались до места, и Билли сел на самолет, улетающий в Европу.

В Исиоло я застала Джорджа. Им удалось перевезти в заповедник Мара сорок четыре угандских водяных козла. С остальными решили подождать, так как животные уже определили дальнотойность ружей, стреляющих усыпляющими зарядами, и не подпускали людей близко.

Джорджу передали, что слоны и носороги разорили могилу Эльсы. Мы сразу выехали туда, взяв с собой каменную плиту с надписью и мешок цемента, чтобы сделать сверхпрочное надгробие.

На месте оказалось, что могила не так уж и повреждена. Носороги явно устроили себе здесь логово. Они съели два куста эвфорбии и все алоэ, вытоптали кустарник у реки и в моем «кабинете». Всюду был виден помет слонов и носорогов.

Я боялась этой поездки, но теперь у меня было удивительно мирно на душе, точно я вернулась домой. Я прошлась вдоль берега, надеясь увидеть наших старых друзей бабуинов и лесных антилоп, но все животные куда-то исчезли. Лишь после захода солнца слышался голос какой-то птички, а когда мы легли, явилась виверра. Она юркнула в палатку Джорджа, разыскала сыр — словом, вела себя так, будто мы и не расставались. Джордж сделал несколько снимков, виверра и глазом не моргнула. Она отступила лишь после того, как он подошел к ней совсем близко.

Утром мы наломали побольше каменных плит на Больших скалах, скатили их вниз по склону и отвезли на грузовике к могиле. Мы задумали восстановить могильный холмик, накрыть его плитами и все скрепить цементом, а в изголовье замуровать черный камень с именем Эльсы. Грузовик отправился в Исиоло за

цементом, заодно мы заказали привезти алоэ взамен уничтоженных.

Стояла страшная сушь. Может быть, поэтому все животные ушли отсюда? Или их разогнали браконьеры? Нам встретилась лишь пара испуганных бабуинов, которых голод выгнал из укрытия. Один из них взбежал, как по лестнице, по кольям, вбитым в ствол баобаба сборщиком меда, и подобрался к плодам. Плоды баобаба очень сочные, африканцы даже делают из них освежающий напиток. Я обрадовалась, увидев на дереве наших знакомых попугаев.

Свирепая львица не показывалась, и вообще около гряды Ворчун попался только старый львиный помет. Это подтверждало слова объездчика, который два месяца назад видел семью Свирепой в верхнем течении реки.

Около недели мы приводили в порядок могилу Эльсы. Непривычная тишина казалась невыносимой. Редко-редко мы слышали ночью трубные голоса слонов, да виверра заходила иногда в наши палатки. Но вот работа закончена, мы обнесли могилу изгородью из колючих ветвей и уехали в Исиоло.

Здесь мы узнали, что заседание правления Серенгети перенесено на конец октября.

Неприятная новость, ведь в ноябре начинаются дожди, и, хотя парк не закрывают, искать будет очень трудно. Но что поделаешь? Надо ждать решения. Первым узнал о нем Ноэль Симон и позвонил нам. Правление отказало... Симон был расстроен не меньше нас.

Если бы можно это было предвидеть в августе, мы бы тогда предельно использовали хорошую погоду. А сейчас, 30 октября, нужно мчаться в Серенгети наперегонки с дождями, чтобы попытаться найти львят, пока еще можно проехать на машине. Приедем как

туристы, будем выполнять все правила, и никто не помешает нам искать.

В Северной провинции уже начались дожди, так что нам стоило большого труда провести по раскисшим дорогам в Танганьике наши два лендровера и тяжелый грузовик.

Тем временем Билли Коллинз послал телеграмму директору, прося разрешить Джорджу вместе с инспектором разбивать лагерь, где ему нужно, чтобы проверить, в каком состоянии Джеспэ. Председатель сообщил ему о причинах отказа:

1. Когда мы 12 июля в последний раз видели Джеспэ, он, по нашим же словам, был в отличном состоянии.

2. Ветеринар-консультант правления считал, что стрела выпадет сама. Он сказал, что у одного из членов правления лошадь получила такое же повреждение и два года ходила с обломками стрелы без какого-либо вреда для себя. Наконец стрела вышла, и никаких осложнений не было.

3. Операция может повредить Джеспэ и помешает львяткам приспособиться к дикой жизни.

4. Львята могли уйти очень далеко, и наши поиски будут помехой для других обитателей парка.

Мы считали, что правление поступило несправедливо, основывая свое суждение о здоровье Джеспэ на оптимистической телеграмме, которую на радостях послал в июле Джордж. Ведь мы объяснили директору при первой же встрече в Аруше, что Джеспэ все-таки не здоров.

И разве можно сравнивать домашнее травоядное с хищником, которому нужны все силы, чтобы успешно охотиться. Конечно, если бы доктор Хартхорн сказал, что операция не нужна, мы бы не стали настаивать. Что до помех, то вряд ли мы, разбивая лагерь на ночь,

потревожим животных больше, чем разъезжающие днем на машинах туристы.

Мысль о Джеспэ не давала нам покоя. Ноэль Симон тоже волновался, и, когда директор Национального парка попросил Общество охраны животных поддержать решение правления, Симон заявил, что выйдет из Общества, если его руководство согласится с директором.

Вот как обстояли дела, когда мы прибыли в Серенгети. Небо хмурилось, тучи грозили вот-вот обрушиться на нас потоки воды.

Мы разбили лагерь на прежнем месте. По равнине ходили стада зебр и гну с малышами. У входа в долину львят нам преградила путь кривая львица, с которой мы уже встречались. Она лежала поперек дороги и не собиралась уходить, так что нам пришлось объехать ее. В урочище не было никаких следов, зато в долине с кущами мы увидели пятерых львов над убитой зеброй. В стае было два короткогривых льва — один светлый, другой темный. Мы четыре часа наблюдали за ними, пока не уверились, что это не Гупа и не Джеспэ.

Может быть, львята выйдут, если мы оставим на ночь машину возле урочища? Тогда мы на следующий день увидим их следы или даже их самих, если они дождутся нас. Мы поставили мою машину на видном месте и вернулись в лагерь на лендровере Джорджа.

Всю ночь лил дождь. Из-за этого мы выехали с опозданием, да еще по дороге нас задержали четыре львицы с шестью малышами, которые сторожили свою добычу недалеко от долины львят. Наблюдая за ними, мы вдруг обнаружили, что и за нами наблюдают: пятая львица незаметно подошла к машине сзади. Мы еще никогда не видели сразу столько львиц. Наверное, где-то поблизости был и самец.

Возле машины никаких следов не было. Мы решили оставить ее тут еще на некоторое время. Прикрыли

колеса колючими ветками, а запасное колесо убрали совсем, потому что гиены не прочь полакомиться резиной.

Возвратившись в Серонеру, мы узнали, что днем приезжал директор. Жаль, что мы его не застали, ведь четыре дня назад заседало правление, и снова обсуждался наш вопрос.

Во время наших ежедневных поисков мы часто встречали животных с детенышами. Многие львицы кормили новорожденных. Малыши были очень милы, когда отряхивались от воды после очередного дождя. Около термитника, где мы с Билли Коллинзом любовались красавцем гепардом, нам попались два щенка с мамашей. Телята топи и конгони прыгали на негнущихся ножках, точно заведенные. Взрослые конгони бегут очень быстро, но откуда берутся силы у таких крошек?

Дождливый сезон был в разгаре. Весь край затопило, но мы все-таки пробивались в долины и на равнину за крутой грядой, покрывая в день до полутора-двух километров. Утро начиналось с визита в урочище львят, однако там нас обычно встречала только кривая львица. Наши львята не показывались.

Приехал директор с женой и пригласил нас на обед. Он мечтал купить ферму Момелла, прилегающую к кратеру Нгурдото, чтобы за ее счет расширить парк. Мы выпили за успех этого дела. После обеда директор отвел Джорджа в сторонку и объяснил, что прецедент с лошастью сыграл едва ли не главную роль, когда правление решило отказать нам. На заседании было немало споров, но он от души надеется, что все кончится хорошо.

С утра до вечера почти непрерывно лил дождь, и мы частенько застревали. Один раз, когда мы пытались пересечь глубокую лаггу, у нас лопнули сразу две шины. Пришлось менять их на глазах у четырех

буйволов, которые, на мой взгляд, стояли слишком уж близко от нас. В другой раз два льва с тихим ворчанием кружили около нас, глядя, как мы под проливным дождем таскаем хворост под колеса и шаг за шагом пробиваемся сквозь глубокую грязь.

А на следующий день мы безнадежно застряли. Джордж наладил блок, один конец веревки привязал к дереву, в другой впрягся сам, будто мул. Ему удалось вытащить машину.

Судя по тому, как была изрыта земля у водопоев, куда приходили слоны и буйволы, непогода не только нам затрудняла передвижение. Вдоль реки вообще нельзя было проехать, и даже у подножия гряды, где местность повышалась, вся почва раскисла. Кое-где мы находили камни и подкладывали их под колеса, в других случаях нас выручали твердые обломки термитников, но чаще всего мы прибегали к блоку.

Наши неудачи в какой-то мере возмещались тем, что мы могли наблюдать, как ведут себя животные во время дождей. Возле глубоких нор мы заметили стаю гиен. Эти норы встречались нам давно, но до сих пор они были пусты. Теперь на наших глазах гиены ныряли под землю и появлялись вновь уже в сотне метров. Очевидно, здесь целая сеть ходов. А детеныши были как чертики в коробочке: выглянут из норы и тотчас спрячутся, завидев нас.

Еще через несколько километров нам попались двадцать две гиеновые собаки. Их щенята — они намного темнее взрослых — ничуть не боялись нас, бегали и резвились, лая отрывисто и хрипло. Поблизости от Серонеры мы встретили тринадцать львов с девятью львятами, из которых один явно был болен. Он не пошел с остальными на водопой и не сосал свою мать. Она обнюхала его, сморщилась и ушла. А он остался сидеть, жалкий, больной, метрах в ста от стаи.

Наконец два львенка попробовали вовлечь его в игру, но он отказался, тогда они легли рядом с ним.

Львы гораздо дружнее, чем другие животные. Гиены, например, эти вечные искатели добычи, ничуть не привязаны друг к другу.

Вечером мы пригласили на обед двух фотографов-американцев, которые разбили лагерь рядом с нами. Они уже двадцать месяцев путешествовали по заповедникам Африки. Дождь нещадно барабанил по палатке, но внутри было сухо и уютно. Ливень не прекращался всю ночь, и все-таки утром мы опять выехали на поиски. Чтобы не завязнуть, старались держаться повыше на холмах. Точно так же поступали и те немногие животные, которые решились выйти в такую погоду.

Но в одном месте надо было пересечь лаггу, и тут мы увязли. Берега были такие крутые и скользкие, что колеса вращались впустую. Да, мотором здесь ничего не добьешься. Не было поблизости и деревьев, чтобы укрепить блок. Джордж вбил в землю столбик и подпер его двумя кольями. Столбик не выдержал. Тогда он вбил несколько столбиков на небольшом расстоянии друг от друга и обмотал их веревкой. Возможно, это и выручило бы нас, если бы новый ливень не превратил землю в кашу.

Теперь оставалось только выстлать весь берег ветками и корой. Нам вовсе не хотелось ночевать тут, и мы работали не жалея сил, но, как ни старались, лендровер продолжал буксовать. Вода в лагге прибывала, стало уже по пояс. Было очень холодно, мы основательно продрогли. Смеркалось, когда Джордж сделал последнюю попытку. Он потянул изо всех сил за веревку, она лопнула, и Джордж бултыхнулся в ледяную воду.

Волей-неволей нам пришлось здесь ночевать.

Джордж лег на заднем сиденье, я устроилась на переднем, отсюда можно было следить за уровнем воды — она поднялась как раз вровень с сиденьями. Хорошо, что у нас был с собой примус. Джордж мог просушить над ним свою одежду. Мы провели очень неприятную ночь. И ведь что самое обидное: столько времени мы напрасно добивались разрешения заночевать на воле, чтобы приманить фарами львят, когда же неумышленно застряли, то, как назло, оказались в очень глубокой лагге и наш свет ниоткуда нельзя было заметить.

Продрогшие, окостеневшие, мы ждали утра и слушали рычание двух львов. Даже если это наши львята, все равно они нас не увидят... Где-то очень близко трубил слон.

На рассвете Джордж приготовил чай, мы согрелись и с новыми силами приступили к работе.

Джордж всякими способами пытался вытащить машину из лагги, а я отовсюду носила ветки и кору.

Около одиннадцати утра мы услышали гул мотора. Может, это за нами? Но гул стих вдалеке. Мокрые насквозь, мы продолжали трудиться под дождем. Наконец в три часа дня решили, что, раз уж нам за двадцать восемь часов не удалось сдвинуть машину ни на дюйм, надо возвращаться пешком в Серонеру. Мы оба очень устали, дорога предстояла долгая и опасная, но все же лучше идти, чем снова так ночевать. Только мы собрались уходить, как вдруг подъехал лендровер и оттуда вышел один из американцев, которые обедали с нами два дня назад. Он рассказал, что наши слуги подняли тревогу и две машины выехали на поиски, но дождь смыл все следы. Одну из этих машин мы и слышали утром.

Американец начал тянуть и толкать наш лендровер, наконец через два часа вызволил его из лагги. Вечером в Серонере мы отпраздновали наше избавление прескверным хересом. Другого вина не было, все

запасы подходили к концу. Товары доставлялись в лавку грузовиком из Аруши или Виктория-лейк, теперь же подвоз прекратился, и всем пришлось подтянуть ремешки. В конце концов инспектор решил рискнуть отправить лендровер в Нгоронгоро за продуктами. Мы предложили послать и наш грузовик с двойным приводом. На него можно погрузить бензин и крупные ящики, и вообще с двумя машинами будет надежнее, в случае чего они помогут друг другу.

На памяти местных жителей еще не бывало таких дождей. Нам сказали, что семьдесят пять процентов животных поднялись на склоны Нгоронгоро, спасаясь от наводнения. В таких случаях даже львы уходят. Может, и наши львята ушли?

Порой мы целыми днями отсиживались в лагере. В нем стало совсем неудобно, палатки пропускали воду, у меня отсырели все вещи. Мы ставили у кольев ведра и собирали воду с палаток, чтобы земля вокруг не раскисла окончательно. Ведра очень быстро наполнялись, мы не успевали их опоражнивать, и по утрам я шлепала в палатке по лужам.

Вечером на свет ламп слетались тысячи насекомых. Наступила брачная пора термитов, все вокруг было осыпано их крылышками. Самые мелкие козявки проникали даже сквозь сетки, как ни тщательно мы их натягивали и сколько ни брызгали аэрозолем. Как только начиналось вторжение, мы гасили свет. Я отчаянно зябла в постели, дождь барабанил по палатке. Ледяные капли пробивались сквозь брезент. Сейчас бы хорошо грелку...

Даже птицы страдали от такой погоды. Как-то утром я заметила двух краснохвостых ласточек, которые решили свить гнезда в моей палатке. Они носили в клювах комочки грязи и пытались прилепить их к большому колу. Но кол был слишком гладкий, грязь соскальзывала вниз. Я обвязала его бечевкой. Ласточки

обрадовались и с новыми силами принялись за дело. Гнездо было почти готово, когда порыв ветра потрянул палатку, и оно рассыпалось. Обескураженные птицы улетели.

В те дни, когда нельзя было выехать из Серонеры, мы наблюдали за большим львиным семейством, которое обосновалось на возвышении поблизости. Среди них был пятимесячный львенок — с каким-то наростом на голове, похожим на валик, протянувшийся от затылка до лба.

Уродство вроде бы не беспокоило малыша, он был веселый и дружелюбный. Львенок часто подходил к нашей машине и смотрел на нас, наклонив голову набок. Совсем как Джеспэ. Потом прятался в расщелине и через некоторое время снова приходил в сопровождении трех малышей очень темной, почти черной окраски. Львята постарше возились с маленькими, катали их по земле, облизывали. Сразу видно, что младшие были общими любимцами.

Иногда старшие забирались на дерево. Но там было тесно, и они поочередно стаскивали друг друга за хвост. Вообще хвост играл большую роль во всех проказах львят. Нельзя было удержаться и не укунить приятеля за хвост, если даже за этим следовала веселая потасовка.

Когда львята подходили к нам слишком близко, мать, считая это большим безрассудством, ложилась на их пути. Тогда львята бросались на нее и затевали возню.

Много дней мы наблюдали за ними и были очень обеспокоены, когда малыш с наростом на голове вдруг исчез. Он мог легко погибнуть. Достаточно было нечаянного укуса, чтобы львенок истек кровью, ведь такие наросты обычно изобилуют кровеносными сосудами.

Лендровер и грузовик задержались, и на поиски их вышел трактор. Оказалось, что они прочно застряли. Но продукты удалось спасти и доставить в Серонеру.

Когда погода улучшилась, мы выехали к урочищу, чтобы проверить, как поживает моя машина. С равнины ушли все животные, осталась только чета страусов с семнадцатью страусятами, которые выступали так важно, будто все тут принадлежало им. Правда, нам еще попались полосатые шакалы^[4] — вид, который мы раньше не встречали.

Четыре шакаленка играли в прятки в норах покинутого термитника. Эти малыши чистоплотностью не уступают львям, устраивают себе «уборную» в стороне от дома. Они подходили вплотную к нашей машине и с любопытством ее разглядывали. Затем мы увидели возле убитого томми двух взрослых шакалов. Наше появление спугнуло их, и тотчас на падаль слетелись грифы. Этому шакалы не могли стерпеть, они молнией набросились на птиц, прогнали их и стали торопливо есть.

Но к самому урочищу нам пробиться не удалось, машина завязла, и мы целый день вытаскивали ее.

Вернувшись в гостиницу, мы узнали, что 11 и 12 декабря в Серенгети ожидают высокого гостя. На это время все, кроме служащих, должны покинуть Национальный парк.

Погода по-прежнему была отвратительная. Животных осталось совсем мало. Жившие рядом с гостиницей львы, к которым присоединилась еще одна семья, очень далеко уходили на охоту.

Самым маленьким такие переходы были не под силу, и они по двое суток оставались одни. Вскоре львицы и львята совсем исхудали, и инспектор стал добывать для них антилоп, чтобы матерям не надо было покидать детенышей. Ну а те новорожденные, которые

обитают вдали от Серонеры, все ли они выживут в эту непогоду?

У меня заболели зубы, ближайший зубной врач был в Найроби. К счастью, в это время прилетел самолет, и в нем нашлось место для меня. Мы поднялись в воздух, под нами было одно сплошное болото и в Танганьике, и в Кении. Наводнение смыло мосты и дома, дороги стали непроезжими, реки Тана и Ахти затопили целые деревни у побережья и превратили большие районы в озера. Вода все прибывала, и я подумала, как трудно будет Кении и Танганьике оправиться от этого бедствия.

В Найроби я провела пять дней, потом вылетела обратно, захватив с собой лебедку. Она пригодилась в первый же день, когда мы опять поехали к урочищу львят. С нею мы быстро выбирались даже из самых глубоких ям и отваживались проникать в такие места, куда до сих пор никогда не забирались.

Уже месяц, как мы поставили машину в урочище, но дождь уничтожал все следы, и нельзя было определить, приходили туда львята или нет. Надеясь на лучшее, мы пока оставили машину на месте.

Проехав по долине пятнадцать километров, мы не встретили никаких животных, кроме буйволов. Зато здесь развелось множество цеце. Брезент на машине казался черным от этих мух. Теория, будто цеце преследует только движущиеся предметы, совсем не верна. Мухи не покидали нас и тогда, когда машина не двигалась, сколько бы мы ни стояли.

6 декабря два инспектора заглянули к нам и сообщили, что в связи с приездом герцога Эдинбургского Серонера с 8-го по 13-е будет для нас закрыта. Нам предложили на это время остановиться в Банаги, в восемнадцати километрах от Серонеры, на самой границе парка. Мы спросили, а нельзя ли нам все-

таки остаться на то время, пока герцог еще не в парке. Но директор не разрешил. И мы уехали в Банаги.

Пока не выстроили Серонеру, Банаги был «столицей» Серенгети. Единственный дом (прежде его занимал старший инспектор) теперь служил пристанищем для тех, кто приезжал в парк для исследовательской работы. Поблизости оборудовали лабораторию имени Михаэля Гржимека, погибшего в авиационной катастрофе во время переписи животных; она должна стать центром научных исследований. Оба здания стоят на пригорке над рекой, которую перекрывает бетонная дамба. Но по дамбе можно ходить только в сухую пору, а в половодье единственным сообщением был подвешенный на деревьях бамбуковый мостик. Этим мостиком мало пользовались, он провис почти до самой воды, в нем было много дыр, и ступеньки с обеих сторон исчезли.

Жилой дом окаймляла большая терраса, на ней гроздьями от десяти до сорока штук лепились гнезда стрижей. Они были сделаны из травы и пуха разных птиц. Под вечер стрижи большими стаями носились вокруг дома. Когда мы зажигали лампы, они ударялись об окна и падали на пол террасы. Поднимая их, чтобы положить в гнездо, я чувствовала, как трепещет маленькое птичье тельце. Погладишь, чтобы успокоить пичугу, и она, будто в трансе, свешивает голову и закрывает глаза. А острые коготки так крепко обхватывают пальцы, что я с трудом отрываю их.

Всю первую ночь лил дождь, и река ревела, набираясь силы. Кажется, мы вовремя проскочили через дамбу!

Утром пошли на разведку. Раскисшая земля вокруг дома была испещрена львиными следами. В километре от Банаги протекает еще одна река, она тоже превратилась в яростный поток, преграждая нам путь к границе Национального парка. Теперь мы совсем

отрезаны, остается только писать письма да слушать радио. Сквозь эфир до нас дошел призыв о помощи из маленькой сомалийской деревушки недалеко от лагеря Эльсы. Их там совсем затопило...

Метрах в ста от нашего дома обосновался буйвол. Мы не могли понять, как он переносит соседство львов, но нам объяснили, что он здесь старожил.

13 декабря за рекой прошли машины с герцогом и его свитой. Гости сопровождали председатель правления парка, директор и три инспектора. В этот день герцог покинул Серенгети. Нам не терпелось получить письма и отправить свои, мы послали гонца в Серонеру. Он одолел бамбуковый мостик. Отшагал восемнадцать километров по грязи, перешел вброд вторую разлившуюся реку и выполнил поручение. С ним мы отправили заказ на специальную клетку, о которой прочли в книге «Цирковой доктор», написанный Дж. Гендерсоном, главным ветеринаром американского цирка «Риньлинь Бразерс энд Барнум энд Бейли». Такая клетка позволяет с наименьшим риском оперировать льва. Ее делают из толстой проволоочной сетки. При помощи вращающейся ручки можно катить стенку на роликах внутрь и прижимать льва к другой стенке, так что он не может двинуться. Мы давно списались с доктором Гендерсоном и теперь решили заказать себе такую клетку в Найроби, чтобы быть во всеоружии, если нам все-таки разрешат сделать операцию Джеспэ.

К 15 декабря дорогу привели в порядок, можно было возвращаться в Серонеру.

Мы сразу же отправились к урочищу львят и встретили там кривую львицу. Она четверть часа спокойно наблюдала за нами. Нет, конечно, это не Эльса-маленькая, но на всякий случай мы несколько раз окликнули ее, попробовали поманить миской, из которой Эльса-маленькая лакала рыбий жир. Кривая продолжала разглядывать нас, потом ушла в урочище.

Странно, что она так долго и пристально нас изучала. Может быть, у нее в урочище спрятаны львята?

Меня донимала малярия. Когда мы вернулись в лагерь, я легла в постель. Включила радио и под аккомпанемент львиного рыканья прослушала в отличном исполнении «Кавалера роз». Я очень люблю и ту и другую музыку, но никогда еще не слышала их одновременно.

На следующий день мы встретили зебр, среди которых была одна горбатая, на полметра короче нормальной зебры. Вместе с тем она казалась крепкой и здоровой. Мы часто видели диких животных с зобом и иными пороками, но с горбом еще не встречали.

Должна признаться, что когда я летала в Найроби, то в приступе отчаяния впервые в жизни пошла к гадалщику. Он заверил меня, что 21 декабря мои звезды переменятся, кончатся все неудачи и мне безумно повезет. Конечно, я решила, что найду львят. В решающие дни я должна носить что-нибудь голубое — это мой счастливый цвет. Я страшно стыдилась и ничего не сказала про гадание Джорджу, однако день и ночь не расставалась с голубым носовым платком и, когда настало 21-е, с утра ждала, что же будет. Мы хотели пробиться к урочищу, но путь нам преградило озеро, которое образовалось на месте солонца. Джордж вошел в воду. Как будто неглубоко. Он снял ремень вентилятора, мы двинулись вперед и почти тотчас увязли. Сбросив верхнюю одежду, я мигом схватила фотокамеры и выскочила. Второпях я забыла даже про голубой талисман, а когда оглянулась, то увидела, как мой платочек уплывает прочь, а с ним и моя вера в прорицателей. Мы до вечера провозились с машиной и к урочищу добрались только на следующий день утром. Мой лендровер стоял на месте. Мы осмотрели его, потом проехали по долине еще двадцать пять километров, но встретили только жирафа и двух гиен.

Цеце зверствовали вовсю, а дорога была такая скверная, что у нас лопнула задняя ось. И когда мы вечером с грохотом въехали в затопленную грязью Серонеру, нас встретили возгласами: «Подводная лодка идет!» Так это название и пристало к машине Джорджа.

Я легла рано, а уже в пять утра меня разбудили два льва, которые таякали около нашей кухни. Я повернулась лицом к входу. Вдруг стенка подалась внутрь под чьим-то напором, несколько оттяжек оборвалось, и вошел здоровенный лев, похожий на огромную пуховку для пудры. Он остановился в метре от моей кровати. Нас разделял только походный стол. Я закричала. Мои вопли ошарашили льва, он вышел и вернулся к своему приятелю. Вместе они пробежали мимо палатки Джорджа, но мы еще долго слышали их ворчание. Видимо, им не нравилось, что мы светим на них фонариками. На следующую ночь они опять явились, но теперь я была начеку и отгоняла их криками, не дожидаясь, когда кто-нибудь заглянет ко мне. Два друга прошеествовали между палатками и скрылись в темноте.

Машину Джорджа пришлось поставить на ремонт, так что в урочище львят мы доехали потом на грузовике. Шофер повел грузовик обратно, а мы пересели в мой лендровер.

Это было в Сочельник. Дождь лил не переставая, львят не было, и вечером мы поехали в лагерь в самом унылом расположении духа. Вдруг по пути новая неожиданность: река вздувалась на глазах и уже достигла глубины двух с половиной метров. Значит, путь в Серонеру отрезан и придется ночевать здесь... Досадно, конечно, но, может быть, именно теперь нам представится случай приманить львят фарами, о чем мы так давно мечтали. Мы отогнали машину подальше от реки и включили дальний свет. Сразу же налетели целые полчища комаров и других насекомых. Аэрозоли

у нас не было, и мы оказались беззащитными перед этим нашествием. Я накрыла лицо тряпкой, которой протирала ветровое стекло.

Дважды мы слышали львиное рыканье и оба раза надеялись, что это львята. Но пришла только гиена. Ее очень занимали наши крыши. Крики на нее не действовали, но, учуяв наш запах, она обратилась в бегство. Лежа на переднем сиденье, я вспоминала, как мы встречали Рождество в прошлом и позапрошлом году. В 1959 году в первый день Рождества вдруг явилась Эльса. Это была наша первая встреча после того, как она стала матерью, и от радости, что вновь видит нас, Эльса смахнула весь обед с праздничного стола. В Сочельник 1960 года она и львята смотрели, как я зажигаю свечи на елке, и Джеспэ стащил подарок, приготовленный для Джорджа. В этот день я прочла письмо с распоряжением перевезти львов.

Сегодня все было совсем иначе... Утром, когда я поздравила Джорджа с праздником, он удивленно спросил:

— Как, разве нынче Рождество?

Я была рада, что мы провели ночь в машине, а не в лагере, но Джордж считал, что надо пробиваться в Серонеру, пока за нами не послали спасательный отряд. Будет лишний расход бензина, а его и так мало осталось.

За ночь вода спала, и реку мы одолели, но тут же ухнули в яму. Я так стучалась головой, что увидела звезды — только не те счастливые звезды, о которых толковал мне прорицатель. Потом меня мутило, голова раскалывалась от боли. Я боялась, как бы у меня не было сотрясения мозга.

В лагере бои рассказали нам, что всю ночь кругом бродили львы. Об этом же говорили многочисленные следы.

Нас ожидала большая рождественская почта. Со всех концов света пришли подарки. Наши заочные друзья учли, в каких условиях мы работаем, так что кроме приятных вещей, которые мы могли отвезти в Исиоло, было много предметов, полезных в лагерной жизни.

Позднее мы пошли гулять. Слушали хор ткачиков с ярким оперением, рассматривали иссиня-зеленого скарабея (навозного жука), который шел задом наперед, толкая задними лапками катышек навоза. Скарабеи откладывают яйца в свежий навоз и делают из него катышки, которые потом служат кормом личинкам. Наш жук сделал комок величиной с мячик. Он так торопился укатить его, что все время падал.

Потом мы увидели необычное скопление светлых термитов. Слово палочки сантиметровой длины, окружили они свою норку параллельными рядами. Мы решили, что это оборонительное построение. И не ошиблись. Вскоре показалась колонна злобных бродячих муравьев. Термиты грозно насторожились, и муравьи, хотя были вдвое крупнее их, отступили. Отставших термиты бомбардировали липкой жидкостью. Она, видимо, действовала на дыхательные органы. Пораженные ею, муравьи подергались и затихли. Мы внимательно разглядели одного термита и нашли у него между жвалами нечто вроде шприца, который разбрызгивал ядовитое вещество.

Вечером мы наблюдали своеобразное явление, которое иногда можно увидеть и в полупустынях Северной пограничной провинции. Когда на западе стали угасать лучи заходящего солнца, на востоке появилось их точное отражение, только немного смазанное.

Мы продолжали целыми днями искать львят и заметили, что мало-помалу в долину возвращаются животные. Среди них были три львицы с пятью

детенышами. Мы встречали их очень часто, и вскоре они совсем привыкли к нам. Однажды львицы ушли охотиться на буйвола, оставив львят так близко от нашей машины, что мы, при желании, вполне могли бы их увезти.

Львы в мою палатку больше не заходили, но вообще их было в Серонере предостаточно. Как-то вечером бои показали мне чету, которая сидела под кустом метрах в семидесяти от лагеря. Они порычали немного, потом один встал, подошел к моей палатке и обнюхал ее. Я прикрикнула на него, и он затрусил прочь, но далеко не ушел. Посветив фонариком, мы увидели, как блестят его глаза.

Я очень люблю львов, однако в таких случаях предпочитаю, чтобы поблизости был Джордж. К нему по ночам навевалась виверра. Ее привлекали крупные мотыльки, которых прозвали «виски». Они появляются на закате и облепляют все влажные стаканы и горлышки бутылок. У нас было не так уж много спиртного, и все же, едва смеркалось, к нам со всех сторон слетались целые рои этих мотыльков. Когда Джордж гасил лампу, виверра приходила за добычей. Мы были рады ей, зато нас вовсе не радовала гиена, которая поначалу таскала только мармелад, масло и печенье, а затем унесла наше самое дорогое лакомство — головку сыра в четыре килограмма и весь запас сосисок и бекона, присланных нам недавно.

Сколько Джордж ни гонял ее, она продолжала досаждать нам, пока прайд львов — штук шесть-восемь — не взял «шефство» над лагерем. Особенно часто навещали нас две львицы. Джордж светил на них фонариком, покрикивал, а они только моргали, продолжая рассматривать нас с расстояния шести-семи метров. Потом вместе со своими львятами они лакали из ведра грязную воду, приготовленную нами для мытья

машины. Напьются и лягут вокруг лендровера у палатки Джорджа. Всю ночь он слышал их возню.

Выдалось несколько дней сносной погоды, потом опять хлынули ливни. Искать львят стоило только на возвышенных местах, и мы решили, пока еще все кругом не затопило, тщательно изучать район холмов. Ехать туда надо было через равнину, держась поближе к скалистым грядам.

Мы не очень-то надеялись на успех. В обширной области, где множество скал, лесов, урочищ, речек, проще простого проехать в нескольких метрах от крупного зверя и не заметить его. Сколько раз мы едва не наезжали на буйволов, которые валялись в грязи, скрытые высокой травой. Я с неизменной тревогой ждала исхода каждой такой встречи, но великаны не меньше нас опасались столкновения. Они поспешно вставали и уходили прочь, мотая огромными головами и оглядываясь, чтобы проверить, не преследуем ли мы их.

Земля совсем раскисла. Животным это не нравилось так же, как и нам. Мы убедились в этом однажды утром, когда увидели на дереве львицу с двумя львятами, которые забрались повыше в поисках сухого места. Только я вознамерилась сфотографировать их, как львята скатились вниз. Львица прыгнула следом и тут же увела их за собой на другое дерево. А подальше нас ожидало совсем забавное зрелище: сердитые цесарки гнали трех шакалов. Стоило шакалам обернуться, как птицы набрасывались на них и принимались клевать. Поджав хвосты, четвероногие добежали до надежного укрытия и немного погодя попытались перейти в контрнаступление, но цесарки были так воинственны, что шакалам все же пришлось отступить.

А дождь все лил и лил, и наша «подводная лодка» начала рассыпаться. Сперва вывалился центральный болт, за ним последовали другие, вышел из строя тормоз, стартер, глушитель. Но машина продолжала

служить верой и правдой, пока наводнение опять не заперло нас в лагере. Да и тут ей нашлось применение — она стала спальней. Моя палатка протекала как сито, и вообще в машине я чувствовала себя как-то безопаснее. Совсем рядом с нашим лагерем обосновалась семья с пятью львятами. Однажды утром мы увидели их около убитой топи в каких-нибудь ста пятидесяти метрах от нас. В этот день мы ожидали к ужину директора гостиницы с женой. Я вышла им навстречу и, когда они подъехали, села к ним в машину. Мы тронулись к лагерю и на том самом месте, где я только что ждала гостей, увидели львиное семейство.

Глава девятнадцатая.

ЛАСТОЧКИ

В нашем «заточении» с нами были ласточки. Чета красногузых второй раз попыталась обосноваться в моей палатке. Порхая у меня над головой, они прилежно лепили глину на кол. Но тут у них появились соперники — острохвостые ласточки. Они меньше красногузых, однако очень хороши собой. У них длинные, тонкие хвостовые перья и на голове красные пятнышки. Сперва острохвостые осмотрели автомобиль, но, в конце концов, предпочли палатку. Целый день обе четы, взволнованно щебеча, летали взад и вперед, затем красногузки исчезли. Поле боя осталось за острохвостыми. Я обвязала кол бечевкой, чтобы им было удобнее, и они неустанно трудились, не обращая внимания на стук моей пишущей машинки. Правда, если я двигалась слишком порывисто или кто-нибудь входил в палатку, ласточки улетали. Работу они начинали с рассветом, в жаркие дневные часы делали перерыв, около пяти возвращались и продолжали лепить до темноты. Сооружение свое они укрепляли травинками, окунув их сначала в грязь. Самочка была несравненно прилежнее самца, который частенько садился на оттяжку почистить свои перышки. На двенадцатый день ладная чашечка была готова.

А на следующее утро на растяжках палатки разыгралась брачная церемония. В перерывах самочка выстилала гнездо перышками и травой. Я предложила ей маленькие комочки ваты. Она брала сразу по три, и я едва успевала готовить для нее этот отделочный материал.

Через четыре дня, подняв над входом в гнездо зеркальце, я увидела три светлых яичка с рыжими пятнышками. Вскоре самочка начала их высиживать. Она просидела семнадцать дней, лишь ненадолго покидая гнездо в жаркие часы, чтобы поесть. Самец, видимо, в это время к ней не приближался. Птенцы вылупились через месяц после начала строительства (одиннадцать дней на лепку гнезда, три дня на кладку яиц, семнадцать на высиживание). В тот день я нашла одно яйцо на моей раскладушке, которая стояла как раз под гнездом. Решив, что оно выпало случайно, я дождалась, когда ласточки улетели кормиться, и положила яйцо на место. В зеркальце я рассмотрела двух крохотных голеньких птенцов. Они еще не обсохли, и большие клювы с желтой полоской придавали им жалкий и уродливый вид.

Но вот родители вернулись, и вскоре я опять увидела яйцо на кровати. Видно, они знали, что из него уже не вылупится птенец, поэтому выбросили. Отец и мать поочередно согревали птенцов, покидая их только в знойный полдень. Уже на второй день птенчики стали обрастать пушком. С утра до вечера родители не знали покоя, удовлетворяя неумный аппетит своих отпрысков. Даже при моем приближении малыши широко открывали свои клювы.

В гнезде царила безупречная чистота. Как добивались этого его крохотные обитатели, я не знаю. В первые дни я ни разу не видела, чтобы они садились на край гнезда, а между тем кровать внизу была испещрена пометом.

Вскоре после появления птенцов ветер снова принялся трепать палатку. Гнездо начало отставать от кола, а тут еще хлынули дожди и затопили лагерь. На следующее утро меня разбудило возбужденное щебетание. Самочка металась от палатки к проволочной сетке, за которой я спала в машине. Я

вбежала в палатку и увидела, что один птенец лежит на моей кровати. Он продрог и тяжело дышал. Я взяла его в руки, стала отогревать своим дыханием. Тут я заметила, что передняя стенка гнезда отвалилась, а задняя висит буквально на волоске, вот-вот упадет. Второй птенец еще как-то держался, но первого уже некуда было класть, и родителям негде было сесть, чтобы кормить их. Умница ласточка сразу догадалась позвать меня на помощь, видя, что самой ей не под силу исправить беду. Я попросила Джорджа поддержать и погреть птенца, а сама принялась липким пластырем чинить гнездо. Пожертвовав наволочку, я сделала из нее лямку и притянула гнездо к палатке. Родители летали у меня над головой и следили, что я делаю. Не испугнет ли их белая лямка? Нет, едва я закончила работу, как они юркнули в гнездо.

Теперь ласточки стали на ночь покидать гнездо. Но это уже не было опасно, так как птенцы начали оперяться и хорошо согревали друг друга. Один из них рос особенно быстро. Мы решили, что это самец. На шестнадцатый день он начал упражняться в полетах. Приземлялся он благополучно, а взлететь еще не мог. У него было несравненно больше желания, чем умения, и родители тревожно метались над ним, пока я не клала смельчака обратно в гнездо. Тотчас все начиналось снова. К сожалению, птенец и ночью не мог уgomониться. Проснувшись однажды утром, я увидела, что родители неподвижно сидят на оттяжке. Я вошла в палатку и на кровати обнаружила мертвого малыша.

Джордж один поехал искать львят, а я осталась в лагере, чтобы присматривать за вторым птенцом. И очень кстати, потому что как раз в этот день пичуга задумала испытать свои крылья. Совсем как брат, она спускалась вниз, будто на парашюте, но вернуться в гнездо не могла, и мне пришлось-таки потрудиться. Когда стемнело и родители улетели, я положила

птенчика в коробку, выстланную мягкой тряпочкой. Еще до рассвета я снова положила его в гнездо, и, когда родители вернулись, он уже ждал их с разинутой пастью. И в этот день я осталась в лагере. Родители тоже дежурили, отгоняя сорокопутов, которые накалывают чужих птенцов на длинные шипы и поедают их. Маленькая ласточка могла уже летать метров на сто, но на земле все еще оказывалась беспомощной. В лагере было много воробьев, которых она боялась. Чтобы отвлечь их, я насыпала в сторонке кукурузы и семян. Воробьи, конечно, были в восторге. К ним вскоре присоединилось семейство мышей. Толкая друг друга, они все вместе уписывали угощение. Просто идиллия... Зато жизнь ласточек-родителей была далеко не идиллической. Меня поражала беспомощность их птенца. Джордж сказал, что видел гнездо острохвостых ласточек в глинистом береговом обрыве. Я не могла представить себе, как они спасают своих птенцов, когда те, вылетев из гнезда, попадают в реку.

На другой день ласточки, как обычно, прилетели к гнезду, но не стали кормить малютку, а попробовали убедить ее лететь с ними. Наконец она расхрабрилась и взяла курс на макушку акации. А затем принялась порхать с дерева на дерево, как ни трудно ей было сохранять равновесие с такими коротенькими крылышками и хвостиком. Родители летели следом и подкармливали ее. Под вечер они всполошились и попробовали заманить пичугу обратно в гнездо. Даже трясли ветку, на которой сидел птенчик, но он только крепче цеплялся за нее. Когда стемнело, родители улетели. Я не знала, что делать, чем дотянуться до макушки дерева.

Весь вечер мы с Джорджем то и дело выходили проводить маленькую ласточку. Она сидела все на той же ветке. Ночи были холодные, и мы боялись, что пичуга погибнет или попадет в зубы ночному хищнику.

Но утром мы увидели ее на месте, она как будто хорошо перенесла ночевку. Появились родители. Весь день они провели с дочерью, кормили ее, а она отважно перелетала с дерева на дерево. Все-таки родители продолжали беспокоиться. Они без конца влетали ко мне в палатку, словно прося помочь поймать птенца и посадить обратно в гнездо...

Пять ночей прошло благополучно. С каждым днем маленькая ласточка летала все дальше в сопровождении родителей. Интересно, что заставляет ее проводить ночи в одиночестве, несмотря на холод и опасности? Конечно, она не могла знать, где ночуют ее родители. И вряд ли понимала, что гнездо находится в палатке, а коробка, в которой ей довелось ночевать, лежит в автомашине. Возможно, унаследованный инстинкт заставлял пичугу избегать искусственной среды и отдавать предпочтение дереву, где по-настоящему следовало быть ее гнезду.

На шестое утро маленькая ласточка сидела взъерошенная, втянув голову в плечи. Она дрожала всем тельцем и, когда появились с кормом родители, не открыла ни глаз, ни клюва. Я надеялась, что солнце ее согреет, и не стала ничего предпринимать. Но вскоре родители прилетели в палатку и тревожно закружились у меня над головой. Я вышла и увидела птенца на том же месте. Джордж принес лестницу, мне с трудом удалось снять пичугу с ветки. У нее не было никаких наружных повреждений, но она непрерывно дрожала и продолжала жмуриться. Я отнесла ее в гнездо, надеясь, что родители накормят дочь, но они сидели на оттяжках и к гнезду не подлетали. Может быть, меня боятся? Я ушла. А когда вернулась, малютка барахталась на моей кровати. Я положила ее на место и заметила в гнезде сгусточек крови. Похоже, птичка заболела воспалением легких... Когда она снова выпала из гнезда, я взяла ее и стала согревать своим

дыханием. Но все было напрасно, маленькая ласточка умерла у меня на ладони. Я опустила ее на кровать.

И тут случилось нечто странное. Откуда-то прилетели красногузые ласточки, которых все это время не было видно, и принялись гоняться за острохвостыми. Несколько часов длилось преследование, наконец, красногузые как будто победили. Они сели на оттяжки, а острохвостые стали метаться между деревьями.

Однако на следующее утро положение вновь изменилось. Красногузые исчезли, а острохвостые принялись собирать глину для нового гнезда. Но мы должны были покинуть Серенгети, и не стоило поощрять ласточек снова лепить гнездо в палатке, которую предстояло вскоре снимать. Я убрала бечевку и прочие приспособления. Настроение у меня было грустное. Еще больше я расстроилась, когда ласточки утром влетели в палатку и сели на оттяжках, недоуменно все разглядывая. В конце концов они улетели и больше уже не показывались.

Много дней меня по утрам будило их щебетание. Теперь воцарилась тишина. Она была настолько тягостной, что мы стали выезжать на поиски львят чуть свет.

Я поведала вам все это в цельном рассказе, погрешив против хронологии в моем дневнике. А сделала я так потому, что это был единственный случай, когда ласточки слепили гнездо в нашей палатке и я смогла вблизи проследить судьбу одной пернатой семьи. История оказалась трагической. Родители так преданно трудились, и малыши были так счастливы. Но на девятнадцатый день погиб один из них, а шестью днями позже — второй. Сопrotивляемость и выдержка маленькой пичуги на протяжении пяти холодных ночей стала для меня как бы символом жизни.

Какой смысл был заложен в этой трагедии? Не знаю. Но меня очень тронуло, что родители, как ни заботились они о первых птенцах, примирились с их гибелью и стали создавать новую семью.

Общаясь много лет с дикими животными, я убедилась, что их безотчетные реакции на удары судьбы вернее наших. Им дана мудрость, какой у нас нет. Незадолго перед тем я с интересом наблюдала, как преодолевает трудности паук. Я не могу любить этих восьминогих, но очень уж терпеливо паук восстанавливал свою паутину всякий раз, когда ее повреждал дождь или крупное насекомое. Он незамедлительно принимался за починку, обнаруживая при этом не только терпение, но и отвагу. Часто разрушителями оказывались жуки, намного превосходящие его величиной. Паук опутывал их шелковистой нитью и превращал в пакетики готовой пищи.

Что ж, может быть, даже у этого примитивного создания следует поучиться упорству и твердости, которые были так нужны мне, чтобы решить задачу со львятами и не поддаваться отчаянию из-за неудачных попыток разыскать их и помочь Джеспэ.

Глава двадцатая. ЦЕНА СВОБОДЫ

Уже много недель мы сражались с отвратительнейшей погодой, искалечили свою машину, забросили дела, подорвали здоровье, а надежды найти львят теперь почти не было. 2 февраля в Серонеру приехал директор, и я снова подала ему заявление, чтобы нам разрешили ночевать в парке в машинах, ведь только так можно было еще рассчитывать увидеть львят. Директор, ответил, что сам он не вправе разрешить это, но, если я настаиваю, он доложит о моей просьбе на мартовском заседании правления. Март... Это будет уже год, как Джеспэ ходит со стрелой, если она еще не вышла. И если он жив.

Больше обратиться не к кому. И мы продолжали розыски, стараясь найти путь на гребень крутой гряды и получше изучить участок за нею. С рассвета до заката штурмовали мы скалистые подъемы, тряслись по камням, бились головой о потолок кабины, проваливались в ямы. Только когда прекратились дожди, нам удалось подняться на гребень и даже проехать вдоль него. Раннее утро и поздний вечер — самая подходящая пора для поисков, но трудно поспеть достаточно рано к тем местам, где могут быть львята, и нельзя уезжать поздно — правила требуют вернуться в Серонеру дотемна. А от долины до Серонеры — восемьдесят километров по бездорожью.

Как-то на равнине мы встретили брошенного львенка, такого маленького, что с ним и шакал мог бы расправиться. Мы не знали, отвезти ли его к инспектору, чтобы тот подложил малыша в семью с детенышами такого же возраста, или оставить здесь в

расчете, что до вечера мать заберет его. Но мать не пришла, и мы известили инспектора. Утром он поехал вместе с нами, однако львенок пропал. Мы от души надеялись, что его увела мать.

Погода наладилась, и все больше львов возвращалось в долину следом за другими животными. До начала дождей мы привыкли видеть в день по двадцать пять — тридцать львов. Теперь мы радовались, если встречали девять, считая это добрым знаком. Глядишь, и наши львята скоро появятся. Конечно, мы узнаем их. И не только потому, что у Джеспэ и Гупы грива короче, чем у их ровесников. Даже если львята разошлись по разным прайдам, мы сумеем выделить их по множеству индивидуальных черточек.

Приехал Питер Скотт с женой. Он опасался, что общественность узнает о наших тренингах с правлением Национального парка и это может сократить приток средств на охрану животных. Я согласилась с ним и объяснила, что именно поэтому не даю интервью журналистам и остановила кампанию в США, где хотели поддержать нашу просьбу о ночевках и операции. Независимо от наших личных взглядов, главное — спасение диких животных. С тем он и уехал.

Однажды вечером нас опять навестил директор. Я спросила у него, стоит ли мне, для того чтобы как-то уладить дело, прибыть на мартовское заседание правления? Разумеется, если мое участие поможет внести ясность. Директор обещал узнать.

Через несколько дней мне передали, что правление готово выслушать меня. Я выехала в Арушу и по пути увидела, что огромные стада зебр и гну возвращаются с гор на равнину. До сих пор искать здесь львят не было смысла, но теперь картина изменилась.

В исполнительный орган правления входили председатель, три члена правления и директор. Для консультации пригласили ветеринара. Моя просьба

была все та же: разрешить нам ночевать в машинах и, если мы найдем львят, сделать все необходимое для Джеспэ. Мне отказали. Основание: мнение ветеринара, который никогда не видел Джеспэ, и июльская телеграмма Джорджа об отличном состоянии львят. Я возразила, напомнив всем, что после осмотра Джеспэ мы сразу внесли поправку. И многие люди, на которых можно положиться, согласились тогда, что может понадобится операция. А они не станут рисковать своим именем, бросая слова на ветер.

Никакие доводы не помогли. И все оставалось так же, как и девять месяцев назад. Напоследок мне объявили, что на время очередного дождливого сезона (апрель — май) Серенгети будет закрыт для посетителей, но в июне нас охотно примут как обычных туристов.

Я рассказала Джорджу, чем закончилось заседание. Он решил обратиться к министру сельского и лесного хозяйства Танганьики, чтобы получить разрешение остаться в заповеднике на время дождей и ночевать вдали от жилья. Ответ был отрицательным. Министр сослался на решение правления и напомнил о трагической смерти молодого фермера в прошлом году. И он, и правление обязаны предотвращать все, что могло бы повлиять на безопасность посетителей Серенгети, тут не может быть никаких послаблений. Правление подчеркивает, что речь идет о безопасности людей, поэтому министр считает своим долгом утвердить его решение.

Мы-то исходили из того, что здоровый лев на людей не нападает, а вот подраненный, которому трудно охотиться, как раз может быть опасен. И операцию мы бы провели без какой-либо угрозы для себя, у нас есть специальная клетка, и мы договорились с одним из лучших ветеринаров Восточной Африки. Но спорить

было бесполезно. Что ж, до апреля поищем в тех местах, где нет мух цеце. А в июне приедем снова.

Из сафари вернулся инспектор парка и рассказал, что видел молодого прихрамывающего льва, о котором мы уже слышали от белого охотника. Хромой по-прежнему ходит с товарищем, и тот, очевидно, охотится для обоих. Инспектор убил для них двух томми, но опасался, что хромой не поправится и придется его застрелить, чтобы не мучился.

Хотя инспектор уверял, что это не может быть Джеспэ, потому что на нем не видно никаких ран, мы все же хотели удостовериться сами и тотчас поехали туда. Нам встретился отряд охотников, тоже видевших двух молодых тощих львов, один из которых прихрамывал. Это было километрах в пятнадцати от того места, куда ездил инспектор. Скорее всего, они видели другую пару, вряд ли хромой мог столько пройти.

У Нааби-Хилл мы познакомились с тремя воздухоплавателями, которые прилетели в Серенгети из Занзибара, чтобы проверить, нельзя ли наблюдать за животными с воздушного шара. Опыты закончились, все имущество уже было сложено, и мы увидели только маленькую плетеную гондолу. Я невольно представила себе такую картину: из гондолы бросают якорь у водоема, вдруг любопытный лев хватает зубами канат и тащит шар на буксире! Вполне вероятный случай.

Мы спросили, попадались ли им львы? Да, один лев вскарабкался на дерево рядом с их палаткой, другой утащил у них одеяло. Правда одеяло удалось отнять. Они с гордостью показали нам дыры — следы львиных клыков.

В нескольких сотнях метров от Нааби-Хилл мы заметили высокие скалы и развесистые деревья. Подходящее место для львов, отсюда удобно

обозревать равнину, на которой уже паслось множество животных.

Среди скал лежали два молодых льва. Джордж уже раз встречал их, тогда один прихварывал, теперь же оба были здоровы. Они ласково терлись друг о друга головами, совсем как наши львята. Неподалеку отдыхала взрослая львица. Мы остановили машину, чтобы сфотографировать ее. Она перевернулась на спину, задрав все четыре лапы кверху, и лениво зевнула.

Мы поехали дальше мимо несметных стад томми, газелей Гранта, зебр и антилоп гну, среди которых увидели не меньше сотни страусов. Опекал их взрослый самец, очень ревностно выполнявший свои обязанности. Он развил такую скорость, что мы едва успели сфотографировать его подопечных. Известно, что у страусов большие выводки, но такой стаи мы еще никогда не видели.

Равнина казалась гладкой, как стол, но кое-где были углубления, заполненные водой. По краям этих водоемов вырыли себе норы гиены, здесь они могли отдыхать в холодке, надежно спрятанные от животных, приходящих на водопой. При нашем приближении они выскочили из своих укрытий, расположенных в двух-трех метрах друг от друга. Мы насчитали их не меньше десятка.

Однажды утром мы заметили на холме молодого светлогривого льва и трех львиц. Они подпустили нас совсем близко. Самец был постарше Джеспэ, но удивительно похож на него. Как мне хотелось, чтобы и наш львенок стал когда-нибудь главой такого же прайда...

Вечером мы снова увидели все семейство на равнине, они явно высматривали себе для ужина жертву среди трех зебр с жеребенком, которые паслись, ничего не подозревая, в полукилометре от них.

Одна львица легла на живот и поползла. Через тридцать метров она остановилась, дожидаясь остальных. Строй замыкал самец. Через некоторое время другая львица вышла вперед и тоже проползла метров тридцать. Когда оставалось меньше семидесяти метров, одна из зебр наконец заметила охотников. Львы тотчас застыли на месте. Зебра снова принялась щипать траву, не спуская с них глаз. Жеребенок, сам того не ведая, подходил все ближе к хищникам. Кругом было так тихо, мирно, и у меня сердце разрывалось при виде простодушного малыша, который сам шел к гибели. А львы сидели все в ряд и глядели на него, им было не к спеху. Но разве можно их осуждать, львам тоже надо жить. Было же время, когда мне казалось безумно увлекательным застрелить беззащитную лань. Правда, это было давно, и, пожив среди диких животных в их естественном окружении, я уже не представляла себе, как это я могла только ради своего тщеславия убивать безобидную тварь.

Смеркалось, надо было уезжать, и мы не дождались конца охоты. Но, кажется, жеребенок уцелел. На следующий день мы не нашли на этом месте ни добычи, ни львов. Зато в нескольких километрах оттуда три львицы рвали мясо недавно убитой гну. Одна из них тщательно обкусывала жесткие волосы на морде антилопы и выплевывала их. Я вспомнила Эльсу. Она ненавидела волосы и перья, даже цесарок отказывалась есть, пока мы их не ошиплем.

Вечером нам удалось подсмотреть, как гиеновые собаки отмечают возвращение с охоты. Восемь собак лежали перед своей норой, в это время прибежала высунув язык девятая. В знак приветствия она потерлась о каждую из восьми, потом отошла в сторону, очистила кишечник и только после этого легла рядом со всеми. Одна за другой вернулись еще четыре собаки, и каждая проделала тот же обряд. Очевидно, у них

всегда так водится, просто раньше нам не приходилось этого наблюдать.

Мы обогнули Нааби-Хилл и направились домой, но, заметив прайд из восьми львов, остановились. Тотчас к машине подбежал молодой лев, сел около нее и стал нас разглядывать. Он был поразительно похож на Джеспэ. Может быть, это наш львенок и есть? Но у него не видно шрамов и выражение морды другое. Все-таки нам хотелось проверить это получше, однако пора уже было возвращаться в Серонеру.

На следующий день мы вернулись в Нааби-Хилл рано утром. Прайд был почти на том же месте. Все мирно дремали и даже не взглянули на нас, видимо, были слишком сыты. Только молодой лев опять подошел к машине, проявляя такой добродушный интерес, что мы снова начали сомневаться. Неужели это Джеспэ? Интересно, как он отнесется к миске, в которую мы наливали львям рыбий жир. Полное безразличие... Вскоре и остальные осмелели, они затеяли игру возле машины. Тут мы окончательно удостоверились, что это не дети Эльсы. А вообще-то самый крупный во многом напоминал Джеспэ. Пока взрослые отдыхали, набираясь сил для ночной охоты, он охранял прайд. Убедившись, что нас нечего опасаться, львенок улегся рядом с отцом и положил голову на лапы. Остальные уже давно уснули, а он все следил за нами сквозь полуприкрытые веки.

Мы потеряли надежду найти хромого льва, а непременно хотелось увидеть его и убедиться окончательно, что это не Джеспэ. И вдруг он попался нам у одного водоема. Товарищ был с ним, в сторонке лежали еще два молодых льва с короткими гривами. Этаким холостяцкий квартет. Может быть, здоровые помогают калеке? Когда мы приблизились, он встал, но тут же пустился снова, ему явно было трудно опираться на больную ногу. Мышцы его задних ног высохли, сам

он весь тощий, глаза страдальческие. Мы сразу поняли, что это не Джеспэ. Но кто знает, может, и наш львенок сейчас выглядит не лучше? Хорошо бы застрелить для этого бедняги антилопу, но нам запретили подкармливать львов. Мы оставили его в надежде, что друзья о нем позаботятся.

Подходила пора покинуть Серенгети на два месяца. К этому времени мы основательно изучили львиное население Нааби-Хилл, и я решила последние дни провести в долине львят. Все животные возвратились на старые места, дичи везде было вдоволь, и мы удивились, встретив в конце долины трех львиц с четырьмя львятами. Этот прайд мы хорошо знали, прежде он обитал в шестидесяти пяти километрах отсюда! Конечно, за три-четыре недели они вполне могут пройти и больше, но львы — порядочные лентяи. Что же заставило их совершить такой переход, когда нет недостатка ни в воде, ни в пище? Старый участок они хорошо освоили, вряд ли их могли прогнать другие львы. Возможно, их выжили мухи цеце, которые развелись там за время дождей.

Нас это очень занимало, ведь мы хотели понять, куда могли уйти наши львята. Джорджу казалось, что их потеснили другие львы, мне же думалось, что тут виноваты и мухи цеце, и наводнение. Последний пример как будто подтверждал это.

В устье долины на высоких пальмах по берегам реки созрели крупные, с яйцо страуса, оранжевые плоды, между которыми свили гнезда изумрудно-зеленые попугаи, удивительно красивые в полете. На скалах поблизости стая бабуинов занималась своими делами. Самцы постарше сидели особняком, самки кормили малышей, приводили в порядок свой мех, шлепали озорников.

На обратном пути мы заметили кружащих в небе грифов. Подъехав к тому месту, мы увидели двух львов

возле туши буйвола. Не будь они слишком взрослые, мы бы приняли их за Гупу и Джеспэ. У светлогривого была длинная, узкая морда, золотистые глаза и добродушное, полное собственного достоинства выражение. Вылитый Джеспэ. А более темный косил, совсем как Гупа. Но им было года по четыре.

Уже перед самым лагерем мы остановились, заметив необычную обезьяну, которая высунулась из листвы, чтобы посмотреть на нас. По рыжеватой шерсти и длинному хвосту можно было понять, что это красная мартышка, занятный вид, который редко встретишь в Восточной Африке.

День был на исходе, и мы помчались дальше на полной скорости. Вдруг путь нам преградили три спящих носорога. К счастью, мы успели объехать их прежде, чем они встали. Никогда мы еще не сталкивались так близко с носорогами... И лучше с ними и впредь не сталкиваться.

Последние дни мы разъезжали в Серенгети с утра до вечера. В общей сложности провели в парке пять месяцев, почти все время на колесах. Досталось и машинам, и нам. Каждый уголок, где могли укрыться львы, был обследован. Но все напрасно. Единственно, чего мы достигли, так это основательного знакомства с местным животным миром. Также интересно было узнать о повадках животных в дождливый сезон. Мы проложили везде автомобильную колею, которая могла помочь инспекторам проникнуть в ранее недоступные уголки Серенгети.

В самый последний день грифы привели нас к падали недалеко от того места, где пятью днями раньше мы видели львов, похожих на Джеспэ и Гупу. И теперь мы застали их же около буйвола. Почему-то они предпочитали именно этого мощного зверя, хотя кругом было вдоволь гораздо более уязвимых конгони и мелких антилоп.

Темный лев, похожий на Гупу, наелся до отвала и теперь охранял добычу от трех нахальных шакалов. Они все время подбегали за лакомыми кусочками, пока грозное рычание не обратило их в бегство. Светлый не вмешивался, он лежал в тени под деревом, и утренний ветерок перебирал его гриву.

До чего же они красивы... Важные, но незлобные, полные достоинства, уверенные в себе. Глядя на них, не трудно было понять, почему человек всегда восхищался львом, даже сделал его символом. Царь зверей, как его называют, снисходительный монарх. Конечно, он хищник, но хищники нужны для равновесия в животном мире. Лев лишен коварства, на человека он нападет лишь ради самообороны или в тех случаях, когда не может охотиться за быстроногой добычей. Убивает он только для того, чтобы утолить голод. Посмотрите, как безмятежно пасутся антилопы около львов, когда они сыты.

Я не могла оторвать глаз от львов и думала о детях Эльсы. Где они сейчас? Где бы они ни были, мое сердце с ними. Но оно принадлежало и этим двоим. Любуясь ими, я понимала, что они сродни нашим львятам. Больше того, в каждом льве, которого мы встречали, я узнавала что-то от Эльсы, Джеспэ, Гупы, Эльсы-маленькой — дух всех великолепных львов Африки. Да убережет их Господь от стрел, да охранит их царство!

Серенгети, июль 1962 года.

Коротко об авторе

Джой Адамсон — известный биолог-натуралист, талантливая писательница, художница. Она родилась в Австрии в 1910 году. В 1938 году покидает Европу и переселяется в Кению.

С этого момента она всецело посвящает себя изучению и описанию окружающей природы, в частности — образа жизни африканских львов.

Джой Адамсон с мужем много лет вела неустанную работу по охране и размножению диких животных, распространению среды их обитания. Ее деятельность была направлена на воспитание в людях чувства восхищения богатством и разнообразием форм и видов живой природы. Международное признание и популярность у читателей всех возрастов принесли ей книги «Рожденная свободной» и «Пятнистый сфинкс».

Джой Адамсон трагически погибла в 1980 году, став жертвой браконьеров, от которых она на протяжении десятилетий оберегала хрупкий и беззащитный мир животных.

notes

Примечания

1

Причины, вызывающие миграции животных, всегда комплексны, но все-таки основное — нехватка пищи. Не являются исключением в этом отношении и миграции леммингов.

Трудно предположить, чтобы зверек, размером чуть больше кошки, напал на буйволенка, хотя бы и новорожденного. Вероятнее всего, что медоед (или кто-то другой) полакомился уже трупом.

Угандский водяной козел (*Kobus kob*) — крупная редкая антилопа, близкий родственник обыкновенного водяного козла (*Kobus ellipsipsum*).

Полосатый шакал (*Canis adustus*) распространен в Африке довольно широко, но в численности заметно уступает обыкновенному шакалу. Многими зоологами не признается за самостоятельный вид.